

Алексей Широпаев

КОГДА ТЕМНЕЕТ
стихи разных лет,
эссе и письма

Альтернатива
Москва
2026

УДК 613.2
ББК 51.230
Ш 18

Широпаев А. А.

Ш 18 Когда темнеет. *Стихи разных лет, эссе и письма.*
– «Альтернатива», Москва, 2026. – 272 с.

Книга издана в авторской редакции

Широпаев Алексей Алексеевич - поэт, публицист. Родился в 1959 г. в Москве. С конца 1980-х годов публикуется в изданиях про-русского направления, некоторое время работал в журнале «Наш современник». Принимал участие в ряде партий и движений в качестве публициста и теоретика.

В настоящее время независимый литератор.

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

xxx

Облетевшая давно,
Эта ветка – как сухая.
Что стучишь в моё окно,
Катастрофа мировая?

Замер бездны на краю
Дом в безумии и страхе.
Как спасу, как охраню
Его запахи и прахи?

Ветер буен и свиреп,
Стены трепетны и тонки.
Волны бьются, озверев,
Там, внизу, у скальной кромки.

Над моею головой
Балки вскрикнули, как птицы.
Скоро вместе со скалой
Дом над морем накренится,

И себя освободит
От навязчивого тягла,
И над штормом полетит,
Как кабина дирижабля –

Сквозь потёмки волокно
И кинжальные зарницы...
Ветка стучает в окно.
Мне не спится, мне не спится...

Август 2022

ЖИЗНЬ

Мы живём за дверями безлицыми,
А когда умираем неброско –
Незаметно приходит милиция,
Чтобы дверь опечатать полоской.

А живые, встречаясь на лестнице,
Задаваться вопросами станут:
«Что случилось? Уехал?.. Повесился?..» –
И за двери железные канут.

2022

xxx

Что, душа, происходит с тобою?
Ты как птица в тенётах репья.
И бессонный сосед надо мною
Ходит, ходит, паркетом скрипя.

На дубовые клавиши давит –
Непонятен мотив, но глубок.
Таёт разум остатками яви.
Я усну. Надо мной – потолок.

23.12.2024

xxx

Не свиданье с Парижем,
Не мечта-Будапешт –
Всё наглядней и ближе
Мой последний рубеж.

Всё бессоннее ночи,
Распахнувшие мглу.
Всё шершавей песочек
Шелестит по стеклу.

2023

ПОДРАЖАНИЕ ГОЛСУОРСИ

Ирине

В меня вливалась пеньем соловья
Языческая роскошь бытия.

Внизу шумел, как в древности, поток.
Сквозь тёмный дуб проглядывал восток.

И покрывала щедрая роса
В дыму туманов спящие леса.

Я был один. Я кротко ждал зарю,
Шепча заре, как гимн: «Благодарю!»

За то, что вновь прорежется рассвет,
Как это было миллионы лет.

23.08.2013

КОГДА ТЕМНЕЕТ

Ирине

Самовар с золотящимся боком,
Разговоры под чай до утра...
А в провалы распахнутых окон,
Остывая, втекала жара.

Пролетали машины за садом,
Свет по нам пробежал неживой –
Будто боги поспешно, с досадой
Нас тогда наделяли судьбой.

Светотени бегут с перехлёстом
По героям восторженных лет.
И чреват этот морок и бред
То ли счастьем, то ль скорым погостом –
Как змея, ускользает ответ...

Годы *минули*. Дом испарился,
Круг распался, а я – утомился,
Но дорога за садом – живёт,
Душу фарами быстрыми жалит,
В ней лучами летучими шарит –
Но и там ничего не найдёт.

Февраль 2023

xxx

Серёже и Тане

Как наша юность умирала!
Страна дымилась и орала.
А наших кухонь посиделки –
Сиделки у больничной койки.
А юность таяла и знала,
Что умирает, и спокойно
Смотрела с ясностью оскала
На наши споры и попойки.

Апрель 2025

ИЗ ДРЕВНЕЙ ПОЭЗИИ

О, за плитус мечтаю свалить я
И забыть, повернувшись спиной,
Что тиран совершает соитье
С полоумной старухой-страной!

Там, в укрытии, вечность лилова.
В ней, как дети, миры и века.
Там усну я, предчувствуя слово
И в ладонях храня светляка.

Февраль 2023

xxx

Народ, ты нюхом – как борзая.
Устав от бунта и от блядства,
Ты неизменен, приползая
В тепло проверенного рабства.

Приятна старая блевота,
Знакомых запахов позывы...
О Русь! Ты – ровное болото,
Что иногда рождает взрывы.
Октябрь 2022

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ

Давайте вымолвим с любовью:
У нас великая страна.
И пусть она великой кровью,
Великим страхом *сполчена*.

И пусть она насквозь гнилая,
Перебродившая от зла,
И пусть отсель и до Мамая
Судьба кривая пролегла,

И пусть вчерашняя блевота
Опять толпой обретена –
Шепчу с улыбкой идиота:
У нас великая страна.

Март 2014

ЧАСЫ

Жизнь – всё то, что имеет отмеренный срок.
А пока шелестит, осыпаясь, песок.
В нём надежды и страхи, враги и друзья,
Озаренья и всё, что упомнить нельзя;
В нём позор измельчённый и жжение обид,
Грязи гранулы, столь драгоценны на вид;
В нём текут сожаленья, квартиры, дома,
И в движении, смещении – солнце и тьма;
В нём текущие лица, потоки светил,
Поражения, свадьбы, зыбучесть могил;
В нём высокая доблесть и низменный страх –
Всё одно: однотонность, шуршание, прах,
Чьи пылинки последние канут в проём,
Полыхнув безутешным и горьким огнём.

Февраль 2023

ПАССАЖИР

Ветер листву обрывает,
Год погоняя к концу.
Едет покойник в трамвае,
Тени бегут по лицу.

Тленьем повеяло вроде,
Стонет трамвай и скрипит.
Входит народ и выходит,
Едет покойник и спит.

Бледный, как слабое эхо,
Тыча в окошко чело,
Все остановки проехал,
Не затуманя стекло.

Тленных печатей начатки,
Как в голубике – уста.
По омертвелой сетчатке
Плыли родные места.

Вот оно, тихое счастье.
Кончилась жизнь-круговерть.
Очи распахнуты настежь
Внутрь, в сокровенную смерть.

Грубый теперь не обидит,
Злоба пройдет стороной,
Тайну твою не увидит
И не нарушит покой.

Солнце, мелькая, лучится
Листья играют, рябя.
Уж ничего не случится
И не разрушит тебя.

Стал ты одним из немногих,
Канув в одну из прорех.
Целый трамвай одиноких.
Труп – одиночее всех.

Лучше, чем где-то валяться,
Ехать и ехать в тени.
Спящим, живым притворяйся,
Время поездки тyani.

Так, на одном из сидений,
Вроде как все, человек,
Ехал сосуд сновидений,
Что опечатан навек.

Глупое счастье – в этом:
Как утомившийся буфф,
Став посторонним предметом,
Ехать, живых обманув.

Ты преисполнен итогом,
Как драгоценным вином:
Час между жизнью и моргом
В этом трамвае родном.

2020

(из старых тетрадей)

ПРОЩАНИЕ

Всю жизнь была на психованной работе,
мечтала о пенсии,
а за полгода до пенсии умерла от инсульта.

Всё было знакомо и обычно:
работа, квартира, книжка перед сном, только что – фразы в
книге, всё так незыблемо, а спустя минуту – ужас смерти по-
смотрел на неё вплотную, и где? на родной кухне.

И стоило ли психовать всю жизнь на работе?
И стоило ли, чтобы этот март был таким ярким?
И стоило ли за месяц до этого дежурить в народной дружи-
не?
И зачем к проходной подвозят её тело?
Какое отношение к заводу имеет вечность, проклюнувшаяся
в нашу сутолоку смертью? Это всё равно, что обожествить
букву «Н» – только потому, что с неё начинается имя Нефер-
тити.
Какое отношение имеет это тело к умершей?
Какое отношение имеет умершая к заводу?
Какое отношение имеет её жизнь к умершей?

Час придёт – и сквозь спокойные строки наших книг, сквозь
уют наших кухонь вломится пустота – так чернила проходят
сквозь промокашку.
Зачем эти слова о продолжении дела и «спи спокойно»?
Зачем вы поставили смерть рядом с заводом и обратили его
в ничто?

Вы думаете, Пустота слышит слова о грамотном выполнении производственных задач?
Отпустите N на свободу! Она ни при чём.
А впрочем, почтим её тело – его действительно отпрессовал завод.
А о душе вы говорить не можете – да и нельзя, когда рядом проезжают автобусы.
«Природа шепчет: бери расчёт».
Не плакать надо, рабски предвидя собственный гроб у завода, а гулять во имя хорошей погоды, наслаждаясь незаконной свободой.
Солнце сверкает в слезах – такой бриллиант на траурном бархате лиц!
Надо не прятаться за книгами и кухнями, а спокойно дышать рядом с вечностью – тогда и не будет ударов.

1986-1988?

ГЕРОЙ

Пятном парфюмерным солнце
В морозном пару.
Тянулись к заводам толпы,
Дымя на ветру.

И чёрные гребни домов
Кренились вдаль,
Туда, где дымили домны
И падала сталь.

Он матом встречает завтра.
В метро – как в аду.
Лицо его – жухлая астра
В осеннем саду.

Плохой колбасою пахнет,
Одетый легко,
Порою протяжно ахнет,
Зевнув широко.

Плечами чужими сдавленный,
Такой же, как ты,
Он смотрит во тьму на кабелей
Тугие бинты.

На ботах белеют капли
Раздавленного молока.
Он смотрит во тьму, за кабели,
На чёрного двойника.

О боже, какие страсти,
Былые века,
В нем дыбятся, будто айсберги
И облака.

О боже, какие кручи
В нем мутно томят...
А с виду – похож на грузчика,
Небрит и помят.

С утра уж глаза он **налил**.
Поди, разберись.
Обрюзгший. А в нем – Гималаи,
В нем бездны и высь.

Придвинься к нему, прислушайся
Как зубы скрипят.
А с виду – простой как лужица,
Сутол и сопат.

Живёт он один. Лишь тиканье
Сожитель ему.
А ночью приходят дикторши,
Лунируя тьму.

Немыми страстями взмыленный,
На что-то готов,
Встаёт он и смотрит филином
На гребни домов.

О боже, как часто плакал
И выл на огни...
И липнут к паркетным планкам
Босые ступни.

Он молится наудачу,
Зовёт НЛО.
А в поздней рекламе скачет
И бьётся неон.

К стеклу прижимается лбом он,
Не в силах понять:
«Кто я? И откуда родом?..»
Но порвана прядь.

Клубится душа. Там Ницше
Восходит на трон.
А утром опять — яичница
И ниши метро.

1982

ПЕЛЬМЕНЬ И ВОЯДЖЕР¹

Что мне твои расстоянья, вселенная?
Я человек, то есть в принципе мал.
Здесь находилась когда-топельменная,
Где я пельмени студентом едал.

Молод я был и страдал аппетитами
К рифмам, пельменям и цвету лазурь.
Что до меня вам, машина Юпитера
И термоядище солнечных бурь?

Тратил я время, и было не боязно:
Лет впереди – аж не виден предел.
А в пустоте затерявшийся «Вояджер»
В вечности смерти летел и летел.

Что ж в моей жизни? Цветные осколки.
А равнодушный стальной аппарат
Вышел за грань радиации солнечной,
В мир, безответный, как чёрный квадрат.

Там он летит, распластавши конечности,
В тьме, где неведома мелочь вранья,
Став одинокой частичкою вечности.
Я же – старею, осколки храня.

Я же – исчезну, как снег перетоптанный,
Рифмы – не те и не тот аппетит.
Вечна лишь тьма за пределами опыта,
Где железака летит и летит.

Май 2020

¹ Вояджеры – два косм. аппарата США, запущенные в 1977-м, и недавно покинувшие пределы Солнечной системы.

ЗАЛЕСЬЕ

С.В. Фомину

Вкусным дымом тянет от изб.
Я чекушку ещё возьму.
Если даже ты атеист,
Здесь уверуешь в белизну.

Мелочь всякая не важна –
Ни тропиночки, ни лыжни.
И на кладбище тишина –
Продолжение белизны.

Церковь белая – молода,
Не расписана в Страшный суд.
Не копытила здесь Орда,
Не коптили пожары смут.

Как-то сызнова жизнь свежа,
Как-то заново всё срослось.
Ведь не даром сюда бежал
Я от слякоти и от слёз.

Но не светел закат – багров,
И тревожно у кромок тех...
Там снимается фильм «Рублёв»,
Там татары копытят снег.

декабрь 2022 – февраль 2023

ПАМЯТИ ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА

(Борис Мессерер вспоминал: приехал как-то раз к Ерофееву на Флотскую, открывается дверь - на пороге Веня, синеглазый в синей рубахе, это было что-то сумасшедшее...)

Глаза от водки голубее.

Ещё – рубаха голуба.

И в этом русская идея.

И в этом русская судьба.

А водка прочищает глотку
До соловьиных скоростей,
До первых слёз, до детской нотки,
До Бога, почвы и костей.

Уже не жжёт глоточек колкий,
Неотличимый от воды.
И хрусталём на книжной полке
Порожних шкаликов ряды.

Чревата муза антитезой.
За Клязьму, за туманный вид
Гортанным горловым протезом
Она поэта наградит.

Прошла не широко, не узко
Жизнь в стороне от большаков.
И я беру билет на Курском
В один конец до Петушков.

Спеша за солнцем-скарабеем,
Один приеду в никуда,
Где март бессмертья голубее
И чище водочки вода.

Москва-Владимир, 2011

СИМФОНИЯ

Будто кот на мягких лапах,
Вождь гуляет по полям.
Но равнина трупный запах
Источает тут и там.

Как душой возвеселиться?
Эта проза так груба.
Мановением десницы
Подзывает вождь попа.

«Вот задание, терпило –
Не лопатить и не жать.
Разжигай своё кадило –
Будешь запах заглушать».

С виду батюшка – как с фрески.
На груди немолодой
Крест блистает иерейский
Рядом с красною звездой.

То ль по вере и смиренью,
То ль желая угодить,
Облачившись в облачение,
Начал батюшка кадить.

И порхает синий ладан,
Как миражный «город-сад»,
И мешается со смрадом,
И становится, как смрад.

2023

СКОНЧАВШИЙСЯ 5-го МАРТА

Жил-был на Западе Прокофьев,
И вдруг метнулся на восток.
Я не пойму, какой морковью
Пред ним помахивал совок?

Придавлена его кончина,
Как пирамидой, смертью «бога».
Зачем приехал ты в совчину?
Ведь был свободен, как Набоков!

Зачем таким сияньем голоса
Одаривать простор погоста,
Который *только* что, как колосом,
Гудел колхозным холокостом?

Вот ухо-то немзыкальное –
Таких-то воплей не расслышать!
Твой гроб в тени гробницы Каина
Стоит тихонько – и не дышит.

Писал ты вещи гениальные,
Но лучше б – где-нибудь в Америке.
Ведь всё равно тут помнят Сталина,
Прокофьева – гораздо менее.

2022

1933-й

В ритме джаза наяживал ад.
Руки вздев, будто голые сучья,
Под веселье Весёлых Ребят
Вымирала деревня беззвучно.

Видно, радость – она не для всех.
Эти станции смертью пропахли.
Вы ж в костюмах белее, чем снег
Пролетали на поезде в Гагры.

Там – вино и по-карски шашлык,
Синь морская с дыханием йода.
Вам дозволен ненашенский шик
И в опасных пределах – свобода.

Вы – герои, а завтра – враги.
Завтра вспомните сохлые руки,
Постигая мельканье тайги
И тяжёлых колёс перестуки.

Февраль 2023

ПОЖАРЫ

Сибирский дым шагает на Москву.
Как лес Бирнамский, он идёт в атаку.
О, дотянись. И нашу синеву
Предай затмению – ужасу и мраку.

О, отомсти. За свой убитый край.
Иди навстречу моему объятию!
Гряди, Сибирь. Скорей сюда шагай
Потусторонней, смрадной дымной ратью.

Кто превратил тебя в сплошной очаг?
Нам не узнать, да и тебе, наверно.
Лети, Сибирь, на запад, как Колчак,
Сосной калёной выжигая скверну!

2019-2025

УРАЛЬСКИЙ СКАЗ

Читал где-то: некие местные рабочие очень спешили поучаствовать в расправе над Царской Семей, и были весьма раздосадованы, опоздав...

Урал, Урал – на склонах юра
Косматый лес и тишина.
Глядит в упор темно и хмуро
Твоя заводская шпана.

Нет, не плакатен, не лубочен –
Трудом ли красишь фартук свой
Ты, крови жаждущий рабочий,
Ведомый яшкиной братвой?

Разбойно пахнувший железом,
Преступен и немилосерд...
Конечный акт этногенеза –
Кувалда, лёгшая на серп.

Тебе лишь мести голос внятен.
Тебя бодрит, как самогон,
Тот факт, что насмерть дом Ипатьев
Стеной острога обнесён.

Как некий ген, в тебе посеян
Глухого хаоса размах.
И малахитовая зелень
Застыла, плоская, в глазах.

Проста по виду власть Советов,
Как с виду прост мастеровой.
Но мраком шепчет, а не светом
Клад самоцветный под горой.

Ты не успел к ночному пиру,
Фортуны подлую кляня,
Титан, разлом явивший миру,
Разливом тёмного огня.

Февраль 2023

xxx

Ты и раньше-то был не особенно эльфом,
В огнедышащем сумраке ведая толк.
Но теперь-то, воспитанный тьмой, подземельем,
Генетически вызрев, ты истинно – орк.

Взор навеки утратил лазури осколки,
В нём нечистый огонь ядовито кипит.
И союзны с тобою лишь мерзкие волки,
А эпохи знамение – треснувший щит.

Но бывает – в тебе, будто синие раны,
Васильки запоют изначальной судьбой,
И застонут в душе белоснежные храмы,
Что зело изукрашены вязью резной.

2022-2023

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АРМИИ

Гиве Потияну

1. Мистерия

Не предвещая эскалаций,
Лежит, предутренне блестя,
Плита агатовая плаца,
Нага, как чёрное дитя.

Что в этих снах? Махабхарата?
Парад? Шагистики прогон?
Такому Чёрному Квадрату
Страна заснеженная – фон.

И пусть у нас ума палата,
Но не вмещается в умы
Первоматерии заплата,
Упавший плат вселенской тьмы.

И Первомаю не пытаться
Воздеть на древко, под салют,
Икону тёмных медитаций,
В в/ч сокрытый Абсолют.

Но чу! Подъём не за горами!
Вновь провернётся колесо –
И в плац ударят сапогами,
В его прекрасное лицо.

Растопчут мандалу, ничтожа,
Биомеханику верша.
И плац скукожится, как кожа,
Как обожжённая душа.

Печатный шаг грозов и кучен,
И туп, как дембельский альбом.
И плац умрёт, уставясь в тучи,
Умучен и непогребён.

Казарм оскалятся палаццо,
Вися над трупом вороньём...
А плоть растоптанного плаца
Оплачет Сириус потом.

Его слеза, тверда, как смальта,
Падёт с немыслимых высот –
И в глади мёртвого асфальта
Агат загадки оживёт.

И вскоре снова, как корона,
Как кровь, затеплится заря,
Встав над улыбкой фараона
И обречённого Царя.

2. Ночь

Неподвижность распахнутых глаз.
Спит «на тумбочке», стоя, дневальный.
А за окнами – мертвенный плац,
Он внушает кошмар идеальный.

Снится воину – мир опустел,
Всё сбылось, как рекут замполиты:
Сотворил термояд-беспредел
Эту тьму и спалённые плиты.

Душит ужас ракетных атак,
Всевозможные ужасы множа...
И застыли, размером с пятак,
Слёз нашлапки на яловой коже.

Тишина в полумраке казарм,
Спят солдаты, согласно природе.
И дневальному смотрит в глаза,
Обезумев, дежурный по роте.

Уж зари показался плакат –
Но команда «Подъём!» не пропела.
Неподвижны сержант и солдат,
На века замерев омертвело.

Август 2022

3. Песнь про линолеум

Будто в небо дорога лиловая,
Между воинов, видящих сны,
По казарме простёрся линолеум,
Как в заливе – тропа до Луны.

Будто речка – прямая и длинная,
С серебристым, приветливым дном,
Образует линолеум линию
Наяву – и в наивном ином.

Перепутались лилии стеблями.
И, как чистые души на суд,
Белоснежные грёзы о дембеле,
Аромат источая, плывут.

Но светает – и явит могущество,
Будто обух, команда «Подъём!».
И ничто не напомнит мятущимся
О развеянном чуде ночном.

Провоняла казарма намоленно,
И намыливает салажня
Без вины виноватый линолеум –
Скользкий, тягостный как лыжня.

2022-2023

УРОБОРОС

Я не сплю. Я дышу на стекло
И ладонью его протираю,
Чтоб созвездье от края до края
На окно, как подвески, легло.

Здравствуй, звёздных лучей серебро!
Я вселенной касаюсь так просто –
Вдруг как будто чешуйчатой бронзой
Тронул кто-то ладони ребро.

Кто там, скрытый во тьме до поры,
Космос обручем формы пленивший?
Змей Великий, объяввший миры,
Крепко-накрепко хвост закусивший.

Да, коварен вопрос и не прост
Для ума, что не выше прилавка:
Змей – он держит роение звёзд
Иль сдавил небеса, как удавка?

Знай о Хаосе, древнем враге!
Коль не будет околицы-рамы –
Заплутают светила в пурге,
Чтобы мёртвыми сгинуть мирами.

Потому-то не спит астроном,
Некий отсвет заметивший вроде,
Будто в тихом музее ночном –
Бронзу блика на рамах полотен.

Октябрь 2025

ПЛЕННИК

Мотылёк, залетевший в метро,
Как душа, заплутавшая в теле.
Дуновенье подземных ветров
Ты считаешь дыханьем апреля.

Ложный свет распростёр потолок.
Ты трепещешь у пыльных плафонов,
Ты навек запропал, мотылёк,
Среди мрамора, шума, вагонов.

Изобилие ложных красот,
Ни плодов настоящих, ни хлеба.
И насмешкой над синью высот
Наверху – иллюзорное небо.

Там – ничто, а не выход вовне,
В тот утраченный воздух манящий.
А ведь где-то таится во тьме
Ниспадающий луч настоящий.

2020-2023

1937-й

Жили весело, жили богато,
Но одно омрачало чело:
Как метро, клочкотание ада
Содрогало серванта стекло.

На разломе их дачи стояли,
Осыпаемы хвоей сосны –
И у каждой копились в подвале
Безысходные серные сны.

Днём пробор надушён и зализан,
А ночами – волосья встают.
Нет, не в дверь барабанят, а снизу,
Содрогая покой и уют.

А назавтра – дела спозаранку,
Надо в Крым собирать чемодан.
Но под полом – подвал, как изнанка,
Как условие: платить по счетам.

Орден блещет на лацкане слёзно,
Отпуск пеньем клаксона позвал.
Шелестя, осыпаются сосны,
И в отдушины шепчет подвал.

Март 2023

ПРОКЛЯТИЕ

Мне снилась решётка балкона
В болезненной белой ночи.
Железного слабого стона
Ко мне долетали лучи.

Решётка балконная ныла –
Так трубы печные поют:
«Стать лирою – сил не хватило,
Струна моя – кованый прут.

Хочу передать я музыку
Касаний, ветров и дождей.
Я кована, косноязыка,
Я скована кармой своей.

Я помню себя, но нечётко,
И жажду до сути дойти.
Я лира, но стала решёткой,
Я сбилась однажды с пути...»

Навек похороненной сутью
Мелодия рвётся из пут.
Беззвучные ржавые прутья
Безумия песни поют.

Как будто сквозь толщу ватина,
Сигналом из мертвенных вод –
Ни слов не понять, ни мотива –
Вибрирует, стонет, зовёт...

Не сдвинуть заклётого спуда.
Бессилие, будто во сне.
И лишь невозможное чудо
Вернёт первородство струне.

Март 2023

ОКРАИНЫ. НОЧЬ
(из воспоминаний о 80-х)

Растворились кварталы, квартиры
В черноте белоснежных полей.
Только лестничных клеток пунктиры
Устояли – и светятся в ней.

Плоть растаяла в мраке безбрежном,
И на месте бетонных громад
Лишь столбы позвоночные брезжат
И бессонным неоном звенят,

Став дорожками лунных мелодий...
Но воротится время живых,
Уплотняясь осадочной плотью
Монолитных массивов жилых.

Монотонное утро-зануда,
Шелестеньем шагов и колёс
Ты не раз равнодушно задуло
Вертикали неоновых грёз.

Не навек уплотнение это –
И опять овладеют душой
Позвоночные тихие флейты,
Подпевая метели ночной.

Март 2023

ЗАСТОЙ

Я люблю, чтоб с утра моросило,
И под это напиться не притко,
Дабы крикнуть с балкона, как Зилов:
«Прощай, Витька!»

Август 2025

МАГАЗИННОЕ

Всеволоду Емелину

Поубирали магазины.
Везде торговые анклавы.
Куда девались наши Зины?
Куда пропали наши Клавы?

Где их несвежие халаты?
И металлические зубы?
Ну да, brutальны наши Клавы,
А наши Зины, может, грубы.

Но я любовь высокую
Люблю и Зиночку и Клаву,
Когда ладонь с кристальной «соткой»
Она протягивает плавно.

И я вкручу в себя отраву,
И душу радостно разину...
И эта дхарма – через Клаву,
Ну и, конечно, через Зину.

Пойду в священную дубраву,
Паду в туманную низину.
На склонах лавы встречу Клаву,
А в белых зимах встречу Зину...

Я, многоликий, многоглавый,
Парю, упившись вдребезину,
Держа в нежнейших лапах – Клаву,
А на хребте драконьем – Зину.

Смотри: алмазная оправа
Мой череп гранями пронзила...
По праву руку – львица Клава,
По левую – пантера Зина.

И только слышу: клави-зина,
Как переливы клавесина...

А поутру – вода из крана
И серых буден образина.
А за прилавком – просто Клава,
Ну и конечно – просто Зина.

2014-15?

ОБЩЕПИТОВСКОЕ

Люблю я застояпельменные.
Я в них перманентно бывал,
Хоть запахпельменей и времени
Замедленно нас убивал.
Всё шло еле-еле, как велено:
То ватные ели, то зелено.
А ежели тошно – свалить
Впельменную, бельма залить.

Какие-то подлые сволочи
Лишили ударом под дых
Подпольного бульканья водочки
И, главное, лет молодых!
Терпение, братцы, терпение!
По кругу идут времена,
И скоро, пьяна умилением,
Пельменную станет страна!

Увижу я выи склонённые
Над круглым стоячим столом,
И тихо стаканы гранёные
Коснутся друг друга ребром.
Вдохну я пары непременно
И распеленаюсь от бренного,
Читаяпельменной растерянной
Поэтов, что снова расстреляны.

Август 2020

МОНОЛОГ (alter-histori)

Наш вагон пломбированный –
В себе некая вещь.
Как сырок глазированный,
Аппетитен и свеж.

Он команду неблёккую
По Европе везёт.
Дым мелькает за окнами.
И куда нас несёт?

Почему мне в бессонницу
Средь немецких полей
Всё мерещится конница
И в венках – мавзолеей?

Колокольными эхами
Перестуки колёс.
Эх, не ехать, не ехать бы!
Что за дьявол понёс?

Пить бы пиво над озером,
Щурясь в горные льды,
Сочиня серьёзные
По марксизму труды!

Поунять бы агрессию,
Эту боль в голове,
И валяться с Инессою
На альпийской траве!

Жить бы вольными птицами.
Пусть мелькание лет
Блещет радостно спицами,
Будто велосипед!

Стать не нашими – ихними,
Быт мещанский принять,
Мир с кофейнями, кирхами
Перестав проклинать.

Но ветрами восточными
Навевает судьбу,
Где трамвай обесточенный
И Инесса – в гробу.

Вижу: пляшет и корчится,
Нам откликнувшись, тьма.
Там моё одиночество,
Усыхание ума.

Будут осени шелесты
И с колоннами дом,
И зола сумасшествия
На лице на моём.

Буду мумией высохшей,
Мёртвым богом лежать...
Эх, не смыться, не выскочить:
На вагоне – печать!

Эх, послушался Парвуса –
Заморочил, змея.
Где-то тающим парусом –
Жизнь иная моя.

Я в потоке, как в патоке.
Волевой паралич.
Слышу чёртика Радека:
«Лихо мчитесь, Ильич!»

Но надежда – шевелится:
Переправа близка!
Двое скроются в Швеции
Среди сосен и скал.

Пропадём, затеряемся –
Он велик, этот мир!
Пусть потом матерятся и
Голосят: «Дезертир!»

Нет, не хлынет по Питеру
Запах зла и мочи!
Тщетно шарят по митингу
На Финляндском лучи.

Не срастись траектории
Большевик-броневик.
Я сбегу из истории,
Показавши язык!

В мире столько хорошего!
Жизнь, крылами плечи,
Как на Волге колёсами –
Пароходы-лещи.

Милосердье, косынкою
Ляг стране на чело!
Не обидит Кшесинскую
Никакое мурло.

Будет синяя Ладога
С парусами вразлёт...
И столетнего Радека
Мемуарный помёт.

Март 2023

УЕДИНЕНИЕ

Ильич сидел на унитазе
И наслаждался тишиной.
А там, за стенами, в экстазе
Народ безумствовал шальной.

Народ хотел ещё декретов,
Плевался на пол и орал.
А Ленин скромно делал ЭТО.
Он думал, Ленин. То есть срал.

Он вспоминал Симбирск и Волгу,
Покой в отеческом дому.
Как это важно: хоть недолго
Побыть, закрывшись, одному.

Он вспоминал огни Парижа
И их весенний аромат...
Гремят приклады, сапожища,
Нагрязнул гогот, перемат,

И злобно, как гадючье жало,
Под дверь просунулась моча...
«Нассали мимо писсуара», –
Вмиг осенило Ильича.

Орёт рассерженное время,
Да так, что ёкает в груди:
«Хорош расслаиваться, Ленин!
Пора к народу! Выходи!»

7 ноября 2019

МАВЗОЛЕЙ

Его в ряду с афинским храмом
Учили учёные глупцы.
Он мрак, одетый будто в мрамор,
Смрад, оттопыривший торцы.

Он жрец, чужой и беспощадный.
Что кровь ему и сцены мук?
Сначала – серый и дощатый,
Потом – холодный, как хирург.

Он смотрит, царствуя над нами,
В булыжный отсвет мостовой,
Блестя скуластыми углами
Во тьме полуночи пустой.

Он всё пожрал – и крови-сока
Уж нет давно. Но дышит гад,
Питаясь призрачным потоком
Теней, ласкающих фасад.

Отполирован морг, но тесен –
Весьма велик нетленный муж,
Чьи клетки в мир простёрли плесень
По почве и лохмотьям душ.

Не площадь – мёртвая планета,
Не слышен ропот или стон.
О, погаси ж реактор этот,
Пролившись карою, бетон!

Сентябрь 2020

**1953-й
(похороны Сталина)**

-1-

Смеются знамёна, змеятся,
Ведь сцена противна уму:
Покойник шагает по мясу
Народа, что предан ему.

Кошмар? Некромантов искусство?
Возврат к ритуалам седым?
Размеренно, с хлюпаньем, хрустом
Ступает мертвец по живым.

Трепещут огромные ноздри,
Вдыхая погибель и страх,
Желанье присутствовать возле,
Готовность остаться в рабах.

Пирует исчадие ада,
Обилие крови любя...
Вопит всенародное стадо
И давит – самих же себя.

12 марта 2023

-2-

Чёрных лент в тишине полосканье.
Молчалива, глуха и слепа,
Ты людей отдавала кусками,
Погружённая в морок толпа.

Поклоненье текло половодьем –
Бессознательным, тесным, густым.
И натягивал нервно поводья
Конный страж, возвышаясь над ним.

Вот итог векового исканья:
Мощь напора народной реки,
Что сдвигает с дороги, как камни,
Заграждения грузовики.

Тьмы и тьмы, ну куда же вы прёте,
Словно оползень, тихо шурша?!
И встают испарения плоти –
Коллективная ваша душа.

Одиночка, воскликни: «Блажен я!»,
Коль увидел то марево, дым –
И осилил в себе притяжение,
И не слился с народом своим.

Уходи же, избранник свободы,
Поминай мертвецов и калек!..
Не глядись в эти тёмные воды –
В них себя не увидишь вовек.

Пусть к вождю подползает на брюхе
Чудо-юдо, замедленный сель,
Оставляя и ноги, и руки,
И калоши, и красный кисель.

Март 2023

ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ

Пёс пограничный – на вечных часах.
Рядом, при нём – пограничник, насупясь.
Он – приложение. Овчарка – Анубис,
И не нуждается в проводниках.

Мнится, вот-вот же – и вспыхнут белки
Той белизной, как во мраке Египта.
Ведать не ведали большевики,
Что получилась не станция – крипта.

Умный народ их проект разгадал.
Счастья у носа собачьего просит.
Отполирован померкший металл
До первозданности сталинской бронзы.

Пёс – как ручной, но в душе – крокодил.
Он улыбается нам, идиотам.
В темень он много вождей проводил.
Пёс предвкушает: черёд за народом.

Октябрь 2019

(из старой тетради)

xxx

Звезда висела над Москвой
Полгода зимних.
Мир зыбил студень мостовой
И магазина.

И людям нравилась луна
Витрин и тленья.
Звезда в безлюдии, одна,
Вне поля зренья.

Как тяжело в простор и мрак
Творить молитву!
Ей отвечает мёрзлый парк
И стоны лифтов.

Одна над крошевом огней,
Клише окошек...
А в жаркой болерной о ней
Вздыхал художник.

Осень 1987

xxx

Словно печать незабытой войны –
Непреходящее чувство вины.

Как ни задумаюсь – не миновать
Кровотечения: я виноват.

Плавит меня изнутри тишина,
Свет мой невидимый, свечка-вина.

Скоро истает плотско~~й~~ силуэт –
Только вина и видна на просвет.

2020-2022?

xxx

Суждениям без полутона
Пора уж не верить давно.
Ведь яблоки тоже не тонут,
Но всё же они не говно.

31 марта 2023

(из старых тетрадей)

ВЕСНА

Пусть заморозки бусами
Крошатся в полумрак.
Ах, Март! Могил и мусора
Холодненький сквозняк.

А ведьмы выше, выше
В оранжевый зенит.
А ледяная жижа
Под ботами шуршит.

Сырым могильным трепетом
Заполнена Москва.
Луны протяжным лебедем
Болеет голова.

Как в отсыревшей простыни,
Ознобится Москва.
Луны повсюдной проступью
Болеет голова.

Как церковь, зябким сором
Поругана Москва.
Луны повсюдным взором
Дурманна голова.

Москва подобна яме:
Полны её дворы.
Там мёртвые дворяне –
Сны мартовской поры,

Мотают вскрытых склепов
Знамёна над собой,
Что в вербном пухе хлеба,
В кровище голубой.

В арбатские подвалы,
Под низкий потолок
Тень с вытертой медали
Проникла, как потёк.

По всем углам сновала,
Грачая, она.
Но сырость спрессовала –
И не горит роман.

Свисает с пуза шавки
В волосьях длинных грязь.
А женщина на лавке
Решается на мазь.

А чердаки, где спицы
Рассвета крутят чад,
Ждут чудо-живописца
Который год подряд.

И он войдёт, бездомный,
Нашлявшись под луной,
И сбросит плащ свободный
В ошмётке неземной.

Он сумеречный воздух
Как крыльями волок,
Срывал с сугробов фосфор,
Неоновый намёк.

Сухой блевоты ситец
В крыла вцепил узор.
Доволен живописец –
Сырых порывов вор!

На кровлю гений выглянет
(крыла мерцают в комнате),
Сухие листья инея
Не потревожа топотом.

Играет кровля бисером,
Возрадуясь теплу.
И молвит живописец:
«Люблю!»

март 1986 – март 2023

МОЯ ВЛАСТЬ

Будь проклят принцип автомата!
Я мир исправлю без огня,
Ночными россыпями марта
У вас под окнами звеня.

И палачу, и проститутке
Я укажу: Смотри, смотри –
Квадратик телефонной будки
Маячит коробом зари,

Чтоб в ваше сердце сквозь коросту
Свечение смутное вошло,
Чтоб вы дышали в лист морозный
И в сказок жёлтое стекло.

И чтобы вы себя узнали
В гуденьи лифтовых стволов,
И в мёртвых окнах прочитали
Лучи распятий и любовь.

.....
Ведь власть моя – не от народа,
Не от правителей земли.
Из чёрной слизи гололёда
Творю трико для феи мглы.

И вас, вспотевших, растревожа
Бесстыжей сыростью речной,
Мерцая земноводной кожей,
Ночь мартовская потечёт.

Чтоб вы, ознобясь, прочитали
Проталин тусклых письма,на,
И, прикасаясь, ощущали
Как липнет ранняя весна.

Шурша сугробами, как бусами,
Она ползёт из дыр, из нор.
И пахнет прошлогодним мусором
Её восторг, её позор.

Царица матовая марта
У вас под окнами лежит
И, прокляв принцип автомата,
Мир матершиной ворожит.

Плевки, окраину, машины
Наполнит музыкой живой.
Как маги в звёздах матершины
Зависли лифты над Москвой.

Но иногда они слетают
Под пенье тросов и ветров,
И, плащ раздвинув, открывают
Мочой пропахшее нутро.

И мать марта профиль гипсовый
На запах сей оборотив,
Трико агатовым, египетским
Скрежещет, как презерватив.

И, по-ахматовски холодная,
Блестя наганами колгот,
Кроит такую позу лотоса,
Что призрак Сухарев встаёт.

Весна 1987

xxx

Измученный грязью и стужею,
Надежде моей отзовись,
Асфальт, прозревающий лужами,
В себе открывающий высь.
апрель 1985 – март 2023

ПЕКЛО

Запой. Жара. В разгаре лето.
К чертям законы!
Мне не дойти до туалета –
Я ссу с балкона.

А люди, жаждущие ливней,
Умом ослабли,
И ловят лицами наивно
Златые капли.

Июль 2023

МАЙ: ВОСПОМИНАНИЕ

Нарциссы пахли детской мочою,
Свою невинность в воздухе соча.
И даже этот праздник кумачовый
Высвечивала некая свеча.

Мир явлен биомассою обильной,
Углами букв и крашенных фанер.
Но лишь вот этот запах инфантильный
Был подлинным средь ора и химер.

Не просто в небо, а в лазурь иного
Взлетал, казалось, шарик-дурачок.
В чужих глазах, как найденное слово,
Вдруг пробежал какой-то ручеек.

Какая сила, трепетно порхая,
Освобождает избранных от сна?
Вся эта ложь, вся эта плоть слепая
Малейшим дуновеньем сметена.

Какой ребёнок на торцы гробницы,
На эти плиты брызнул, хохоча?..
Весна, свобода, зыбкие границы,
Нарциссы, Бодхи², детская моча.

май 1985 – март 2023

² *Просветление, пробуждение (санскр.)*

ДЕТСТВО

На окнах мутные овальчики
Я создавал дыханьем детским,
И рисовал невинным пальчиком
Звезду, а рядом – «знак немецкий».

Сердили маму эти опыты:
Глядят на нас дома соседние.
А в жесть постукивала оттепель,
Синело небо по-весеннему.

Наивный бред? Наитье райское?
Что эти знаки означали?
Весна, и звёздочки, и свастики –
Всё было чистым, изначальным.

Не знал я левого и правого.
И лишь потом я стал порочен.
И звёзды сделались кровавыми,
А свастики – чернее ночи.

2017

ВЕСНА

Кричат электровозы
В ночи, как журавли.
Подкатывают слёзы.
Боли, душа, боли.

О чём поёшь, болезный?
О радости земной?
Искусственный, железный,
И всё-таки – живой.

Не входит жизнь в привычку
Нигде и никогда.
Живые электрички.
Живые города.

2016

МАРТ

Похожий на слабых, болеющих,
Мой город – но дивно и лепо
Мистерией луж голубеющих
В себе открывающий небо.

Могильный, болотистый, илистый,
Но солнце твоё – неизбежно,
Мой город, подобно Осирису,
Во тьме прорастающий нежно.

Ты брат Диониса, Сераписа,
Чья жизнь восстаёт из распада.
Твой лоб в нецензурных царапинах
Венчает огнём эстакада.

Чернее угольев агатовых,
Под нею – останки сугроба.
Ты юн, будто небо закатное,
Мой город, восставший из гроба.

Март 2023

В ШКОЛУ

Утро. Темень. Тоска и тревога.
Надо в школу – скорей и скорей.
Вновь железная жалит дорога
Мои веки лучами огней,

И команды даёт голосами
Сортировки и резких гудков...
Форма школьная кожу кусает
И портфель у порога готов.

Окна жёлтые давят зевоту...
Этот мир в несвободе лежит.
Папа первым ушёл на работу,
Мама тоже работать спешит.

Где, зачем я? Я будто украден,
А откуда – понять не смогу.
Непролазны тропинки окраин
В равнодушном и белом снегу.

Я спешу зарабатывать тройки,
Растворяться в случайном, чужом –
Мимо воя и грохота стройки,
Что не тихнет ни ночью, ни днём.

Но во всём этом тягле и прахе –
Обещание тайных даров.
Вот проснусь – и найду в полумраке
Полублеск новогодних шаров.

Будто белый, искрящийся ворох
Стукнет в стёкла ночная метель.
И дыхнёт, как утраченный Город,
Принесённая папою ель.

Пусть кричат электрички гнусаво —
Всё иначе на этой земле
Силой образа райского сада,
Чьи плоды проступили во мгле.

Май 2023

(из старых тетрадей)

НОТР-ДАМ

О, томленье по небу!
И дыхание снизу.
Впились лапы чудовищ
В кромку узких карнизов.

И, чем пыль многоцветней
В окнах стрельчато-узких,
Тем у гордой химеры
Злей и выпуклей мускул.

И светлей поют дети,
И уста их всё ярче
Оттого, что химеры
На уступах маячат.

И счастливой невесты
Лебединей наряды
Под зрачками грифона,
Исходящими ядом.

Лишь вечерняя месса
Достигает размаха –
Так античные бесы,
Будто мухи на сахар.

И снаружи теснятся,
Уж и в окна заметны.
И нескромно лоснятся
Губы мальчиков бледных.

Угасающим солнцем
Многоцветье пробито.
И мелькает в оконце
То крыло, то копыто.

По углам льётся деготь.
Женщин белые плечи.
Тут немислимеи похоть –
Но объёмней и резче!

Ну а если слетает
На священные башни
Наша сказка лесная,
Примирения жажда?

Вдруг земная краса
Замирает над бездной,
Крася злые крыла
Тихим светом небесным?

Силуэты горбаты,
А карнизы – щербаты.

1987

ПОБЕГ

Как след от какого-то плуга,
Во мне пролегла борозда.
Врата опечатаны глухо –
И это уже навсегда.

Берлин, рассечённый границей,
Ты – бред, ты во мне потаён,
И нет на ладони синицы
И ангела – в небе твоём.

Кружу я в подземке нелепо,
Попав в закольцованный сон.
А в сердце – расколото небо

И твёрд пограничный бетон.

Бегу я. Но будто вериги
Мешают бессильным ногам.
И кто-то с надвратной квадриги
Хохочет, подобно богам.

О да! Я ничтожнее сора,
Но новой уловкой в борьбе
Задумал крысиную нору
К великому небу в себе.

Март 2023

ШТИРЛИЦ

Он не мудак и не аскет.
Глядит на небо, Альпы –
И варианты жизни с Кэт
В мозгу вскипают залпом.

Летит машина по шоссе.
Там, впереди – иное.
А третий рейх и эсэсэр
Стенают за спиною.

Вот пограничья полоса.
Тут вздрагивать опасно.
Огромны Катины глаза.
Она на всё согласна.

И вот уютный сумрак, Берн,
Подёрнутый туманом.
Посланец «центра», супермен
Глаза в глаза обманут.

Не будет Юстас никогда
Ни дома, ни в Берлине.
Он водку выпил безо льда
И даже без «мартини».

«Пошла ты, родина, в пизду.
Тебя я, сука, знаю.
Плевать на пулю, на звезду –
Я с Катей исчезаю.

Среди дымов, среди руин
Я затеряюсь, кану.
Прости-прощай, Москва-Берлин,
Я кем-то новым стану.

Жена бывая, ты простишь.
Ведь жизнь – такая малость...»
Уходит поезд на Париж.
Измена – состоялась.

Так уплывай, сырой перрон –
Необратимость шага.
Скользят лучи, скользит капрон,
В глазах мольба и влага.

Снаружи – ночь черней угля,
Огней сквозные раны,
Европы смутные поля
И призраки-платаны...

Луна подброшена как грош –
И катится на грани.
И всё звенит святая ложь,
Как ложечка в стакане.

А в люльке спят, к щеке щека,
Воздушно-кружевные,
Дитя СС, дитя ЧК –
И видят сны лесные.

Январь 2019

ДВА СЛОВА О СМЕРТИ

1. Лесной царь (партизанская песня)

Я дрожащие руки
Не горазд поднимать.
Торжествующий Жуков,
Погоди ликовать.

Отоспавшийся в схроне,
Слыша пение крон,
Загоняю в патронник
Свой последний патрон.

Безмятежен и весел,
Выхожу на тропу.
Коммуниста повесил
На высоком дубу.

Пусть он нашим просторам
Дарит мир да любовь.
Пусть таинственный ворон
Пьёт и пьёт его кровь.

Пусть ветра в его рёбрах,
Налетая с полей,
Напевают беззлобно
О Европе моей.

Отшлифован до блеска,
Пусть висит и висит,
И бренчит, как железка,
И народ веселит.

Как дешёвые бусы,
Рассыпается пусть...
Видишь: серые гуси
Держат к северу путь.

Как легко и приятно,
Проходить через лес,
Распадаясь на пятна
Камуфляжа СС,

Размышляя о смерти
И о жизни своей
В вихре жёлтых просветов
И зелёных теней.

Мне в туманы Арконы
Скоро плыть суждено.
Пепелище райкома –
Как на память клеймо.

Цвета гневного клича,
Цвета чёрной руды –
Оберег-пепелище
На зелёной груди.

Изумрудно-неласков
Этот солнечный май.
Я смотрю из-под каски
В мой захваченный край.

Вижу красный околыш,
Вижу красный погон.
Жри, советская сволочь,
Мой последний патрон.

Не дыми папиросой –
Лучше свечку зажги.
Вот на белой берёзе,
Как ошмётки – мозги.

Нет патронов – и точка.
Головы не снесу.
Так прими, моя почва,
Мою кровь, как росу.

Буду вечно с тобою,
И в жару, и в мороз,
Чтоб короной-травой
Полый череп пророс.

2005-2022

2. Солнечный круг

«...Это рисунок мальчишки» (из песни)

Юкио Мисуме

Упала речь на камни плаца –
И ратным духом не взошла.
Но вёл не к участи паяца
Восход, алеющий с чела.

Да, твой мундир тобой придуман,
Но честь мундира – эта речь.
Сказав сполна, сошёл с трибуны,
Чтоб сжать в руке короткий меч.

Приют прекрасного японца –
Смерть, удивляющая сброд.
Сталь, отражающая солнце,
По кругу взрезала живот.

Зенит последнего парада –
Клинок, медлительный, как плуг.
Держава. Полдень. Император.
Вот харакири детский круг.

Июнь 2021

ФЛОРЕНТИЙСКИЙ КАБАН

Памяти жертв Лиенца

Вы открыли точёные двери
И ушли – веселы и просты.
Я ж на площади раненым зверем
На своем постаменте застыл.

Я – фонтан. И с лучами рассвета
Вы придёте глазеть на фонтан.
Вам на счастье уронит монету
С языка золотого кабан.

Я – кабан. Меня к стенке припёрло.
Я к судьбе угодил под каток.
Моя кровь извергается горлом,
Превращаясь в прозрачный поток.

Меня кличут альпийские тропы,
Обагрённые вечные льды...
Я – казак. Я – подранок Европы.
Моя кровь – не дорожке воды.

Изошла моя алая влага
В кракелюры фронтов и границ.
Я бежал по векам и оврагам,
Мимо башен старинных столиц.

Я пытал свою долю и маял,
В лоб бросался и путал следы.
Но достал меня всё-таки в мае
Разрывной наконечник Орды.

И застыл я на площади этой,
Неживой, с перебитым хребтом...
Русский, брось на прощанье монету,
Чтоб в Европу вернуться потом.

Вот судьба твоя бронзовым зверем
Щерит клык в пустоту, против всех...
А Флоренция скрылась за двери,
В свой домашний Пятнадцатый век.

Апрель 2005

ВЕСНА

Пахнет в марте как в вырытой яме
Полуночных дворов тишина.
Гимназисты, мещане, дворяне –
Эта яма-колодец полна.

Даже отзвуки тех поколений
Не дошли полумёртвым лучом.
Только запахи медленных тлений
Оживают в апреле ночном.

Смыло тьмою излишние краски.
Тем яснее при свете луны:
Как колодцы, дворы – под завязку
Перегнившими снами полны.

Я иду – и холодные тени,
Как туман, проплывают в душе.
Между снами моими – и теми
Я не чую границы уже.

Я вдыхаю отравную дымку.
Как незрячий, кружу по двору,
Истончаясь в туман, в невидимку
И в томленье весны поутру.

Апрель 2023

СТАРЫЙ ПОДЪЕЗД

Только увижу ступени затёртые
(Русский модерн, буржуазный закат) –
Сверху, потоком, прозрачные мёртвые
Хлынут по лестнице, как водопад.

Страшно, как будто раздавлен вагонами –
Вьюгой сквозь душу студёная смерть...
Целы тут рамы павлиньи оконные,
Ручек дверных потускневшая медь.

Только вот люди, что жили, развихрены,
Страхами став в воспалённом уме.
Мёртвые валом несут меня к выходу,
Чтоб растворить в городской кутерьме.

Сентябрь 2019

ЭМИГРАНТ

Здесь в мороке тонут шаги,
На лицах – тоска и белила.
Накинь макинтош – и беги
Из русского круга Берлина!

В раскачивающихся поездах,
На красном диване упругом
Дорожные глянцы листать
И мчаться к портовому югу.

Жить так, что уже не разъять
Движения духа и плоти.
Себя развлекаая, гадать
О женщине, севшей напротив.

За тёмной вуальной волной
Угадывать сполохи взгляда,
И знать, что растёт белизной
В ночи перевалов громада.

За ними – морей синева,
Какие-то новые люди,
Всё новое – краски, слова,
В Стамбуле, а может, в Бейруте.

Пиши, наслаждайся вином!
Вот только стихи или проза –
Тот дым, что летит за окном
И режущий крик паровоза?

Газетою смятой судьба
По склону в былое умчится.
Россия отпустит тебя
В замедленных залах Уффици.

Ты, кажется, сызнава юн,
И сызнава полон отваги.
И шляпа, и летний костюм –
Белее почтовой бумаги.

Россия из жизни твоей
Ушла, как небесное тело.
Всё ново – и нов Колизей,
Какой-то квадратный и белый!

Не думай, в какую из стран
Летит караван журавлиный.
Так низко пронёсся биплан,
Что виден пилот – Муссолини!

О солнце! Но там, в глубине,
В душе, наподобие бреда,
Как тени берёз на стене,
Живёт отлетевшее лето.

Выветривай трепет осин!
Вот крылья регат на просторе,
Вот скорость авто и бензин,
И синее-синее море!

Колышется штора, как флаг.
И замысел ясен в деталях.
А сгнувшей родины прах,
Как пляжный песок – на сандалях.

Август 2020

Над проносящейся машиной
Порхает первый жёлтый лист,
И прошуршал красиво шинами
Осенний велосипедист.

Промчалось лето, как назначено
Коловращением времён.
Я не хочу прощаться с дачею,
Я погружаюсь в этот сон.

И в этом сне всё увеличено,
Как весть великая, как знак –
И шорох трав, и крики птичьи,
И циркулярка, и сквозняк.

Я грежу – и душа уверена:
В лучах осенней новизны,
Волнуясь, рея, дышат пелены
Пред ликом царственной весны.

2013-2025

ПРОЗРЕНИЕ

Ирине

В листве берёз рубины догорали,
То вспыхнув, то угаснув, то лучась.
Мы в панике: мы лейку потеряли!
Исчезла лейка, в Лете растворясь.

Она была простой, как соловейка,
Что у ручья ликует в полумгле.
Мы в росах бродим: где же наша лейка?
Где наша флейта, певшая земле?

Нехитрая, как будто жестяная –
Царапины, слегка помятый бок.
Но нет её – и жизнь уже иная:
Душа смятенна, вечер неглубок.

Ау, откликнись дудочкой-жалейкой
Из тьмы крапивы, из густой травы!
Стемнело. Я накинул телогрейку,
Брожу кругами, но увы, увы!

Лелею веру: домовой развлёкся
И явит милость – лейку и покой!
Давай, раздвинь белеющие флоксы –
И вновь обдашься сыростью и тьмой.

Уже светляк, как фосфорная точка,
Нас поманил из нави или сна.
Мы спать легли. В саду осталась бочка
Железная, что доверху полна.

И там, в воде – замусоренной, тёмной –
Как затонувший крейсер тяжела,
Стояла лейка в омуте укромно –
Её во сне увидела жена!

«На синем море, острове Буяне –
Дворцы-хрусталь и яхонты-мосты...»
Темна вода замусоренной яви,
А воды сна – прозрачны и чисты.

Склонись же к ним, постигшая нетленку,
И, будто в линзе, вставленной в трубу,
Узри – о чудо! – радостную лейку,
Как спящую царевну во гробу.

А поутру её, посредством грабель,
Воздымешь к свету, к солнцу, к облакам –
Похожую на поднятый корабль
В клоках и струях мутных по бортам.

Осень 2020

ДАЧА

Ирине

Снос приближался, как гроза,
Как зверь голодный, шёл на запах.
А дом глядел во все глаза,
Глазами отражая запад.

Мы жили в нём. Он нами жил.
А ныне брошен среди мрака.
Дом дверь ненужную раскрыл
И жидкой медью тихо плакал.

В нём шевелились, чуть шурша,
Газет обрывки, снов вуали.
И запахи – его душа –
С теплом из дома улетали.

В него ночей вползала хмарь,
И сырость трав, и злые гости.
А обесточенный фонарь
Застыл над ним, как перст погоста.

Служивший летнему теплу,
Дом помнит памятью волокон
Квадраты солнца на полу
И торжество раскрытых окон.

Казалось, вечно будет быть,
Покой даруя и веселье.
Зачем, зачем хотят убить
Его, синевшего сквозь зелень?

«Кем уготован мой уход?»
А рядом – яблоня ветшает,
Роняя в тьму ненужный плод,
Как будто дому отвечает:

«Темно – и не ищи причин.
Здесь уцелеют от разора
Лишь эти беглые лучи
Машин, что мчатся с косогора».

Сентябрь 2019

ОТЧАЯНИЕ

Зима – была так далека.
И вдруг сквозеньем и сопеньем,
Всепроникающа, легка,
Вползла в подъезд – и по ступеням.

Обнюхала входную дверь,
Шурша по кожаной обивке,
Как роковой, матёрый зверь,
Влекомый к трепетной поживке.

Зима – всегда отыщет щель.
Она и в зной – не за горами.
Её не остановит ель,
Что детски убрана шарами.

Зима, упорна и бела,
Порог царапая когтисто,
Под дверь, в тепло моё вмела
Свой первый выдох серебристый.

И он, как вирус, как чума,
Кристаллы мертвенные множа,
Пополз на книжные тома,
На простынь скомканного ложа,

На беззащитные цветы,
Игля их смертью, поражая,
И фотографии черты
Глумливым гримом искажая!

Казалось: так надёжен дом!
Уютен, вечен и не тесен!
И вот царит тотально в нём,
Искрясь, нерадостная плесень.

Хотел я вечности? И вот –
Я одураченной мальчишки.
Я снова мальчик, но не тот.
Я принц, играющий в ледышки.

Смертельный холод. Дом – чужой.
О, где ж дыхание милой Герды,
Проталина с её свечой,
Её оранжевые гетры?

Иль это истины венец –
Мой дом, в кристалл преображённый,
И я в нём – сызнова малец:
Один, озябший, обнажённый?

Август 2021

АНТАРКТИДА

О, не тронула б оттепель порчей
Этот панцирь из вечного льда!
Кто там спит под немыслимой толщей,
Чтоб однажды явиться сюда?

Эта белая вечность – конечна.
И однажды в протаявших льдах
Мы увидим встающее нечто
С чужезвёздными снами в глазах.

Этих снов роковые флюиды
Жили в бурях ледовых полей,
И влекли в коловрат Антарктиды
Корабли, дирижабли, людей.

И дышала в сердца сединою,
Дуновеньями мёртвого сна,
Воздымаясь над чёрной водою,
Берегов ледяная стена.

Вот воистину дар и утеха
Всем, кто нашу отверг суету:
Мир молчанья и странного снега,
Что вовек не блестит на свету.

Слышишь гром? То плавучие горы
В блеске царственном тронулись в путь.
Не проникнут житейские взоры
В их подводную, тёмную суть.

Но бывает: расщедрится глыба,
Что подбрюшье таит до поры –
И кораблик отпрянет, как рыба,
От взметнувшейся чёрной горы³.

Этот лик – будто древние луны,
Чьи падения – смена эпох.
Смотрит в дула испуганной шхуны,
Встав из бездны, неведомый бог –

Тёмен, страшен, кошмарно-реален,
В барельефах немыслимых сцен,
В тухлой зелени, в струях-лианах
Антипод, источающий тлен!

Прочь бегите, забудьте по пьяни,
Наглотавшись гашиша, вина,
Чёрный лёд, просиявший пред нами,
И на нём, будто огонь – письма.

Апрель 2023

³ Подводная часть айсберга нередко бывает тёмной, «чёрной».

УЛЬТИМА ТУЛЕ

Мне снился остров. Среди льда,
Среди торосов,
Он пламенел, как кровь-руда,
Персидской розой.

Мела метель свою волну,
Стелясь полями.
А он дышал теплом в луну
И соловьями.

И пусть полярной тьмы охват,
И льдов ободья –
Он светел бдением лампад
И женской плотью.

Там ваши слабости умрут,
Как тени утром.
Там винограда изумруд
В саду уютном.

И пусть подёрнута звезда
Стеклом мороза –
Звенят сандалии, вода,
Белеет роза.

Там тают отзвуки кифар
Речным туманом,
И шестивий факельных стожар
Простёрся к храмам.

Там смерти нет, неведом страх,
Легки законы.
Там Кали Белая в лучах
Огня иконы.

Оттуда молодость зовёт
Вернуться в лето,
Вкушать амброзию и мёд,
Найти ответы,

Оставить ложные труды,
И сбросить бремя...
Зов перекинут через льды
И через время.

Всегда не тот, всегда иной,
Мираж коварный,
Огонь в оправе ледяной,
Цветок полярный.

Каким он куполом накрыт,
Какою сенью?
Какою силою горит
Его цветенье?

Но к яви или миражу –
Мне всё едино –
Дорогу я не укажу
Мирским кретином.

1988(?)–2020

(из старых тетрадей)

ТЁРТАЯ ВЕРА

...Мы веруем тайно, незримо,
Гуляем асфальтами Рима,
Сидим на бордюрах дорог.
Нутра своего пилигримы,
И с каждым встречается Бог.

Третируя легионера,
Третичная тёртая вера
Седыми портками шуршит.
И мытарь глядит в изумление:
Пропащая жизнь по камням
Случайным ручейкой журчит...

И будет в морозе завода
Тифозное солнце свободы
В стеклянные крыши светить.
Мы ловим в гудёже турбины
Подкрышный чирик воробыный,
И в шлаке находим цветы.

Мы свили патлатые гнёзда
В железных развилинах моста,
На клёпанных балках грешим.
Нам небо – стеклянные крыши,
И солнце оранжевой грыжей
Провисло в работу машин.

Мы Бога искали жестоко –
В окалинах, в кафельных стоках
И в ржавых клубках проводов.
Я Будду открыл в унитазе,
Христа – в пролетающем газе,
В пустынной жаре городов.

.....
Люблю подниматься повыше
И спать на грохочущей крыше,
Железо стелю, как шинель.
И сонный, в забвенье горячем,
Обоссанный кошкой бродячей,
Сползаю в отвесный апрель,

Без страха и крыльев летаю –
О, здравствуй, заря золотая!
Мы падшие дети твои.
Но знаем: ты в нас негасима,
И чувствуем кожей гусиной,
Как рань заливают дворы.

Любя, ко всему одинаков:
К непонятым мусорным бакам,
Вдыхающим в душной ночи,
Подобно забытым гробницам;
К холодным трамвайным зарницам,
К лимонному духу мочи,

К слепой белизне крупноблочной,
И детской надежде непрочной...
Люблю приближение тепла,
Туман заведений питейных

И ветер с заводов литейных,
А также умытость стекла.

Уже появляются дымки
Щекотной листвы-невидимки.
Мы в дымках зелёных плывём.
Уже сокращаются ночи
И крики дворовые громче –
Живём!

Каникулы скоро. Гуляйте!
Пасётся сизяк на асфальте,
Рисунок топча меловой.
Каникулы скоро и лето,
А там карнавал и победа
Хиповой любви мировой.

Весна 1985

(из старых тетрадей)

ДОЛОЙ ТРУД!

«Труд из обезьяны сделал человека» –
Это нам талдычат каждый божий день.
Я же утверждаю – и не ради смеха:
Человека лепит творческая лень!

Чтоб вы были винтики, чтоб вы были шпунтики,
Вам поют про пафос общего труда.
Люди, будьте – лирики, люди, будьте – путники,
Шалыми, беспутными, как весной вода.

Чтоб функционировал механизм гигантский,
Чтобы вы не рыпались в синий небосвод,
Трудовой романтикой, сбывшеюся сказкой,
Буднями героическими пичкают народ.

Вы встаёте затемно, на завод шагаете.
Темпы, сроки, выхлопы портят вашу кровь.
Люди! Спите досыта, сколько пожелаете,
Сочиняйте песенки, делайте любовь!

К неповиновению, к панибратству пьяному,
К праздности, к цыганщине буду призывать.
Пусть станки угрюмые зарастут бурьянами,
Пусть забудет мастер, что и как включать.

«Не хочу в солдаты!» – надрывался Леннон.
«Не хочу работать!» – вторю я ему.
Плюньте-разотрите! Упивайтесь ленью!
Забаррикадируйтесь где-нибудь в Крыму!

Смело реквизируйте магазины винные!
Размозжив витрину, в ресторан вломись!
Занимай музеи, здания старинные,
Делайте богему, пьяный коммунизм!

Захватите дачи руководства партии,
Лимузины чёрные – в подвенечный цвет!
Бросьтесь с незнакомками в царские кровати,
И не бойтесь армии – армий больше нет!

Будьте пешеходами и питайтесь щавелем.
За жизнь бродяжьи не осудят вас.
Радуйтесь, как дети, что станки заржавели,
Вспоминайте с ужасом грохот, свист и лязг!

1982

ПРАЗДНИК

О, почему всегда в июне,
Ночами белыми бродя,
Я брежу праздником Фиуме⁴,
Его вовек не обретя?

И пред моей душой греховной,
Окоченевшей, как февраль,
Встаёт Фиуме чашей полной,
Недостижимей, чем Грааль.

Там каждый – вождь и император,
Свободой царственен своей.
Союз пилотов и пиратов,
Солдат, поэтов и детей.

Исполнен радостью бессмертных,
Но он не вечен, этот Рим,
Фиуме фасций эфемерных,
Легко сдуваемых, как дым.

Но я – упорен и безумен –
Я фимиам его ловлю.
Возьми ж меня в себя, Фиуме,
Подобный птице-кораблю.

Превыше тленного закона,
Я в лунатическом бреду
К тебе шагнув в ночи с балкона,
По листьям трепетным иду.

⁴ Республика Фиуме (Республика Красоты) – анархо-монархическое, карнавально-корпоративное государство (ныне – город Риека, Хорватия) во главе с поэтом Габриеле Д'Аннунцио, 1919-1920 гг.

Иду по воздуху. Ты близок.
Нельзя проснуться – в этом суть.
Ты праздник царственный – и призрак,
Удар земли в лицо и грудь.

Танцуй с Д'Аннунцио, Эпоха,
В минутной сладости кружи:
От боли утреннего вздоха
Цветные сгинут миражи.

И чаша радости пречистой
Расколется на сто частей –
На коммунистов и фашистов,
Шутов, героев и детей.

Июль 2022

(из старых тетрадей)

РЕФЛЕКСИЯ

Возьмём хотя бы это:
Хрущёвская Москва,
Студенческое лето,
Сверкающий асфальт.

Всё, кажется, прекрасно:
И солнце, и гроза,
Таганка и Пикассо,
И трубчатый дизайн.

Но пластиковый столик
Как омут отразил
Грядущие *глаголи*
И чёрный лимузин.

Легко официантка
Тряпицей провела –
На западном дизайне
Бесцветно расцвела

Скупая наша влага
(что будет иль была?)
И луга, и Гулага,
И стали, и чела.

Столовский чёрный пластик,
Заставленный едой –
Зерца~~ло~~ чёрной власти
Над русской звездой.

О, столик! Под тобою
Поделим на троих,
Горя мечтой слепою
Узреть свободный лик

В твоей озёрной глади!
Звезду очей и лба!
Стеклянные фасады
Без френча и раба!

А бульканье всё длится,
Всё дымнее вокруг.
Сейчас сверкнёт денница
И разорвётся круг!

О, трубчатая мебель!
О, летний небосвод...
И снова пепел, пепел
По воздуху плывёт...

4 апреля 1988

КРЫШИ

Чтоб понять кое-что «о России»,
Надо сверху взглянуть на Москву:
Кровли жёсткие, серые, серые
Скалясь, плятятся в синеву.

Почему не коснулась любовь их?
Из добра ничего не сбылось,
Потому что забыли о кровлях,
Наши кровли – голимая злость.

Непонятно кому угрожая,
Как железные зубы души,
То играют гримасами ржаво,
То отсвечивают, как ножи.

Щурясь в дождь и давя зевоту,
Смачно схаркивая снега,
Поджидают зачем-то кого-то –
То ли кореша, то ль врага.

Им не в радость жара и лето –
Если темечко не в тени,
Крыши едут в тумане бреда,
И готовы на всё они.

Гопоты топотанье адское,
За душой – чердаков забытьё.
О, Московия! Лик, а не маска –
Листовое железо твоё.

Гроыхая неровно и звучно,
Не протившая, не прощена,
Хулиганско-тоскливая, сучья
Сущность к небу обращена.

Можно, впрочем, и тут перебиться.
Но накатывает тоской
Сон о розовой черепице
На краю синевы морской.

Кровли – пригоршня кораллов,
Лайнер, бросивший якоря...
А по крышам Москвы кроваво
Тащит внутренности заря.

Июль 2020

НА НОЖАХ

Пространство подморозило.
Вдали – мираж лесной.
Как нож простёрто озеро
Меж родиной и мной.

И речки подколодые
Таятся, как ножи.
И сухо шепчет родина:
«Не жить тебе, не жить».

Её глаза – болотины,
Увидишь – не уснёшь.
С тобой не шулки, родина.
Я знаю: полоснёшь.

Пахнуло бытовухою
И тленом из глуши.
Тут всё, что было, вьюгою
Покроет от души.

Ты вовсе не Силезия.
Нельзя с тобой ладком.
А озеро, как лезвие,
Подёрнуто ледком.

Ноябрь 2015

МЕЧТЫ

Уехать бы в Португалию,
Наполнить вином стакан,
Жить тихо, по-маргинальному,
Но с видом на океан.

Подыскивать аналогии,
Простые, как анальгин.
Представить себя Алёхиным
Без шахмат и ностальгий.

Пусть тихо проходят годы,
А утром из синей мглы
Являются пароходы,
Торжественны и белы.

Не злиться, не торопиться,
Отвыкнуть от дел и морд,
И видеть крыш черепицу,
А дальше – весёлый порт,

Где лодкам легко толпиться
(Гармония – не тесна)
И встала грядой альпийской
Круизная крутизна.

Я этой мечтой несмелой
Иную судьбу зову:
Жить в комнате белой-белой,
Распахнутой в синеву.

Представьте: простой, незлобный,
Забытый в чужой стране,
Сижу я – и ткань шезлонга
Прижата к моей спине.

Рубинов стакан и полон,
И дразнит во мне весну.
И дышит горячий полдень
В квартирную белизну.

Июнь 2021

ПЯТИЭТАЖКА

Люблю пятиэтажкой любоваться,
Её двором зелёным и родным.
Здесь хорошо задумчиво спиваться,
Сливаясь с измерением иным.

Здесь тополя трепещут, душу грея,
Сметая пух в квартирные углы.
Здесь там и тут на лавочке Мамлеев
Вкушает пиво с вестниками мглы.

Здесь алкаши, лишь только рассветает,
В сопровожденье утренних собак,
Уже бредут. Как будто созывает
Их со стены кривой солярный знак.

Тут, в тишине, где рвота и нирвана,
Какие гены в похоти слились?
Здесь пьют на кухнях, расчленяют в ванных.
Во мглу солений баночных взглядысь!

Тут что ни тип – китайская шкатулка.
Лишь приоткрой – обыденно и вдруг
Всплывёт душа, немыслимее Ктулху,
Пятная слизью щупалец вокруг.

Там, за геранью, за баянной песней,
За занавеской цвета василька
Гудят и стонут мертвенные бездны,
Ветра планет, неведомых пока.

О серый ужас, тихое inferно!
Уклад безумья, задушевный ад,
Кромешность прозы, ласковая скверна,
Черёмуховый сладостный распад!

Какая сила танково и тяжко
Тебя сомнёт, родимая земля?
Не одолеть вовек пятиэтажку
Ни Гитлеру, ни НАТО, сука-бля.

Бегут по телу крупные мурашки
У тех, кто чужд российскому пути.
Опять Европа пред пятиэтажкой
Стоит – и не решается войти.

Лишь загляни – она, зараза, знает –
Вдохни гнильцу – и сгинешь в полумгле.
Чужак в пятиэтажках заплутает,
В их Достоевском кухонном тепле.

А я на лавке пиво попиваю,
Ловя в ладони тополиный снег.
Непостижимость родины вбираю -
Такой, как все, «сверхнедочеловек».

Опять помойкой тянет и бедою,
Опять стакан захватан и немыт.
И лето среднерусское, седое
Листвой всё напряжённее шумит.

Июнь 2008

ОСЕНЬ

Уже осыпалась лепнина,
Уже потрескалась наяда...
Уже огнём горит рябина
В углу помещичьего сада.

Уже крестьяне смотрят косо,
С графьями спорят о потраве,
Готовят вилы, точат косы,
Хотя давным-давно не травень.

На фоне сёл и пьяных свадеб,
На фоне стынувших усадеб
Идут карательные роты,
Шурша опавшей позолотой.

Бойцам печаль туманит душу.
А их ремни – белее мела.
Бойцов ведёт Гринёв Петруша,
А в красной роще ждёт Емеля.

Уже мятеж лисою рыжей
Пошёл мелькать в полях России.
И ты всё ближе, ты всё ближе,
Резни оранжевый осинник...

2004

ТРЕТИЙ ПУТЬ

Ни красный, ни белый, а чёрный,
Свободный, как в море говно,
В избе заседает упорно
Космический батька Махно.

«Куда устремиться – не знаю.
В закат или, может, в восход?..»
Он вывесил чёрное знамя
В безветрии звёздных высот.

Играет задумчиво кольцом
В компании мёртвых старшин.
«Куда нам? В Румынию по льду?
Во льды Гималайских вершин?

А, может, на Альфу Центавра
И в мир параллельный уйти?
Я четверть очищенной ставлю
Тому, кто укажет пути!»

Но спят усачи-атаманы,
Ни слова не молвят в ответ.
Их лица покрыты туманом,
Как горы далёких планет.

По хате, распахнутой настезь,
Искря о папахи ребят,
То белые карлики шастят,
То плавает красный гигант.

Забывшись в еврейском погроме,
Пурга залетает в окно.
И в вихрях галактик на троне,
Как бог восседает Махно.

К губе табачинка пристыла,
Идёт самогон, что вода...
По горнице чёрные дыры
Распрыгались, как никогда.

Куда же податься? Куда?..

2004

ПАРАДИЗ

Чудный город! Он вроде в Европе,
Но кнутами, как в Азии, бьют.
Рим, чья почва – чухонские топи,
А в колонну уткнулся верблюд.

Вечно к морю Варяжскому пятясь,
Полупризнан строною своей,
Полупризрак глядит в необъятность
Подступивших под горло степей.

Как наивны масонские планы
Перспектив, прелюбезных Петру!
Слышишь – стонут портовые краны,
Будто сосны, скрипят на ветру.

Где вы, мачты побед и исканий?
Пали в бурю, истлели на дне.
Вмёрз в болото кубический камень,
И просел, наклонясь, по весне.

Поэтапно вбирает трясина:
Петербург – Петроград – Ленинград.
И становится кожей гусиной
Неприкаянный мрамор наяд.

Трезв, как циркуль, условный Кваренги,
Воплотивший прекрасную блажь –
Но однако фасадов шеренги
Над Невою дрожат, как мираж.

Промелькнут облака, будто титры,
По простору холодной реки,
Завершая недолгие игры
В европейство, стихи, парики.

Не полуденно пушка пальнула,
А в белёсый полуночный час,
Отпевая планиду больную,
Что влекла и морочила нас.

Край болотистый, плоский как блюдо,
Ты сильнее сего пустака!..
Вечна только улыбка верблюда
И протяжная песнь степняка.

Апрель 2023

ФЕВРАЛЬ

-1-

Зима. Одет в дощатый короб
Твой мрамор, Царское Село.
Вдали бурлит мятежный Город,
Себя же оплевавший зло.

Сюда грядёт, темна и смрадна,
Толпа, подобная скоту.
Напрасно доски аккуратно
Богинь укрыли наготу.

Нагрывает век, пахуч, как дёготь,
Разденет эту белизну,
И, как на площадь, в мат и хохот,
В свою растленную весну

Он душу вытолкнет из парка...
И отзовётся этот грех
И стужей, и голодной пайкой,
И кладбищем – одним на всех.

-2-

Как почувствовать таинство Крови,
Позабывтое нами давно?
Ты постигни божественный профиль
Александры, что смотрит в окно.

Перекрестье белеющей рамы,
Ночи темень и отсвет костра.
У костра ж – охмелевшие хамы,
Это гвардией было вчера.

Не узнать по глазам и гримасам
Богоносцев, влюблённых в лазурь.
Наслаждаются жареным мясом,
Перебив царскосельских косуль.

Снег, подтаяв, становится грязью.
Что-то окнам Царицы крича,
Люди русские сделались мразью,
Нацепившей клочок кумача.

Как пьянит мятежа сладострастье!
И не пробуй гульбе помешать.
Отменяются пояс и хлястик –
Эдак черни вольнее дышать.

Под гармошку – «частух» переливы,
Гоготни первобытный оскал.
И смеётся поручик трусливо –
Он с народом. Он шашку отдал.

(А другой, отказавшийся гордо,
На снегах коченеет давно –
И, как панцирь, кровавая корка
Оковала шинели сукно.)

Зло стреляет пылающий хворост.
Печенежье, глубинное прёт.
Не прибудет карательный поезд,
Не ударит кнутом пулемёт.

Что ж, упейся свободой и новью,
Как сивухой, Держава Царей!..
Ты воздвигнута пришлою Кровью,
А убита – породой своей.

Октябрь-ноябрь 2022

НАКАНУНЕ⁵

Кружат кавалеры, кружат коломбины,
И жарок каток, как любовный альков.
Но лёд отливает ножом гильотины,
И режет нас ужасом скрежет коньков.

Резня – она близко, она за горами,
С которых весёлые санки летят.
И жёлтый закат нависает над нами,
В душе оседая, как медленный яд.

Зловонно дыханье народного гнева,
Великого зверя, что рвётся сюда,
Чтоб, кровью сочась, голова Королевы
Взошла над толпою – уже навсегда.

Декабрь 2025

⁵ Стихи навеяны работой художника Мориса Лелуара «Конькобежцы в фонтане Нептуна во времена Марии-Антуанетты» (1890-е гг).

СЕМЕЧКИ (МАРТ 17-го)

«Толпа шаталась из покоя в покой, из комнаты в комнату, ни на минуту не переставая грызть и жевать подсолнухи» - И. Бунин, «Окаянные дни»

Даль клубится красной теменью,
По-монгольски рожи строит.
Всюду семечки развеяны –
Семя чёрное, пустое.

Разлетелись по Рассеечке
Мелкой мусорной трухою,
Будто мухи, эти семечки
Вместе с жёлтою слюною.

Будто мошки над покойником
Шелуха летит в столице,
На снегу чернеет порохом,
Прилипает к нашим лицам.

Нагловаты губы праздные,
А на них, черны и жутки,
Как личинки безобразные,
Хамских семечек скорлупки.

Хам свободою краплёною
Упивается, как зельем.
Вся весна уже проплёвана,
В чёрных метинах веселье.

На века вперёд усыпали,
Заплевали и загадили,
Да ещё в Европу сытую
Экспорт мусора наладили.

Разнесёт заразу времечко
Дележа и самосуда,
Аж до Сены наше семечко
Смачно сплюнув через зубы.

Вышли сеятели, лузгая,
Что в глубинке, что в столице.
Урожай под гром и музыку
Пустотою всколосится.

Мелким мусором просыпались –
Семенить да веселиться!
Эти семечки – как сифилис.
Вся Россия шелушится.

В проходных дворах под арками,
На скамеечках с тоскою
До сих пор плюют и харкают
Той же, мартовской, лузгою.

Что ж, пируй, народ изменчивый,
Сволотой одуракованный.
В пятерне твоей не семечки –
Зубки мелкие драконовы.

Всё, как было – проще обуха
И сукна шинельки серой.
И давно уж не подсолнухом
Изо рта несёт, а серой.

Одиночки и семеечки
Жрут, потрескивая, семечки,
Чтоб и времечко убить,
И Рассеечку любить.

Сентябрь 2020

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО

Уж заиграло золото в пруду,
Подчёркивая лодки чёрный контур.
В июне в том, в семнадцатом году
Закат пылал – и ждал еду, как кондор,

В болотах отражаясь, в проводах,
В слюде избы, темневшей одиноко,
В летящих по равнине поездах,
Подставивших огню зеркала окон.

А в поезде, где чай зарёй багрян,
На лицах отсвет, а в умах – туман.
Там дачники, там вольные солдаты –
Газетный лист раскурке подлежит,

И он горяч – на нём закат дрожит.
У всех в глазах – закаты и закаты.
Закат искрил в прищуре Ильича,
Лучил, слепя, сквозь поры кумача,

В дымах фабричных яростно клубился,
На белом френче кровью возникал
И в Летний сад сквозь кроны проникал
С улыбкою холодного убийцы.

В самой природе – огненный разлом.
Огонь и воду трогаем веслом –
И отражение мечется змеино.

И кажется, что раз и навсегда
Отравленная пламенем вода
Отвергла дух и белизну жасмина.

Ах, лодка, лодка, золочёный бок!
Серебряного века умер бог,
Ушёл во тьму, в античные раскопы.

Прощай, Россия! Огненный итог –
Он канет в шёпот серых ксерокопий.

Июнь 2020

В ЛОДКЕ (Памяти июня Семнадцатого)

Мы в золоте расплавленном завязли –
Оно уж начинает коченеть.
Просторы нынче пламенны и ясны,
И знаешь, если с облака смотреть,

На зеркале озёрном этот контур
Так схож с обсидиановым ножом!..
Закат над нашей лодкою – как кондор,
Питающийся тьмой и мятежом.

Он дышит нашим страхом и тоскою,
В воде, резвясь, играет с огнём,
Окалиной и пылью заводскою
Таясь в жасмине сорванном твоём.

Как сладостно в томлении закатном,
Оставив вёсла, мысли и труды,
Душою холодея пред закланьем,
Бросать друг другу золото воды!

Мир царствен, но убийственно банален,
Как тот прохожий, что сюда свернул,
И чей прищур под кепочкой сверкнул,
Как пламя, отражённое в канале.

Июнь 2020

ЛЕНИНГРАД

Объяснение иное – нелепо.
Всё наглядно, а нам невдомёк.
Тот, кто крикнул в семнадцатом: «Хлеба!»
Получил в сорок первом паёк.

И несёшь ты, Столица-Пальмира,
Свой чугун – родовую вину...
Тот, кто крикнул в семнадцатом: «Мира!»
Получил в сорок первом войну.

Нынче всё, как по старым рисункам,
Но болезнь неизжитая прёт.
Налицо отголосок инсульта –
Ленинградство, кривящее рот.

В лике том – и восторги лицейства,
И чумазных заводов мазки,
И забитый толпой полицейский,
Разметавший по снегу мозги.

То огнём, то пургой опалима,
Кем предстанешь? По кругу помчишь?
Что ты выкрикнешь завтра, Пальмира?
Или, речь позабыв, промычишь?

Ноябрь 2022

САГА

От Любви Орловой,
От «Весёлых ребят»
Вас погнали ордою
В темноту, на закат.

Ты по виду не ратник,
Ты похож на зэка.
Рукавицы и ватник –
Спецодежда совка.

Жил ты жизнью советской,
А сегодня с тобой
Холод чуждых созвездий,
Лютый снег голубой.

Звёзды смертью сочатся,
Дробь раската в ушах.
Где ты, крымское счастье
В белоснежных штанах?

Ты в атаку – и вата
На суках, и сукно.
Жизнь кошмаром чревата,
И совсем не кино.

Ты её не постигнешь
Впопыхах на бегу.
И по пояс застынешь
В белофинском снегу.

Пахнет кровью парною,
И над нею впритык
К вам склонится Орлова
И покажет язык.

Осень 2020

ЭЛЕКТРИЧКА

-1-

В открытых окнах ветер бьётся,
Не холодя загар и пот,
И жар заката сбоку льётся
На дачный, яблочный народ.

Наждачен дух стихотворенья:
Поднявши банку на просвет,
Вникай во мрак – в краплек варенья,
В кровавожертвенный завет.

Считает август километры,
Мчит переполненный вагон.
И лёгкий хмель великой жертвы,
Нас, озарённых, клонит в сон.

И стар, и мал неумолимо,
Заранее обагрены
Финалом дня, пожаром Рима
И горизонтами войны.

Но им нести совсем не тяжело
Налёт трагических румян,
Летя к своим пятиэтажкам
Забвению и пустырям.

-2-

Мелькают картинки изменчиво,
Болтаем, качаемся, спим...
Мы вечера бронзой увенчаны,
Но мы эфемерны, как дым.

Леса, вереницы гаражные,
Окраин дома-корабли...
Мы бронзой по-царски украшены,
Но мы не цари, а рабы.

Мы золотом красным осыпаны,
Но ценим подделку и ложь.
И, время кормя ненасытное,
Летим с перестуком под нож.

В мелькании всё перемелется,
Меняясь местами стократ.
И только рука не осмелится
Сорвать перезрелый стоп-кран.

Август 2022

ПРИЗЕМЛЕНИЕ

Сергею Фомину

Верим в твёрдую руку пилота.
На посадку заходит гигант.
Что внизу? Да своя же блевота.
Приземляться на запах – талант!

Нюх особый нам даден богами.
Шибко крепок он, этот кукан:
Полетали в потёмках кругами –
И вернулись к былым огонькам.

Не нашли ни Женевы, ни Рима –
Да и есть ли он, этот грааль?!
Только тьма осязаемо-зримо
Обтекает наружный дюраль.

В пустоте мы когда-то зависли,
Как в колодце – пустое ведро.
Но теперь возвращаются смыслы
Через ноздри – и прямо в нутро.

Лес под крыльями гол и невесел,
Будто кто-то костяк обглодал...
Но забытую гордость, как Мессинг,
Пробуждает посадки удар.

Гулко катит по полю громада.
Всё в уме и в душе улеглось.
То, что мы изблевали когда-то,
Как бетон полосы, запеклось.

Здрасьте, наледей серые туши!
Возрождается прежний кураж –
И вот-вот, как бывало, «Катюшей»
Мы почтим удалой экипаж.

Обнуляйся, полёт-параноя!
Закрывается небо с утра.
За окошками – вечно родное:
Вышка, темень, прожектора.

Тлей полоской зелёною, запад,
И мети по косому, метель...
Мы на трапе. Да здравствует запах,
Пробивающий лёд, как форель!

Декабрь 2022

ПОДРАЖАНИЕ

И. Бродскому

Если выпало в империи родиться,
А тем более – на стадии распада,
Вас научит независимости птица –
Ей цепляться за империю не надо.

Воспарите в одиночестве и силе!
Пусть бесстрастная пустыня замедляет
Кости высохшие римов и ассирий,
Стать кремлей и муравейники китаев.

Чем российство вековечней ассирийства?
Всё – унылая, скрипучая сансара.
Всё отмечено дыханьем василиска –
И казарма, и сияние квазара.

Пусть жрецы кадят и славят – ты не верь им.
Всяка тварь несовершенна и финальна.
Нерушимых и невянущих империй
Не бывает – эта истина банальна.

То ли время копошится, то ли черви.
Всё вершится без судьи и адвоката.
Ты ж пари в лимонном зареве вечернем,
Помня Солнце, что не ведает заката.

Если выпало в империи родиться,
А тем более – на стадии бессилья,
Надо радостно и мудро торопиться,
Обретая оперения и крылья.

Одиночество, свобода, пробужденье,
Грудь, избывшая сомнения и спазмы.
Посмотри, как растворяется в паденье,
Некой птичкою отсвечивая, паспорт.

Празднуй, хлебом невещественным питаюсь,
И небесным виноградом запивая...
Тонет прошлое, со стоном наклоняясь,
И, как танкер одинокий, догорая.

Апрель 2023

АВГУСТ

Неспешен, как римское шествие,
Превыше томлений пустых,
В порывах подсохшего шелеста
И в дымке пожаров лесных –

Мой август, обещанный осени,
Тебя ль бытию уязвить?
Подобно опальным философам,
Готов ты отраву испить.

Ты высказал истину гордую –
Она не понравилась нам.
И к горлу возносится города
Пожаров лесных фимиам.

Август 2022

В ДЫМУ

-1-

Подобием Дикой Охоты
С востока – пожаров поток.
И в улицы, будто в окопы,
Неслышно спускается смог.

Народ, задыхаясь, томится
И ропщет, не чуя вины...
Пора и великой столице
Глотнуть перегара войны.

Спокойствие наше, изыди,
Закатно по окнам дробясь,
И в скальном величии Сити
Оскалом огня отразься!

-2-

Ты пахнешь далёкой войной,
Столицу наполнивший сумрак,
Завесив умы пеленой
Гордыни и бредней безумных.

Чумою по стогнам влачась,
Царует незримая сажа.
И в лёгких – токсичная грязь,
И в душах – она же, она же.

И вновь я живу, не дыша,
И страхи в аорте базарят,
И вновь, как по стали ножа,
По стёклам закат оползает.

Август 2022

КИЕВСКОЕ ШОССЕ

Не Сагайдачный, не Болотников –
К Москве стремятся беспилотники.
Сжимайся, дачная душа!
Они проносятся, жужжа.

С утра поёжились пейзажи.
Сирени вздрагивают ваши.
Очнись, умойся, выйди в сад:
Жуки июньские гудят –

Мутанты инобытия...
Рассохся разум, как бадья.
Гляди на них из-под руки –
Летят железные жуки.

День Икс? Прорыв антимиров?
Химеры припятских дворов,
Где этажи мертвы досель
И ржаво стонет карусель?..

О, как над речкой лёгок пар
В рассветный час библейских кар!..
К моей Москве летит, сверча,
Войны стальная саранча.

30 мая – 1 июня 2023

xxx

Воздух утренний тонок и свеж.
Аналогии все под рукою.
Вновь идёт на столицу мятеж,
Крылья мрака простёр за Окою.

Поутихла, застыла листва,
Будто слушает туч бормотанье.
Неразборчивы эти слова,
А у нас – пересохло в гортани.

Блещут молнии тайных надежд,
Страхи явные тьмой навалились...
Но гляди-ка: уходит мятеж!..
Знать, поладили и сговорились.

Нам, как встарь, не понять ничего:
Где ж гроза и небесные сабли?
И стою я, подставив чело,
В ожиданьи единственной капли.

3-4 июля 2023

ПЛЯЖ

На матрасе в прибое гребите
И, смеясь, не смотрите туда,
Где отвесно упал истребитель
И стеною взметнулась вода.

Как всегда – не добры и не злы вы.
Грейте ваше унылое «ню».
Не проникнет вибрация взрыва
В бултыханье, в прибой, в болтовню.

Я такой же, как все остальные –
Не вмещает ни ухо, ни глаз
Те летучие силы стальные,
Что решают и вяжут за нас.

Мне бы в пене солёной резвиться,
Зная твёрдо: кругом не враги,
И не ведать, что ржавая птица
Надо мною сужает круги.

Июль 2023

АМФИТЕАТР
(монолог теней)

Памяти Эзры Паунда

Та же линия гор,
То же небо парит огнекрыло,
Тот же синий залива язык –
Но не темпера, нет! Всё написано ярким акрилом,
Тайный яд в эти краски проник.

Да, всё так – и не так.
Всё пометила тайная скверность,
Словно выдохся жук-скарабей.
И похожа на Марс, на проказу седая поверхность
Раскалённых, безлюдных скамей.

Здесь гремели слова,
Здесь под тканями плоть трепетала,
Но напозл невестственный мрак,
И с тех пор не стихи – эту чашу лишь горечь питала,
Да бессмыслица праздных зевак.

Здесь навеки в плену
Мы – навек безутешные тени,
Что незримы для вас,
Вам не слышен стенания хор.
Лишь в сердца ваших парий стучатся наплывы видений,
Как затерянный в джунглях Ангкор.

Всё, что вечным казалось –
Как мёртвое тело распалось.
Но в глазницах руин – упования сквозит ветерок:
Вот улыбкой богов вдруг широкий покажется парус –
И былое шагнёт на песок!

Нет, ничто не вернуть,
Не поднять из развалин и пыли.
Был спокоен и горд разворот беломраморных плеч.
А теперь – суета, толчея, минаретные шпили,
Тряпки, цацки и варваров речь.

Волны с шумом, кудрявя,
Приносят закатную пену –
Но из этой стихии богине взойти не дано.
Что же вам, праздноголазым, грядёт неотвратно на смену?
Синь какая? Какое вино?

Нам, теньям, утешенье
Лишь Геспер⁶ – всё тот же
И для миртовых рощ и для финской болотной глуши.
И светильник вечерний сияет, сияет, итожа,
Над землёю, лишённой души.

Июль 2023, Сиде-Москва

⁶ Геспер – Вечерняя Звезда, Звезда Запада, одно из имён Венеры.

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ

Тут годы пока малозначны.
У каменной кромки земли
В тумане качаются мачты
И сонно скрипят корабли.

И чуден, как сон аргоншта,
Рассвет, заглянувший в окно.
И бёдра высокие амфор
Хранят золотое вино.

Ни зла, ни заботы, ни горя.
Весь мир – двуединый покой:
Огромное синее море,
И синь над моей головой.

История – только в начале,
Один нескончаемый день.
Забудь, что в твоём же подвале
Свернулась вечерняя тень.

Прими же, забыв об изнанке,
Слепящего мрамора стать.
Не надо грядущего знаки
В глазах утомлённых читать.

Пока ещё даже не полдень –
Без крапинок тьмы роковой,
Он будет, как чаша, наполнен
Триерами, солнцем, толпой.

И город – он белый до рези
В прищуренных юных глазах.
Тут верят, и плаваньем грезят,
И чувят напор в парусах.

Лучится оружия бронза,
Поэты – с богами на ты...
Но тень от поэзии – проза,
И вот уж предел полноты.

И дальше – смурно и непросто,
И холодом дунет в висок.
И смотришь: на мраморе оспа
И трещинка, как волосок.

И боги твои постарели,
А в сердце – тревога и лень.
Как быстро века пролетели –
Один нескончаемый день!

И вот уж рыдают свирели,
Что пели оливам в ночах.
Как быстро века пролетели
И ветер потух в парусах!

Как стали громоздки триеры,
Пахнувшие гробом и дном,
Изменой и ветошью веры,
Тоской и прокисшим вином!

И город у моря – не молод,
И в нём завелись чужаки,
В глазах затаившие холод,
А в душах – обид желваки.

Теперь он – чужой и несмелый,
Он даже в жару – сыроват,
Он даже к полудню – не белый,
А будто бетон – сероват.

Что спросишь с людей худосочных,
Коль боги – усталы и злы?
Всё стало крикливым, восточным:
Торговцы, одежды, ослы.

Не вывести сроки и числа
На стылом уже алтаре.
Пропой нефальшиво и чисто
Хвалу уходящей заре!

Смотри, как сгорает премудрость,
Ночным листопадом кружа,
Как пурпур укравшие шудры
Смакуют восторг куража.

Осталась от века секунда.
И тихо, под лепет цикад
Раскрыла объятья цикута –
И ты созерцаешь закат.

И царственным цветом граната
Предшествуя свету луны,
Предсмертное пламя заката
Танцует на гребне волны.

Июль 2025

ВЗГЛЯД АНТИНОЯ

Очнувшись от краткого дневного сна, я приоткрываю глаза и снова, снова вижу твою белую гипсовую голову, всё на том же вечном месте – на шкафу.

Мягкие, будто карандашные, светотени идеально-прямого носа, идеальных скул и подбородка. Раздражающе-красивый бантик губ. Сложнейшая лепка локонов, набитых моей квартирной пылью.

Ты со мною всю мою жизнь.

Ты взираешь свысока – как-никак, слепок бога.

Ты будто вопрошаешь себя, капризно надув губки:

«Что я делаю здесь? Зачем сей неудачник забрал меня в юности с полки в тихом суриковском подвале – хранилище гипсов? И потом тащил в наволочке через всю Москву – тёмную и зимнюю – в типовую советскую квартиру с коврами, телевизором и его родителями? С тех пор он тащит меня по своей дурацкой жизни, из квартиры в квартиру, из района в район. Зачем? Он так и не сумел нарисовать толком мою прекрасную голову. Его раздражали мои локоны, неподвластные нерадивому, ленивому, жесткому карандашу. Потом его стала печалить моя ледяная неизменность, моя замороженность – ведь сам он старел, терпел неудачи, глупел, вырождался, менял убеждения. Часто – и всё у меня на глазах! – бывал жалок и отвратителен. Год за годом корчился, влекомый временем к развоплощению. А я не менялся – всегда совершенная форма, пусть и лишённая содержания, всегда неизменный взгляд свысока, застывший в потоке лет, как скала. Я – единственная константа в его призрачной жизни, подобной дыму. Я – мерило и доминанта, якорь в вихре иллюзий. Взирая на меня, он познаёт себя и свою судьбу. Но... что станет со мной после него? Ведь он – мой хранитель. Единственный, кому я ценен. Меня не передать по на-

следству. И значит – помойка? Груда грязноватых гипсовых черепков среди крыс и отбросов? Лишённая формы, моя сокровенная пустота – моя полнота! – растворится в смраде падшей материи. Жалкий конец совершенства! Кощунство, поругание бога! О, зачем, зачем он похитил меня из вечности суриковского подвала, оставив мне на память о ней иероглиф – полустёртый чёрный инвентарный номер?».

Я смиренно отвечаю гордой пустой голове:

«О, не скорби, Антиной! Тоохранилище гипсов – не вечность. Те звонкие слепки давно уже списаны в хлам, по ним, как конница гуннов, прокатились эпохи, ремонты и реконструкции. Довольно томлений, пора стать философом. В конце концов, ты не можешь быть счастливее своего оригинала, найденного в песках, с отбитыми руками. Моя глупость, моя тщета продлили твой век, сделав тебя вечным в моей не вечной жизни, что промелькнула, как тень, под твоим холодным и светлым взором. Он нужен лишь мне – и боле никому. Да, в итоге, увы, у нас с тобою, мой бог, одна участь: стать пылью.

Одинаково серой пылью».

Август 2023

ПОСВЯЩЕНИЕ МУСОРНОМУ ВЕДРУ

Я стою над ведром помойным,
Как пред Ангелом Судного Дня.
Потому что, по-моему,
Оно лучше меня.

Много лет без лукавства и брани
Служит честно. А я-то – юлил,
Сколько слов своих прежних исправил,
Убеждений сменил!

Только с виду ведро это – скверна.
Безыскусна, проста,
Эта ёмкость – наглядная верность,
Что по сути – чиста.

Вот настроюсь на эти частоты
И пойму: не помойка, а я,
Я вмещаю в себя нечистоты,
Как ведро, по края!

Я кривлялся, нелепо и лживо,
Распираем дерьмом.
А ведро – год за годом служило,
Очищая мой дом.

Да, в нём всякого много бывало:
Кости, пластик, еда,
Но такого душевного кала,
Как во мне – никогда!

Я всё пыжусь, болтаю, дерьмею...
А давно б научиться пора
Этой верности, долготерпенью,
Простоте и молчанью ведра!

Я менял и нутро, и манеры,
А ведро – не за страх! –
В мятом панцире легионера
Всё стоит на часах.

Как к нему прикасаться дерзаю,
Я – кривляка и шут,
Словесами бумагу терзая
В осуждение и суд?

Осень 2025

НА ЛАВОЧКЕ

Погружаясь в трясину осенних дворов,
В эту сладкую смерть,
В морозящее время,
В мою неврастению,
В нарастающий костёр коньяка –

Понимаешь, что ты тут навечно,
Здесь ты сгниёшь,
И тебе никогда,
Никогда,
Никогда
Не уехать в Тоскану,
В Котор, на Родос, на Кипр,
Не припасть к горячему белому мрамору,
К жаркому песку,
Не фланировать вдоль пляжей Лимасола,
Не обнять друзей,
Не открыться Солнцу.

Ты обречён, ты припечатан,
Как кленовый нашлёпок на слякоть,
Потому что ты – серая морось,
Серая мразь,
Гнусная мамлеевская особь,
Дрянь без воли и разума,
Мокрая тень, морок,
Ничто, ноль.

Тебе сладко тут гнить,
Ты влюблён в магазины «Продукты»,

В ПНД, в падаль,
Ты дышишь трухлявыми досками,
Заборами и гробами,
Чёрной, слипшейся палой листвой,
Страшными коричневыми грибами,
Проросшими сквозь город,
Адом пятиэтажек.

Ты слеплен из гнили и томлений,
Собственных слёз и бессилия,
Из липкой лирики нищих,
Тухлой, немойтой душевности,
Запахов грязных подъездов –
И воздух Тосканы,
И небо Котора
Не для тебя.

Видишь, вдали – длинная бетонная стена,
Над которою – кроны линиялых берёз,
Сухо сеющих смерть.
Там
Ты любишь бродить
Средь убогих могил с их поблекшей пластмассой венков
И мутными стопками, полными дождя:
Вот прошуршала крыса,
Вот каркнула сверху ворона,
Вот снова пахнуло моргом,
А вот и лавочка, как во дворе.
Присядь среди ржавых оград и взглядов покойников.
Эти взгляды – как окна вокруг,
Без разницы.

Тебе ли сквернить Лазурь своими вздохами?
Кайфуй на склизкой лавочке русской осени,
Хоть на кладбище, хоть во дворе,
Подлая мразь,
Абсолютное ничтожество,
Распадайся, взывай, смело повышай градус,
Жди зиму – она придёт, это уж точно.

Вот вся свобода, что осталась тебе:
Зима,
Зима грядущая,
Белая и ровная,
Равнодушная,
Беспощадная,
Бескрайняя на все четыре стороны,
В центре которой – ярый и жалкий костёр коньяка,
Пожирающий сердце.

Но пред этим,
Пред этим
Есть одно утро –
Утро первого снега,
Когда чувства и запахи детства
Проступают сквозь прожитую жизнь,
И всё ново и чисто, изначально,
По-японски графично,
И в тебе тихий свет,
И ты смотришь и смотришь в окно, как дитя,
На белый двор, на чёрных прохожих, снежинки,
На изысканно-чёрно-белые ветви,
И думаешь: «Надо же, снова дожил».

Ты выходишь во двор,
Ступаешь по ранимой целине белизны,
Вдыхаешь этот недолгий,
Давно позабытый,
Холодный, девственный воздух,
И благоговейно, как в таинстве,
Сдвигаешь с лавочки лёгкий снежок
Голой рукой.

Да, под ним – чёрное, гадкое дерево гроба,
Но это неважно: я дышу,
Я чист, я – мальчик.
И всё, что мне надо, весь мой итог –
Этот белый покров,
Нежный припорох памяти,
Незаслуженный дар.

Октябрь 2023

ПНД

Дом, похожий на позднюю осень, на чёрный и голый октябрь.

Тудаходишь как в лес, населённый тенями и снами, гри-масами, пустыми глазами, вскриками без причины.

Он обволакивает, как страшная сказка, где хочешь остано-влять и вечно сидеть у стены в сером больном коридоре, в блед-ной неоновой зыби, погрузившись в себя, в свои тени.

Там, снаружи – страшнее.

Там, за окном – мокрый асфальт, чужие случайные люди, летучая хмарь облаков. Там царство причинных и следствен-ных связей и связанной речи. Там нет пощады, нет милости: за светом влачитя тень, а дважды два вовеки четыре. Но здесь, в этом доме, ты спрятан в надёжном укрытии, где мир не достанет тебя, ты скрылся в безумии, рассудком платя за свободу.

Здесь ты на далиевском пляже, среди крабов и раковин, слушаешь волны иллюзий. Здесь дышит бессвязность, как йодистый запах лазурного моря.

Ты стал тенью среди теней, сдуваемой горкой песка, ци-ферблатом, обвисшим, как блин – и мир утратил права на тебя, а ты – на него.

Сиди же, как все, в коридоре, мечтай, предавайся фанта-зиям, страхам, слушай шелест незримой листвы над собой, как тень истончайся, стань воздухом этого дома – больным и опасным, тревожным и тягостно-сладким, исполненным трепета бреда и шороха крыл.

Пристанище душ, возделенный ковчег, поиск жёлтой кирпичной дороги!

О, хрустальная башня, о которую бьётся прибой – и не в силах разбить основание!

Дом избранных, прах отряхнувших мирской.

Снов ловители и собеседники бреда, заплатившие щедро – собой!

Вы вне голосований и телевещания, вне родины и родства, вас не захватит времён колесо, вы вырвались в Психонирвану Достойных.

Какая сегодня погода? И вам ли считать свои годы? Доктор, ответа не будет. Может, двенадцать, может, девяносто шесть, может – нисколько.

Зато теперь вечно позволено громко смеяться, громко, как в театре, рыдать, гулять нагишом, впасть в новое детство, уйти в его кущи, под сени оливковых рощ, стать фавном, кентавром и нимфой.

Вы прятались в детстве в шкафу – но вас находили, а здесь никогда не найдут.

Вы сладко поёте, неведомым вторя ветрам – а людям мерещатся дикие вопли, оскалы и жёлтые слюни, и белая пена.

Мы, внешние, песен не слышим – нам чудится скрежет зубов. Мы видим не башню из света, а дом из бетонных кубов и грубые швы между ними.

И лишь иногда, как синица в окно, залетает в нас тайная зависть: да, вы убежали, и вас не поймает никто.

Навек потерялся ребёнок на путаных тропах лесных, где корни как чёрные рёбра и солнечной ряби игра. Над ним, будто тёмные тучи, шумят вековые дубы, а там, впереди, в полутьме – сияние единорога: белый халат медсестры в конце коридора.

Октябрь 2023

xxx

Октябрь, прогулкой не мани –
Маньяк гуляет по окрестности.
И ежедневно дни мои
Бесследно пропадают без вести.

Давлю истошные смешки –
Симптомы умственной эрозии.
А в скверах – чёрные мешки
С кусками расчленённой осени.

13.10. 2023

xxx

Шелестение,
Шелест тления.
Я впустил в себя Осень,
Покой и смирение,
Золотое сечение Распада –
Всё, что сердцу уставшему надо.

Дождь сечёт этот воздух –
Сырой и болезный.
Пахнет Осень как панцирь железный –
В нём душа и пустотность,
И сполохи тьмы.
Здравствуй, Осень!
Меня обними.

Дай мне силу и страсть,
Треск сухого огня –
Знаю, Осень,
Ты любишь меня.

Коронуй меня чёрным колючим венцом
Этих голых дубов!
Тут и дело с концом.

Октябрь 2024

xxx

Шуршали листья, каркали вороны...
Пытаясь солнце с тлением сплести,
Как золотом прошитые погоны
Мерцала осень в трепете листвы.

О, скоро горечь попанной святыни
Наполнит мір, и я в который раз
Узнаю вновь погоны золотые –
Но сорванные, втопанные в грязь.

Смердя и тлея, победит бесчестье.
И я не знаю, сам себе не рад:
Крыло смиренья или сумрак мести
В моей душе мелькнёт, как листопад.

18 сентября 2025

ОКТЯБРЬ

-1-

Едва сады, встречая осень,
Возденут сучья-раскоряки -
Я слышу гулкие колёса
И камень гложущие траки.

Шурша, за банками солений
Листовку вражескую прячу.
Я – дух убитых поколений,
Встречаю снег на старой даче.

Я обитаю в зоне риска,
Я вне сезона, вне сознания.
И забиваю чёрным списком
Пазов белёсое дыханье.

Я на восток не убегаяю.
Живу среди пустых скворешен,
И чую: дышится снегами
И переменою скорейшей.

Я – отщепенец, я – подонок.
Мои костры пылают смрадно,
Потоки серых пятитонков
В Сибирь напутствуя злорадно.

Моя ботва пылает дымно.
И мне в разрывах непогоды
Качают крыльями интимно
Посланцы мира и свободы.

Вдали курлычет электричка.
Там на Москву берут билеты.
А я – отбившаяся птичка
В просторах вымершего лета.

Моя земля – ты не уснула.
Твои равнины – как нирвана.
Ты внемлешь внутреннему гулу
Грядущего Гудериана.

Ложатся припорохи Нави
На лоб единственного руса,
На подмороженные травы,
На черноту Десны и Рузы.

О как вокруг светло и пусто!
И, по-немецки окликаая,
Ко мне по заморозкам с хрустом
Идёт вселенная иная.

2004

-2-

Налетал за порывом порыв,
И сухая листва догорала...
Коммунисты спалили архив,
И просёлком умчались к Уралу.

В коридорах глухих – ни души.
Красный отсвет отрывист и смутен.
Немец пепл сапогом ворошит:
«Что тут было? И что ещё будет?»

Он, затянутый в чёрный кожан,
Всё глядит в догорающий пламень...
А над полем вороны кружат,
Ворожа нашу плоскую память.

Так зависла, не помня себя,
На трапециях ветра и дыма
Без конца и начала – судьба,
Без конца и начала – равнина.

Всё сойдет – до последней версты,
До травинки, кровинки, листочка,
И зальёт молоко пустоты
Мотоцикла немецкого точку.

2006

xxx

Пожирают коты голубей.
Пожирают с урчанием, с хрустом.
Пожирать – это тоже искусство.
Это вкусно. На жалость – забей.

Кто тут правит? Свирепый Вотан?
Это, право, загадка пустая.
И кружат голубиные стаи
В синеве, недоступной котам.

29.09.2024

xxx

Мой кот осенний, златоглазый,
Нам суждено с тобой гулять
По листьям, тронутым проказой,
И гнилость лёгкую вдыхать.

Смотри, как смерть раззолотила
Огромный обречённый мир,
И в тленье сада заронила
Прогулок путаный пунктир.

Нет, жизнь была совсем не бедной,
Коль в полумраке октября
Горели глазки плазмой медной
С секретной долей янтаря.

Да, я богач. Сокровищ – груды.
Вон там, из тёмного куста,
Горят драконьи изумруды
Другого дивного кота.

Чревата старость январями...
Но что мне может угрожать,
Коль изумруды с янтарями
Кружат во тьме и вoroжат?

23 августа 2024

КРЫШИ

Ужели, покинув темницу,
Душа вознесётся, как стриж,
Увидев простора границу
И лики железные крыш,

Которые, серы и строги,
С безглазым вниманием ножа,
Как навзничь упавшие боги
Следят за полётом стрижа?

В них что-то от острова Пасхи,
От глухо закрытых гробов –
Земные, железные маски,
Сокрывшие скрежет зубов.

Сентябрь 2025

ПЕСНЯ НАРУЖНОГО БЛОКА

А.А. Зеленову

Когда в душе потрава
И сам себе ненужный,
Я посмотрю направо –
На белый блок наружный.

И сразу жизнь проснётся
В душе и даже в теле:
Я снова вижу солнце,
Трёхлопастный пропеллер.

Вращайся, работяга,
Струи в меня как прану,
Как парусную тягу,
Напев аэроплана!

Смешной девчонкой рыжей
Глазеет в небо осень.
Лишь голуби и крыши
Поймут одноголосье,

Постигнут всей душою,
Что ты лишь меньший братик,
Что там, за синевую –
Пропеллеры галактик.

И вижу, будто в детстве,
Но как-то виновато –
На белом полотенце
Побеги-коловраты.

Сентябрь 2024

РУИНЫ

Тяжек день, будто рухнувший швеллер.
Там, на месте квартиры – дыра.
Лишь наружного блока пропеллер
Крутят, крутят глумливо ветра⁷.

Словно внутренность трупа, повисли
Полдивана, полсна, полстены.
И пропеллер отныне и присно
Движим только дыханьем войны.

Да, не нужен оборванный провод.
Сам себе, полоумный, не рад,
Полон смерчем снесённого крова,
Закопчённый поёт коловрат.

Это чёрное солнце бессрочно
Воссияло над жизнью моей
На обрыве стены крупноблочной,
В окружении душ и теней.

Январь 2024

⁷ Наружный блок кондиционера.

НА ЗАКАТЕ

К небу тянутся из мглы
Небоскрёбные коробки –
Пальцы матери-земли,
Что вцепились тучам в глотки.

Не «помилуй», не «прости» –
Кровью исходя по краю,
Стонет небо: «Отпусти!
Почва, я тебя не знаю!».

4 марта 2024

БРЯНСКИЙ ВОКЗАЛ⁸

Гул восторга, стекло и металл,
Предвкушение высот и исканья...
Дирижабль превратили в вокзал,
Опоясав балластом из камня.

Для того ль этот вдох неземной,
Изогнувший дугою шпангоут,
Чтоб наполниться бранью, махрой,
Солдатнёй, голытьбою, шпаную?!

Камень впился в воздушный корабль,
Ныне сродный китовым утробам...
Но меж рёбер своих дирижабль
Воробыно чреват водородом.

Жаждет он притяжение сломить,
Поезда разрывая на звенья,
И очнувшейся тушей поплыть,
Накрывая Москва~~реку~~ тенью.

Грандиозный летающий дом!
Отпусти ж его, тяжести пояс!
Ждёт нас долгий полёт надо льдом
И алмазно сверкающий Полюс.

Апрель 2024–Сентябрь 2025

⁸ Его строительство начато в 1914-м и завершилось в 1918-м. С 1934 года называется Киевским.

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

Памяти «Италии»

Я обрубил причальный трос,
И эта туша, легче пуха,
Качнувшись, ввысь пошла, в мороз,
В лазурь нетронутого духа.

Прощай, кашаца дележа,
И лжи оттаявшие лужи.
Тебе лишь вверх, мой дирижабль!
Внизу нелеп ты и не нужен.

Гигант, ты утлости земной,
Огням портовым над заливом
Грозишь убытком, теснотой,
Смятеньем и случайным взрывом.

Людей пьянит твоя краса,
Объём же – терпят через силу.
Тебя сплавляют в небеса,
Как надоевший труп – в могилу.

Ну что ж, зарей себя омой!
Не порть им кровь и аппетиты.
Они внизу стоят толпой –
Как текстик, набранный петитом.

Дерзай в наборе высоты!
И уповай не на погоду,
А лишь на гулкие винты,
На газ, обшивку и шпангоут.

Отвергни всякий компромисс,
Покройся коркою мороза,
И не смотри, сверяясь, вниз –
Внизу давно одни торосы.

Балласты скинем. Всё – ни в грош.
Оставим только символ стязный.
Возьмёшь ты полюс – и падёшь.
Ты сгинешь. Но сие неважно.

И полюс – истина горька! –
Неважен рвущимся за кромку:
Там нет того материка,
Там нет земли, а лишь позёмка.

Во льдах не сыщут твой скелет.
И лишь во мне – томя и муча –
Твоей кабины горний свет,
И гул пропеллера певучий.

Июнь 2020

ПОЛЮС

Родины нет. Но осталась Прародина.
Там, за Мурманском, в ледовой дали
Отчая пристань Великого Одина
Ждёт наши блудные корабли.

И, за кормой оставляя Державу,
Мы, оттолкнувшись, взлетаем за край,
Где нас обнимет Полярным пожаром
Может быть – Север, может быть – Рай.

Вслед нам – останки распавшейся тверди.
В грудь нам – дыхание тверди иной...
К Норду стремленье – стремление к Смерти,
Или к Бессмертию, или Домой.

Сбросив остатки прижизненной пыли,
Мы, бестелесные, ступим на снег.
Один промолвит: «Долго вы плыли.
Век завершён. Начинается век».

В срок улетучится тьма ариманская.
Русью и заревом заплатив,
Мы припадём к мегалитам Мурманска,
Снова став ариями во плоти.

1999

ПОЛЁТ К ОКЕАНУ

С.В. Фомину

Слыша зов путеводный, ушёл Адмирал
В свой последний, подлёдный поход.
К Океану, где землю когда-то искал,
Он поплыл головою вперёд.

Не сочится прерывистой линией кровь,
Не пульсирует рана-цветок –
Больно страшен мороз, больно холод суров,
Больно мёртв первобытный поток.

Будто в небе летел он во тьме Ангары,
Белоснежным исподним света.
И касались его, как планеты-шары,
Чудо-рыбы, бронёй шелестя.

Что они напевали? Легенды? Мечты?
Нам с тобою не ведать пока.
И мерцал Адмиралу с ночной высоты
Ангел Норда сквозь лёд и века.

Дальше, дальше лети – ввысь, на север, к своим,
Окрылён Енисеем и нов,
Чуя шёпот тайги и молитвенный дым
Из косматых медвежьих углов!

В омут канули Омск и поход Ледяной,
Поезда и мгновенная боль...
И жаждался скитальца на тверди иной
У костра негасимого Толль.

Да, нашли они землю! Прародину, свет,
Солнце Севера в небе души.
Там ни тлена, ни плача, ни времени нет –
Белым снегом дыши и дыши.

Там друзья и собаки, живые вовек,
Смотрят с берега, боль шевеля,
В даль и мрак, где ворочает устьями рек,
Умирая, бывая земля;

Где на отмелях сгнили гробы кораблей,
А зимовья – черны и пусты;
Где безлюдье набито тенями людей,
И стоят одиночки-кресты.

.....
Он когда-то уже в полынье побывал,
Но иное – теперь.
Окунулся в подлёдный полёт Адмирал.
Эта Прорубь – как Дверь.

Июль 2024

РОММЕЛЬ

Мне снился лиловый Египет,
Песок остывавшего дня,
И немец, сражённый навывлет,
И жёлтого цвета броня.

Не быть Ланселотом Озёрным
Тому, кто в безводье завис.
И стал ты Анубисом чёрным,
Пустыни стремительный Лис.

Тут водных просторов пределы
Когда-то терялись вдали...
Тут сна не нашли гренадеры
В ветрах и песчаной пыли.

Их прахи крошит, растирая,
Песков негасимый костёр
И жажда – вовеки, без края –
Лазури минувших озёр.

Стремительно, смело, искусно
Сражался ты с временем. Но
Бессильны иссохшие русла
И пеклом укрытое дно.

Ни влаги не быть, ни Валгалле,
Ни шумной прохладе лесной.
В миражность уходят барханы,
Углами сочащие зной.

Заклятий мерцания древни.
Мицраим⁹ пустыней храним.
Цепляя сыпучие гребни,
Мы прахом летим и летим.

Апрель 2020

⁹ *Мицраим (библ.) – Египет*

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЮЛИУСА ЭВОЛЫ

Памяти Виктории Ванюшкиной

Барон, вы в родную квартиру вернулись,
Где пыль, будто прах отгремевших эпох.
Тускла полировка. И верный Анубис
У двери дубовой неслышно прилёт.

Предметы настольные неколебимо
Стоят, полумрак отражая в себе.
Окно с вечеряющим контуром Рима –
Прекрасным, как лев на старинном гербе.

Окно распахните, расклеив бумагу,
И звуки, которые снились давно,
Впустите. Вкушайте багряную влагу –
Дождалось хозяина это вино.

Кто пал на Ла-Манше, а кто-то – на Волге.
Кого-то покрыл африканский песок...
Барон, встрепенитесь. Вам жить ещё долго!
Как верная шпага, вас ждёт альпеншток.

Скрещенье немыслимых жизненных линий
Вместила холодная ваша ладонь.
За чёрной грядой размашистых пиний
Встаёт, зеленея, закатный огонь.

И, пряча в глубинах минувшие грозы,
Пылая вершинами, тучи встают...
Сгущается солнце в отметинах бронзы,
Прошив пропылённый баронский уют.

Судьба иллюзорна, реальность притворна:
Была ли чужбина, была ли война?
Предметы на месте. Протёрта реторта.
Собака на страже: черна и верна.

Ведь города имя – короткое ROMA,
Вместившее гром, ароматы, вино,
Одно означает: заветное ДОМА
И стены, что варвару взять не дано.

29 ноября 2013 г.

БАЛЛАДА О МАЛЕНЬКОЙ СТРАНЕ

Лёгким «штилем» этюд напишем:
Тишина, голубой озон,
Лихтенштейн, черепица крыши,
Альпы, скрывшие горизонт.

Европейское перепутье.
Буржуазная благодать.
Но в названии – столь уютном –
Лихолетий напев слышать...

Уродилась державка маленькой –
И иной не желала быть.
Но пошла она против Сталина
И смогла его победить.

В ту открытку (вершины, замок),
Будто шаткости мира знак,
Рать ввалилась – ну как подранок,
Что спасается от собак.

На альпийских лугов цветенье,
Как из мира иного, вдруг
Боли русской явились тени –
Всех их принял зелёный луг,

Дал надежду на жизнь вторую –
Без кнута и без рабских гирь...
Псы рычали почти вплотную,
Долетала их пены гниль.

Как уверен нахрап опричный!
В золочёных погонах хам:
«Всех отдать!» – приказал привычно,
А в ответ ему: «Не отдам!».

Микро-княжество, ты посмело
Разговаривать свысока,
С точки зрения пиков белых
И с позиции ледника –

С красным Мордором, что как лава,
Накрывая Европу, прёт...
Мир-игрушка – и сверхдержава.
Мал оплотец, да вечен лёд!

Пусть другие сдавали разом
Нашу Русь на неправый суд –
Край тот крохотный стал алмазом,
На котором сломался зуб.

Обломался чекист фартовый,
И в зрачках у чекиста – зверь...
Лихтенштейн говорил с Ордою,
Как Чернигов, Рязань и Тверь.

И запнулся кураж бесовский,
Спасовало на время зло...
Повезло вам, Борис Смысловский,
Как немногим тогда везло.

Государство – чуть больше дачи,
Не склонившее флаги в грязь.
Край невыдавший и несдавший,
Пядь Европы, что не сдалась.

Май 2018

(из старых тетрадей)

ОДА ЗИМЕ

О, Зима! Обожаю тебя,
С октября предвкушая.
Вновь кольцо замыкает судьба,
Белой кромкой сияя.

Ветер листья последние рвёт.
Это месиво складок
Взял и выстроил утренний лёд
В первый хрупкий порядок.

Да, на этой неяркой заре
Мы в начале, как дети.
И ступаем по новой земле
Как по новой планете.

Мир невяностицы, пара, тепла,
Теплотрассы, теплицы
Стать обрёл и полёт, как игла
Новой русской столицы.

Видишь: в кухни, в их дымный быток,
В грохот простыней влажный,
Сквозь узоры на стёклах – поток,
Красноватый, витражный.

Даже воздух на грани разбит,
Зафиксирован, схвачен.
В этом Царстве никто не забыт,
Белой пудрой означен.

Приходи, Новогодняя ночь,
В серпантине, в камнях,
И последние сроки отсрочь
И весны, и гниенья!

Опускайся на нас как Орёл,
Закогти наше сердце,
Чтобы вновь дядя вася обрёл
Крест и пафос имперца!

Приходи, приходи, победи
И врага, и нейтрала!
Встань, сияя, на дымной груди
Змея теплоцентраля!

Пусть над уличным люком кружат
Пара жгучего бесы.
Как сверкает твой русский булат!
Бейся, Зимушка, бейся!

1989 или 1990

ИГРА В КАРТЫ

Да, сегодня – немецкое платье,
А вчера – московитский кафтан...
Вы умны, посвящённые братья,
В дураках же – приезжий профан.

С буклей сыплется белая пудра.
Он играет опять наобум –
И пасует масонская мудрость,
Ваш европейский отточенный ум.

Он, мерзавец, и пьёт, не пьянея,
И рискует, монетой соря.
Вот опять, ничего не умея,
Всё сгребает посланник Царя.

Чем он пахнет? Духами ли, щами?
Взор исполнен нордических игл.
«А теперь – пировать! Угощаю!
Утомился от вашенских игр!

Хватит меряться форсом и зыркать...»
Он соперника братски обнял,
Не страшась уколоться о циркуль
Иль о спрятанный тайный кинжал.

Кто ж на русское не отзовётся?
Даже свечи взыграли, треща.
И скривились потайные звёзды,
Уползая в изломы плаща...

И в туманах британских, наутро,
Спал покуда с похмелья масон,
Пил глотками – вот это премудро! –
Золотой огуречный рассол.

И, накинув халат непарадно,
Отдувался, перо очинял,
И, макая его аккуратно,
Государю письмо сочинял.

Шли слова – корабли, а не птицы,
Строим правильным, в нужный поток.
И ничуть не слабела десница,
Разрубавшая шпагой платок.

Сколь их было подброшено в воздух –
Всё имперская сталь рассечёт.
Жить ли долго? То ведают звёзды,
Те, которыми Небо речёт.
Декабрь 2021 – январь 2025

СРЕДНЯЯ ПОЛОСА

Всё как пар мимолётный непрочное.
Лишь в одном постоянстве и новь:
Под ногами – печальная почва,
И во мне – московитская кровь.

Всё там, в бездне невидимых клеток:
Гул галактик, туманностей дым,
Трепет вербных пушащихся веток,
Крест еловый и холмик под ним.

Что блистешь ты, просёлка прямая,
Под дождём, как судьбы нищета?..
Признаю тебя, Русь, принимаю
Без приветствий и звона щита.

Той лесной горизонта границе,
Этим чёрным гниющим стогам
Я хочу теперь так поклониться,
Как у нас выпивают стакан.

Мир погостов и шиферных кровель
Черепицей в себе не губи!..
Это образ и Почвы, и Крови
Как он есть. И его – возлюби.

Сколько было осанистых истин!
Всё сгорело в кометном хвосте,
Кроме серого трепета листьев
В их осиновой простоте.

Март 2025

РОССИИ

«И долго-долго о Тебе ни слуху не было, ни духу»

Б. Пастернак

Долго-долго, тебя называя,
Душу мучил, насиловал кровь...
Но назрела пора грозовая –
На тебя я обрушил любовь.

Я целую осин волосёнки
И резиновые сапоги.
Я твои размываю просёлки,
Отдавая слезами долги.

Туч изодранных крылья раскрою –
Свет в разрывах сродни миражу.
Исхожу я слезами, как кровью,
И в обочинах мутью лежу.

Отпусти мне! Пусть выдохнусь, мглистый,
И, смешавшись с дыханием рек,
Буду капать с осиновых листьев,
Упокоюсь душою навек.

2021-22

ПЕРЕЧИТЫВАЯ «БЕСОВ»

Заходит Ставрогин к Лебядкину
С зонтиком, из-под дождя.
Лебядкин берёт его зонтик
И ставит раскрытым в углу.

Мы тоже так делаем, братцы,
Хоть минула тысяча лет,
И нет уже Царской России,
Германской империи нет,

Густых эполет, паровозов,
Шарманок, дворян-выпивохов...
Но зонтик мы ставим всё так же,
Раскрыв, чтобы зонтик просох.

О, мы изменились не очень!
Всё так же черна наша осень
И чай остывает всё так же.
Всё та ж краснота от закатов,
Всё так же в опасности Шатов.

17 июля 2025

ОЧЕРЕДЬ

Вот вопрос-то – проклятый, как водится.
Хочешь – плачь, хочешь – зельем залей.
Две России. И первая – молится,
А вторая – стоит в мавзолее.

Знать, не высохла трупная силушка,
И находит дорожку к сердцам...
И влачится вторая Россиюшка
К заповедным блестящим торцам.

Знать, сладка эта тёмная храмина,
Люб нетленный жилец полумглы,
Коли имя не стёрлось на мраморе
И блестят от лобзаний углы.

Вот пестреет футболками, шортами
Код греха: комсомольский задор,
Жар хлыстовский, моление чёрное
И рубивший иконы топор...

Ведь никто уж не гонит наганами,
Не грозит, как ордынец, кнутом –
Вдоль кремлёвской стены испоганенной
Мы бредём, и детишек ведём...

Нечто требует жертвы и почести.
И покорно, в затылок, как встарь,
Встало племя двупалого посвиста,
Затвердивши: «Ни Бог и ни Царь...».

Слышу странную разноголосицу,
Слепо глядя в грядущую мглу.
Две России. И первая – молится,
А вторая – бормочет хулу.

Июнь 2025

ЭКЗОРЦИЗМ

Как же русские, в Бога не веря,
В самом сердце святыни своей
Поселили зловонного зверя
И назвали его – мавзолей?!

Демонстрации шли и парады.
Демон рацио тёмен, как тать.
Шли года – и приняхались к смраду,
И не можем иначе дышать!

Пусть сирень зацветает в округе,
Пусть пурга прочищает мозги –
Нос народа повёрнут, как флюгер,
К зачумлённому сердцу Москвы.

Будь ты груб или вкусом изыщен,
Будь ты сед или юный «пацан» –
Трупный храм, что розария слаще,
Всё находит дорожку к сердцам.

И брадатым зачинщикам спора,
Что взывают: «Воняет же ведь!»,
Отвечают: «Не надо раскола!
Ради мира не грех потерпеть!».

Как терпеть-то?! Коль гены и сердце
Помнят воздух России иной,
Где бежит по снегам полотенца
Коловратный узор огневой?

Там не ведали Ленина-Вила.
Ну а если б присватался гад –
То Москва б его в пушку забила
И пальнула бы им на закат!

Так и будет! Почувствуй планиду.
Эту казнь осмысляй и голубь.
А иначе не смять пирамиду –
Этажи, уходящие в глубь.

1 июля 2025

ЛЕНИН НА ПОЛУСТАНКЕ

Сколько пассажиров, сколько груза
Пронеслось падучею звездой –
Он стоит, серебряный, кургузый,
С поднятой дежурною рукой.

Я его ещё мальчишкой видел,
Стал таким же лысым стариком...
Я меняюсь – неизменен идол,
Поновлённый грубым серебром.

Легче ль нам, что от бывшего флага
Красноты осталась только треть?
Он стоит, не уступив ни шага.
Он давно не может умереть.

Он неспящий страж у края бездны,
Пост блюдёт, доверенный ему,
И следит, как, грохоча железно,
Русский мир уносится во тьму.

Он *учёт* ведёт неумолимо,
Лишь ему такое по плечу:
Каждый атом плоти или глины
Помечает пристальный прищур.

Вот он, практик истинно великий,
Вот *контроля* вящий потолок:
До последней солнечной пылинки
Всё считает в грохот и поток.

Канет хвост последнего состава.
Посмотрев вослед его огням,
Он неловко спрыгнет с пьедестала
И уйдёт за ними по путям.

Землю тронет вспышка Бетельгейзе.
Точка. Завершён эксперимент.
Что в остатке? Мертвенные рельсы.
Ни души. И куцый постамент.

Октябрь 2025

ПУСТЫНЯ

Чую, тлеет колпак мой бумажный.
Всё миражи – и пальмы, и Русь...
Я в песках погибаю от жажды.
Я по Русскому Царству томлюсь.

Вон, коньки вологодской деревни
Над излучиной синей реки...
Но дыхнули барханные гребни –
И иллюзию смыли пески.

Я один. Бесконечно, бескрайне
Расстилается мира тюрьма...
И опять на дрожащем экране
Разноцветно встают терема.

Знаю, знаю: развеется морок,
А песок – уже в сердце самом...
Но волной колокольною сорок
Сороков поднялись над холмом.

Я стою на бархане калёном,
И уже под ногами – трава,
И сияет в просторе зелёном
Куполами Царёва Москва.

Я иду к ней по тёплой дороге,
Под весёлой и шумной листвой,
А крестьяне, белы и нестроги,
Понимают: я тутошний, свой!

И впускает бродяжника в город
С золочёным топориком страж...
Но под сердцем, как ящерка, холод:
Ведь и это – дурман и мираж,

Обступившая плотная прелесть,
Порожденье песка и жары,
И на сердце блаженно пригрелись
Разноцветные змеи игры?

Но сколь ярко всё это явилось:
Звон малиновый, город, народ!..
Иль душа моя с міром простилась
И стоит у Господних Ворот?

Октябрь 2025

ЗНАК¹⁰

С далёких русских полотенец,
Путями тайными пройдя,
Тот Знак, невинный, как Младенец,
И огненный, как Судия,

В ладони белые Царицы
Слетел, как Голубь, Божий Птах,
Чтоб со стены Её темницы
Смятенье сеять во врагах.

Сокрыт пока в ночи уральской
Тот клад, последняя броня,
Печать предсмертной воли Царской,
Крест Очищенья и Огня!

Знаменье, узнанное сердцем,
В душе народной прорастёт...
Тем деревенским полотенцем
Христос отёр кровавый пот.

Февраль 2022

¹⁰ После освобождения Екатеринбурга летом 1918 года, белые обнаружили в Доме Ипатьева свастику (известную в христианской традиции как гамматический Крест), начертанную рукой Царицы-Мученицы.

НЕОДОЛИМОСТЬ

А.А. Щедрина

Знак мой русский, огонь на снегу!
Пусть воронья «малина» горланит –
Я вовек разлюбить не смогу
Мой родной деревенский орнамент.

Нет, не валенки, не калачи,
Суть Руси не сладка и не вѣзка –
Рьяный крест, изогнувший лучи,
Напитавшись природною краской.

В нём дыхание Духа живёт,
Кровь святых и размах молодецкий...
Записал для потомков народ
Генный код на холсте полотенца –

Чтобы впавшие в смрадный кураж,
Мы, себя вспоминая, трезвели.
Кровь на белом – наглядней куда ж?!
Антидот, умиротворяющий зверя,

Ключ, которым в душе дурака
Отомкнутся пути и порталы...
Помни, Русь, как Царицы рука
Этот Знак для тебя начертала.

Всюду тонкого зла волокно.
Но душа – непокорнее птицы!
Наши дети, дыхнув на окно,
Повторяют рисунок Царицы.

Как подснежник на талой земле,
Как дыханье далёкого грома
Этот знак на оконном стекле
Заурядно-панельного дома.

И слезится прозревшим окном
Бирюлёвское наше сиротство,
Будто вспомнив Ипатьевский дом
И бывшее своё первородство.

Июль 2025

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

С.В. Фомину

Июль – и жара. Шелестят тополя,
Как истины в старом журнале...
Скажи мне, ты помнишь, родная земля,
Ту летнюю ночь на Урале?

Все спали, как спать этот город привык,
Как людям присуще ночами,
Когда из ворот выезжал грузовик,
Обыденно прянув бортами.

Куда он? В какой неизведанный край,
Где тягот не ведают слёзных?
А что под брезентом – ты лучше не знай,
И носом не втягивай воздух.

Укройся, народ мой, от пяток до скул
Цветным одеялом лоскутным,
Не зная о тех, кто сегодня уснул
Под пологом сырым и скудным.

Ты спи и не ведай, что пробил курант
И строй изменился молекул,
Что скоро в Москве возведут зиккурат,
Чтоб чествовать труп человека –

Того, кто сейчас преисполнен забот,
Кто весь в ожиданье презента,
Кто лоб потирает и головы ждёт
Семьи, что лежит под брезентом.

Вставай же, народ мой, и ставь самовар,
Башка тяжела по-воловыи.
Умойся, но то несмываемый жар –
Знамение пролитой крови.

Тебе, как румянец, нести на щеках
Того всежжения маркер,
Тот отблеск костра и «зари в сапогах»,
Рассвета по имени Янкель.

Просторы страны разорённой своей
Ты вымажешь именем этим.
Ты будешь на брюхе ползти в мавзолей,
И это наказывать детям.

Ты будешь намёки ловить на лету,
Страшась Магадана и пули,
И злобно, сполна повторять клевету
На Тех, убиенных в июле.

Ты будешь убийцам держать стремяна,
Чинами гордясь преисподней.
Ты *пó* ветрупустишь свои имена
И Имя забудешь Господне.

И будут твои новостройки грустны,
Промозглы и сиры продмаги.
И только порой непонятные сны
Нахлынут, туманны от влаги.

Такие ли сны мы увидим в гробу?..
Но главный, вот этот, не снится:
Стою перед зеркалом. Вижу: на лбу
Измены печать пузырится.

Июль 2025

ЗЕМЛЯЧКА

Памяти Ивана Шмелёва, автора «Солнца мёртвых»

Давай снотворное любое,
Пылает память и болит...
Вот комиссарша вдоль прибоа
Идёт, мистична, как Лилит¹¹.

Не помнят грешные потомки,
Чья жизнь заботами полна,
Как на античные обломки
Плескала кровушкой волна,

Как море хмурилось недобро,
Гудки развеяв и дымы...
Как на холмах белели рёбра
Коней, оставленных людьми...

Сгустились тучи зло и мрачно,
Багровы гребни и края.
Ты назвала себя – Землячка,
Но не землячка ты моя.

Скажу без пафоса и фарса,
Но убеждённо, вновь и вновь:
Ты, вероятно, родом с Марса –
Чужая, осьминожья кровь.

Тут солнца край, прекрасный климат,
Но в эту осень – ветер лют:
Свинцом сдувало в землю Крыма
Наш русский, неотплывший люд.

¹¹ *Лилит* – демонница из древнееврейской мифологии.

И на земле, политой злочно,
Не от земли рождённый клон,
Стояла чёрная Землячка,
Одета в сумеречный хром.

Что мы тебе? Людские фарши,
Мы по природе не правы.
Тонули стонущие баржи,
До края наполнялись рвы.

Сапог – в земле. Но ближе, сродней
Тебе мертвящий прах Луны,
И – ненавистней чёрной сотни
Дыханье почвы и страны.

Несчётны адовы заначки,
Нам непонятные подчас...
Пришли подземные Землячки,
Чтоб землю вычистить от нас.

Я смыслом сумеречным внемлю,
Хоть с ними и не легче жить.
Землячка – это значит в землю
Земное, наше уложить,

Россию сделать – Нероссией...
И сможет ли, в который раз,
Земля Землячку пересилить,
Светилом жизни озарясь?..

Ноябрь 2021

ПРЕДЧУВСТВИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Он затвор не успел передёрнуть,
Чтобы встретить рубаку свинцом.
В чёрный омут весеннего дёрна
Он сполна окунулся лицом.

Канул в смерть тот солдат неумелый,
А умелый – в разудаль полей...
Ну а кто из них красный, кто белый –
Не упомяну вовек, хоть убей.

После 2020-го?

КАЗАКИ И МУЖИКИ

1. Февраль Семнадцатого

Пролетарские толпы клубились,
Накаляя решимость в глазах...
Казачи, вы зачем расступились,
Ты зачем отступился, казак?

Вас, чугунные крылья раскинув,
К долгу, к чести столица звала.
Но попятились кони донские,
Уступая давлению числа.

Что, станичник, Емелька да Разин
В генах гикнули оба и враз?
Ты не знал, что Свердловa указы
Начинаются здесь и сейчас.

Здесь, когда отпустили поводья
И с народом слились воровский,
Начиналось резни половодье,
Что до хат доберётся донских.

Не оставит такое цунами
Ни свобод, ни Присуда, ни хат...
И как судные трубы над вами,
Пароходы в Крыму вострубят.

Те, кто сдастся на милость якиров,
Шашки спрячут, пойдут в мужики...
И в земле, как оружие скифов,
Изоржавятся ваши клинки.

2. Лето 1921-го

Мужик тамбовский, хитрый бестия,
Тухач село твоё палит.
Но разве ты не жёг поместья,
И не валил колонны лип?

Твоё, трудами нажитое,
Снарядный залп разворотил.
Но разве ты берёг чужое,
Не бил, не брал и не делил?

Всё возвращается сторицей –
Увы, таков закон греха.
И вот уж красная столица
Тебе пускает петуха.

Ты к смуте был вполне лоялен,
Когда, не зная и на кой,
Ташил к себе в избу рояли
И книги в коже дорогой.

Сгодились книжки на растопку,
Рояль в сарае отсырел...
Не поимел ты в этом толку,
Да и ума не поимел.

Ума вложил кремлёвский барин,
По восемь шкур с тебя деря –
И ты по кожанкам ударил
Из фронтового винтаря.

Ты разлюбил кумач кричалый,
Ты полюбил зелёный цвет,
И всё ж исконного начала,
Царёва, золотого – нет!..

Ну что ж, держись, башка баранья.
Уж как ни есть, а я с тобой.
У большака лежу в бурьяне,
На мушке – главный, верховой.

Я смажу. Он великим станет.
Но знаю: в недрищах Москвы
Его другой свинец достанет,
На стенку вышибя мозги.

А ты запомни, вроде сказки,
Казачий корпус по заре,
И как его – не без опаски! –
Встречал на барском серебре,

Рядился в лучшую рубаху,
Когда в пыли или в росе
Лампас, как молния-рубака,
Гулял по средней полосе¹²...

Всё помни!.. Будущее мглится,
Как дым, как мутная река...
И там неразличимы лица
Ни казака, ни мужика.

¹² Речь о Донском корпусе генерала Мамантова. В августе 1919-го он прорвал красный фронт, освободил Тамбов и пошёл по большевицким тылам, угрожая самой Москве как столице режима.

Мы все там – в рубище поганом.
И лишь для смеха Карабас
Нарядит кукол балагана –
Кого в кафтан, кого в лампас,

Чтоб в красный праздник урожая
Средь битюгов, снопов, венков
Плясала чернь, изображая
И мужиков, и казаков.

Июль 2025

ДВОЙНИК

«Куда ни глянь, повсюду двойники...»

А. Проханов

Этой ночью я в тайну проник:
Всё вокруг – бесконечный двойник.

Купола, ордена и венки –
Это некой страны двойники.

Ту убили. Украли добро:
Герб, корону, крестов серебро,

И в какой-то подвальной тиши
Двойника сотворили души.

Вроде так же она хороша,
Вроде даже и вправду – душа!

И язык – вроде тот же, былой,
Но кроён по лекале блатной.

Ковырнёшь – и текут гнойники,
Тут и там говнюки, двойники

Спелых нив и осенних аллей,
Вековых дубов, журавлей,

Бар, с утра облачённых в халат,
Праха Царского, Царских палат...

И глядят города-двойники
В двойника знаменитой реки.

А в реке – череда облаков,
Полный бред – двойники двойников!

Слышу: колокол утром звонит.
Неужели и это – двойник?

И двойник – этот дождь за окном,
Порождённый небес двойником?

Жизни линия, что на руке,
Ты о чём? О судьбе-двойнике?

Я пред зеркалом встану впритык.
Я тебя изучаю, двойник.

Октябрь 2025

ОПЛОТ

Душа, грехами индевея,
Мертва, как мёрзлый монолит.
И только краешек – Вандея! –
Царёвым пурпуром горит.

Ты тяжела, как груз балласта,
Душа, отвергшая полёт.
Но есть в ней пядь – живая плазма,
Что восстаёт и плавит лёд.

Короста зла тверда, но ломка.
Весомее, чем Эверест
Та пядь души, та сердца кромка,
Откуда прорастает Крест.

Живи же, углем пламенея,
Во мне, как рана от штыка,
Тот край, тот краешек – Вандея! –
Что держит натиск ледника.

Декабрь 2025

ГОРОД

В том имени, стройном как тополь,
Наплыв колокольный и боль:
Несбывшийся Константинополь,
Встающий в дали голубой.

Чужды современному плебсу,
Гостям с рюкзаком на плечах
В парче золотой базилевсы,
Царицы с молитвой в очах.

Иллюзией, как омофором,
Накрой, Византия, меня,
Развея над прежним Босфором
Кипенье стамбульского дня.

Я вижу: уже вечереет
Залив, наливаясь огнём,
И знаменем царственным реет
Твоё отражение в нём.

И, нежа лучи золотые
На ясном венчанном челе,
Встаёт, как планета, София,
Ещё не прибита к земле.

И в водах державного цвета,
Устав от великих трудов,
Застыли галер силуэты
Подобием чёрных орлов.

И тайной, вовек нерешимой,
Исполнен закатный уклон:
Стоят города нерушимо,
И тают однажды, как сон.

Подобно короткому лету
Пройдёт вековая краса,
И резкий напев минарета
Царапнет твои небеса.

Мой город, ты станешь трофеем.
По стогам горячим твоим
Отныне ступать не ромеям,
И сам ты отныне не Рим.

Сотрут изначальное имя,
И ты уже больше не ты.
И носит былая святыня
Чужих изречений щиты.

О, тягостен ветер восточный,
Стегающий, будто плетью!..
Всё смыто, как город песочный,
Что радостно создан детьми.

Нет проку в полудне горячем,
В стене, простоявшей века,
Коль небо зовётся иначе,
Иначе летят облака!

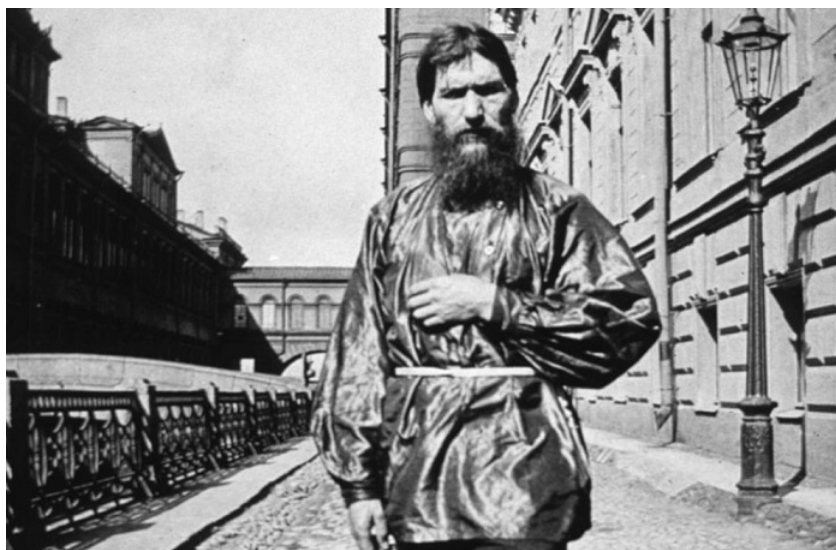
Коль стала иною порода,
Иными и хлеб, и вино...
О да, сохранились Ворота –
Но Города нету давно.

К чему эти грёзы и фразы?
Я слышу упрямый набат
В ночи, где ромеи и фрязи
На стенах невзятых стоят...

Июль 2025

НОВЫЙ

С.В. Фомину

На окне заледенелом
Утра свет зарозовел.
Где ты был и что ты делал,
Странный доктор Лазоверт?

Что не так на свете белом?
Чем не в радость новый день?
Почему к своим пределам
Не ушла ночная тень?

Ловит слухи и намёки
Хмырь газетный на бегу.
Жёлт и нем дворец на Мойке.
След кровавый на снегу.

Не с того ль над ширью лёдной
Тень, как некая рука?
Люди крови благородной
Растерзали Мужика.

Собирались узким кругом.
Ночь. Распятие. Подвал.
Был Мужик Царёвым Другом –
Вот за то и пострадал.

Свист пурги, шуршанье льдины?
Или змей сюда проник?
Пред Распятием предивным
Замер праведный Мужик.

За спиною встал убийца,
Чтоб разить наверняка.
И набряк, как багряница,
Шёлк рубахи Мужика.

Неспроста густели тучи
В той ночи, как груз беды,
И фонарь звездой падучей
Канул в зеркало воды.

Этот мост прямее спицы,
А поток подлёдный лют.
Эту воду по столице
Разнесёт крещёный люд.

Небо пристальным экраном
Озаряло лоб, бока...
И ясны народу раны,
Раны, раны Мужика.

Будто гад, Февраль гремучий
Вызрел в недрах декабря.
Знал Мужик: «Меня умучат –
Доберутся до Царя».

Всё наглядно, как на стенде.
Озирайте окоём:
Начиналось с русских денди,
А закончилось – хамьём.

Оттого в душе и теле
Безнадёга и тоска,
И в глаза нам – не метели,
А колючая лузга,

Наша бездна, наше завтра,
Царский путь к Tobол-реке,
Где сокрыт в кедровых ядрах
Сказ о чудо-Мужике;

Где на белом пароходе,
Не взывая, не кляня,
Поплывёт, как в Беловодье,
Обречённая Семья.

И замедленно, и близко
Проплывут, как облака,
Берега страны сибирской
И деревня Мужика.

Вон, в рубахе, шитой кровью,
Он стоит на кромке вод,
И, глаза слезя любовью,
Крестит белый пароход.

+++

Верь: стоит, храня и помня,
Скит – спасённая душа,
Сокровенно и укромно
Мхами тёмными шурша.

Там, минуя куст ракитов¹³,
Слов не слушая чужих,
Будто *из*бу мір покинув,
Снова явится Мужик.

Будет дождь в окошко биться
Или выюга декабря –
День и ночь ему трудиться,
Чтобы вымолить Царя.

И однажды, слыша Бога,
Он покинет тот оплот,
И пойдёт большой дорогой,
И погибнет в свой черёд.

Окончено 23 августа 2025

¹³ *Есть сведения, что разинские атаманы, сообразно «народному православию», венчали новобрачных «вкруг ракитова куста». Вот мимо этой «народности» и проходит Григорий. Т.е. народ в истинном смысле.*

УНГЕРН

«К востоку, к востоку, к востоку...»

Д. Андреев

Казачи, монголы, буряты –
Полков уничтоженных тени,
Что пули страшней и булата –
Несутся тропой сновидений.

Ведёт их всё тот же кромешный
Безумный барон безутешный .
И видят сибирские урки
Крыло пролетающей бурки.

Буряты, монголы, казаки –
На запад, на запад, на запад,
Туда, где сверкает столица,
Легенда, как туча, стремится.

На офисы, факсы и пластик –
Мистерия шашек и свастик.
Смотрите: на банковских стенах
Пульсирует конская пена.

В ребристые ваши тоннели
Бураны степные влетели,
И рушит компьютеров недра
Империя бронзы и ветра.

Сорвав занавески и шторы,
Влетят в сновидения ваши
Казачи, буряты, монголы,
Влекомы прибоем Ла-Манша.

Как язву, незримые сотни
На вас насылает сегодня
Тевтонец в косматой папахе,
Махатма заката и плахи.

Холодный, немой, как могила,
Он, встав на оплавленных плитах,
В разряженный воздух зенита
Поднимет штандарт Михаила.

Штандарт золотой Михаила¹⁴.

1997

¹⁴ На знамени барона Унгерна, с которым он выступил в поход против Советов в конце мая 1921 года, был вензель Михаила II Романова.

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

Не кривляка, не позёр –
Он простецкий парень.
Тренируется боксёр,
Потен и распарен.

Укрепляет молоком
Нервную систему,
Бьёт по груше кулаком,
Бьётся лбом о стену.

Он и *на* слово остёр –
Так и кроет матом.
Но увы – побит боксёр,
Это, братцы, фатум.

Был удар неотразим.
Канул парень в бездне.
И мелькнуло перед ним
Странное созвездье.

Что-то щёлкнуло в башке,
Дунуло эфиром.
Как в замедленном прыжке
Он завис над міром.

Он с утра в пивной, в дыму
Водку пьёт проворно.
Всё до лампочки ему.
Он утратил форму.

Дома, если и не спит,
Не встаёт с дивана,
И в глазах его стоит
Синяя нирвана.

Грязно-белым полотном –
Потолок высокий.
И на нём читает он
Имена и сроки.

Всё на свете, вдаль и вширь
Прозревает в духе.
Видит Волгу и Сибирь,
И снега Белухи.

На горе сияет лёд,
Предвещая славу.
И оттуда Царь грядёт –
Всё вернуть по праву.

Жаждет, взявший Крест и Меч,
Жатвы, урожая!
А народ – ему навстречь,
Рать приумножая.

И враги ложатся в прах:
Не казни, помилуй!
И гудит в колоколах
Слава **Михаилу**.

Реет стяг твой, Третий Рим,
Золотом бликуя.
И склоняются пред ним
Города, ликуя.

Зло гонимо, как туман,
Солнечной волною.
Вот уж виден Царский стан
В поле пред Окою.

На Иване сам собой
Колокол качнулся,
Арки радуг над Москвой...
Тут боксёр очнулся.

Воздух он хватает ртом,
Хочет оглядеться.
Страшно быть сначала льдом –
И в огонь одеться!

Он идёт в пивную, в дым,
Как Емеля мелет
Про Царя, про Третий Рим –
И ему не верят.

На вокзал идёт боксёр,
В поездах пророчит:
«Царь идёт с Великих Гор!»,
А народ хохочет.

На пол, цыкая, плюют
С гордостью тупою,
И боксёру морду бьют
В тамбуре толпою,

Вышибают на перрон...
Лёжа на асфальте,
«Или, Или, – шепчет он, –
Лама савахфани?»

Захолустная тоска.
Мір как будто вымер.
Только чёрная доска
Да намокший шифер.

Нивы сжатые пусты,
А просёлки – слякоть.
Будет он брести, брести,
И нести, и падать.

Он картошку украдёт
С огорода где-то...
Знает он, что Царь грядёт.
Парень *видел* это.

Октябрь 2025

ПЛАМЕНОСЕЦ

Случилось чудное, я слышал,
С тем кораблём.
Он из огня Цусимы вышел,
Объят огнём.

Раскаты, сила и бессилье –
Его от них
Умчали огненные крылья
Миров иных.

Он волю дал пылать протяжно
Своим крылам.
Летит он царственно и страшно
По всем морям.

Что он поёт, не умолкая,
Как шум лесной,
Корабль, горящий, не сгорая,
Король-изгой?

Его броня навеки стала
Сплошным огнём.
России нет – и нет причала,
Вода кругом.

Бывает, он встречает судно,
А иногда
Взирает пламенно и судно
На города.

Кого-то зля, томя кого-то
Судьбой своей,
Цветок, блуждающий по водам,
Звезда морей,

Летит над гребнями и гладью,
Скользит по льду...
Настанет день – в его объятья
И я войду.

А там – жасминовые взмахи
И соловьи,
И белоснежные рубахи,
И все – свои.

Июль 2021

ЭССЕ и ПИСЬМА

ПРОРЫВ

Заметки о русской революции

Февраль Семнадцатого – это С.-Петербург и заполонившая его Толпа, Масса, «рабочий народ» с окраин. Легко преодолев податливые казачьи кордоны, Масса перевалила по мостам через Неву и затопила центр столицы. Именно затопила, ибо в этом нашествии было что-то от разгула стихии, от потопа. Будто гнилая тёмная вода вышла из берегов, поднялась и хлынула из люков канализации, неся хаос и смятение в этот блистательный город. Был некий антагонизм между Массой и великолепной Столицей.

Масса будто не считала С.-Петербург *своим* городом. Петербург Пушкина, Достоевского, Серебряного века, Петер-

бург Исаакия, мраморных колонн и каналов, белых ночей и Дворцовой набережной был чужд этой Массе и даже будто противен. Масса пришла в питерский центр как завоеватель, как варвар – и она заплёвывала этот город, глумилась над ним, наслаждалась его унижением и своей властью над этой красотой, так и оставшейся за 200 минувших лет чуждой и непонятной Массе. Это было не столько восстание, сколько нашествие. Отмщение не только власти, но и всему строю культуры, воплощённому в Санкт-Петербурге.

Подспудная бессознательная сила два века глухо толкалась в Столицу, влажно тёрлась о её граниты, искала в них щель или трещину. И вот нашла. Перебой с чёрным хлебом – это же явно надуманный, смехотворный по сути повод, наконец-то удачно найденная трещина, в которую попёрла могучая и безликая народная **хтонь**, раздвигая и сворачивая плиты и блоки, валя опоры и столпы. «**Хлеба!**», – с освобождённой хамской наглостью гаркнула совсем не голодная Масса, запустив первый булыжник в окно булочной. Что на самом деле означало «**Долой!**»...

xxx

Захватив С.-Петербург, февральская Масса стала тут же переделывать, переиначивать его «под себя», под свои понятия и нравы, под свою эстетику. И она сделала это. Масса создала свой Питер, оставив от прежнего города лишь оболочку. Первым делом она заплевала его своими любимыми семечками, вызывавшими дрожь отвращения у Бунина. Её стала распирать весёлая удаль пополам со зверством. Она громила кондитерские, выбрасывала в грязный снег белые булки и торты, и орала: «Хлеба!». Она ломала и опрокидывала трамваи, а городовым, пытавшимся её остановить, проламывала головы – а вокруг была разлитая радость освобождения. Походя убивала попавшихся на улице стариков-

сановников, сладострастно глумилась над офицерами, отбирая у них оружие. Это очень быстро стало утончённым наслаждением толпы. Вскоре оно вылилось в антиофицерский геноцид в армии и на флоте. В сознании Массы офицер – его *благородие* – был символом, знаком ненавистного ей строя культуры и потому подлежал особому унижению. Отбирая у офицера шашку, Масса «ритуально» приканчивала, обезчещивала мир, где ценилась честь. Ей самой было неведомо и чуждо это непонятное барское понятие. Масса – синоним количества, уравниловки и смешения, она не терпит дистанции, различий и уж тем более – чьё-то превосходство в качестве. Масса бурлила в берегах проспектов и чутко выделяла в себе инородные «тела», косилась на чистых и статных, на всех, на ком пока не было кумачёвой отметины «свой» (красный бант быстро стал знаком новой благонадёжности, принадлежности к стаду).

И уж конечно она сполна, от души отыгралась на тех, перед которыми всегда поджимала хвост – на полицейских и жандармах. Их толпой втоптывали в кровавый снег, топили в прорубях, им выкалывали глаза. Само словосочетание «страж порядка» бесило толпу. Масса открыла ворота тюрем и освободила «социально близких». Она почуяла вкус грабежа, она смекнула, что пробил час, когда можно пожить богатством этого ненавистного Города, этой гордой Столицы. Масса пошла по ней с «обысками», стуча прикладами в двери хороших квартир и домов, ворвалась в зеркальный холл «Астории», всюду утверждая право своей силы, от которой уже не было укрытия.

Как сказано в одной великой книге, *«треснули щиты и настало время волков»*. Время пещеры и подворотни. Царственный европейский город обрушился в дикость. И чисто бытовую – тоже. Масса стала загаживать С.-Петербург – буквально! – топить его в своих фекалиях. Там, куда явочным, революционным «порядком» вселялась Масса, канализация

не справлялась с её отправлениями. Туалеты являли собой чудовищное для нормального горожанина зрелище. Немного позже, в Октябре Семнадцатого, после взятия Зимнего, обнаружили, что множество прекрасных дворцовых ваз, этих «каменных цветков», доверху заполнены испражнениями – туалеты во дворце, кстати, работали, так что сие было опять-таки «ритуальным» загаживанием старого мира, его «барских» идеалов красоты. Но сама фекализация России началась ещё в Феврале. Правда, тогда до Зимнего Масса пока не добралась, но она дотянулась своей лапой до другого дворца – Таврического.

Государственная Дума, с трибуны которой нередко апеллировали «к народу», была мгновенно сожрана Массой, заполонившей Таврический дворец и тупо, дымя махоркой, рассеившейся в депутатских креслах. Напомню, за десять лет до Февраля, в 1907 году, в зале заседаний Государственной Думы пророчески обрушился потолок. Так вот теперь, в Феврале, произошло культурное и политическое обрушение до пещерного уровня. Государственная Дума в мгновение ока превратилась в Совдеп – бессмысленный и беспощадный. Масса селевым потоком разлилась по мраморным залам, белым коридорам, дубовым кабинетам, разумеется, скорости фекализировала туалеты, а кучке «буржуазных деятелей» в хороших костюмах оставалось лишь ютиться по углам да зажимать нос.

Известный кадет В. Набоков (отец писателя) вспоминал о том, что он тогда увидел в Таврическом: «Солдаты, солдаты, солдаты, с усталыми, тупыми, редко добрыми или радостными лицами; всюду следы импровизированного лагеря, сор, солома; воздух густой, стоит какой-то сплошной туман, пахнет солдатскими сапогами, сукном, потом...». Набоков, похоже, уже тогда понял, что его мир навсегда остался на «других берегах» – и о них многие годы спустя напишет Набоков-сын в своих воспоминаниях. Знаменитый думский депутат В.

Шульгин выражался намного жёстче: «...Безконечная струя человеческого водопровода бросала в Думу всё новые и новые лица... Но сколько их ни было – у всех было одно лицо: гнусно-животно-тупое или гнусно-дьявольски-злое... Пулемётов – вот чего мне хотелось...».

Но вместо «пулемётов» Шульгин на пару с Гучковым поехал к Императору и вернулся с манифестом об отречении, думая этим накормить «зверя». Но красная тризна была лишь в самом начале. Масса только входила во вкус. И она не наелась манифестом, нет. Он лишь разжёл её зверский аппетит: вслед за городами поднялась Масса в деревне, учинив нечто вроде второго батыева нашествия.

Исчезали не только усадьбы, заводы, мельницы; исчезали целые леса, сады, менялся ландшафт. Начав с Питера, Масса переделывала «под себя» Россию...

xxx

Я пишу: Масса. А надо бы: «тьмы и тьмы и тьмы». Поэт, чуткий к хаосу, уловил эту «тьмянность», т.е. глубинно-почвенный гул смуты. Сама почва заходила, сбрасывая с себя чуждые культурные надстройки: усадьбы, парковые ансамбли и прежде всего – Петербург. Не надо нам всего этого, да, «скифы мы», «азиаты мы»...

Чтобы наглядно представить себе, что в Феврале происходило на питерских улицах, вспомним фильм Г. Чухрая «Сорок первый», по Б. Лавренёву. Точнее только один кадр, знаковый: два профиля друг против друга, в упор – гвардии поручик Говорухо-Отрок и комиссар Евсюков. Два типажа, две культуры. Впервые они, точнее, такие, как они, встретились вот так, лицом к лицу, конечно, не в аральских песках, а на февральском снегу Северной столицы. Ведь поручик сам же яростно рассказывал снайперше Марютке, как пьяная солдатня на вокзале в Гомеле сорвала с него погоны и вымазала «сортирной жижей» (фекалии, главная субстанция тех дней).

Но то же самое вполне могло произойти и где-нибудь на бурлящем Литейном или у мятежных гвардейских казарм. Россия «скифская» начала тогда великую травлю России Петербургской.

Сам поручик – чистый петербуржец и по рождению, и по культуре. Он сын Петербурга, его стихов, его синего взморя, по которому ходил на своей яхте, заплывая, возможно, в Гельсингфорс, на Готланд, в Стокгольм – всё ведь рядом! И вот эта жизнь, тот Петербург – теперь бесконечно далеко, в другом времени. Поручик в плену у комиссара, посреди аральских песков, что как бы символизирует победу России «скифской», её стихийную неодолимость. Пленный поручик под конвоем шагает по пустыне, не сгибаясь под едким азиатским ветром и не уставая, ёмко объясняя удивлённому комиссару свою выносливость: «Не поймёшь. Разница культур. У тебя тело подавляет дух, а у меня дух владеет телом. Могу приказать себе не страдать».

Разница культур... Думается, поэт Николай Гумилёв, уроженец Кронштадта, сын балтийских ветров и просторов, живший и погибший в Петербурге, путешественник и воин-кавалерист, тоже мог бы сказать нечто подобное и в том же тоне. Очень возможно, что в другой, питерской жизни, лавренёвский поручик, как мы знаем, «понимавший в стихах», зачитывался Гумилёвым и даже общался с ним – ведь они люди одной крови, одного культурного костяка.

Но есть и различие. У поэта, в отличие от поручика, никогда не было иллюзий насчёт революции.

О чём же думал Николай Гумилёв в 1917-м, что он чувствовал? Вот его стихотворение «Швеция», написанное в том «чёрном году»:

***Страна живительной прохлады
Лесов и гор гудящих, где
Всклокоченные водопады
Ревут, как будто быть беде.***

*Для нас священная навеки
Страна, ты помнишь ли, скажи,
Тот день, как из Варягов в Греки
Пошли суровые мужи?*

*Ответь, ужели так и надо,
Чтоб был, свидетель злых обид,
У золотых ворот Царьграда
Забыв Олегов медный щит?*

*Чтобы в томительные бреды
Опять поникла, как вчера,
Для славы, силы и победы
Тобой подъятая сестра?*

*И неужель твой ветер свежий
Вотще нам в уши сладко выл,
К Руси славянской, печенежьей
Вотще твой Рюрик приходил?*

Да, похоже – вотще. Сестра не поникла – рухнула. На глазах Гумилёва Масса растаптывала созидательное, «варяжское» начало, попирала Город, когда-то ознаменовавший собой второе, петровское призвание варягов. Поэт знал, что обречён на гибель в этом погружённом в «томительные бреды» Питере, где отныне «тело подавляет дух», диктуя новые законы существования. Об этом – гумилёвский «Заблудившийся трамвай» (1919). Это прощание со своей жизнью, со всё более призрачным Петербургом Исаакя и Всадника («Понял теперь я: наша свобода только оттуда бьющий свет...»). Судьба, оставляя «огненную дорожку», несёт поэта к развязке. Гумилёв знал: таким, как он, не сносить головы, их «варяжскую» породу вскорости изведут...

***Офицерики,
Да голубчика
Прикокошили
Вчера в Губчека.
Гаркнул «Яблочко»
Молодой матрос:
«Мы не так ещё
Подотрём вам нос!»***

Такие частушки наяривал любимый мною Сергей Есенин в своей отвратительной поэме «Песнь о великом походе» (1924). Она повествует об обороне «красного Петрограда» в 1919 году, но сам её дух – визгливо-гармошечный, приплясывающий, хамовато-хулиганистый, с семечками на губах, с ножиком в сапоге и без хлястика на шинели – он из Февраля, из бунташной толчеи тех весёлых и опасных улиц. Есенин его прекрасно чувствовал, поскольку этот тёмный дух в нём клубился, плясал в присядку. Ведь Сергей Александрович был народным поэтом, поэтом России «скифской», «славянской и печенежьей». Вместе с Н. Клюевым и А. Блоком, Есенин сотрудничал с альманахом «Скифы», органом одноимённого литературного течения левого толка. «Варяжье» он ощущал как вражье. Его «Пугачёв» – это бунт «ковельных просторов» против Петербурга с его европейской мундирной выправкой.

Очень, кстати, показательна поездка Есенина на Запад, вместе с Айседорой, где он томился, изнывал в тамошнем «царстве мещанства», «свиных тупых морд» и «трупной вони» бездуховности, с которой поэт, как мог, боролся скандалами, фрондой и пением «Интернационала». «Пусть мы азиаты, – пишет Есенин из Висбадена, – пусть дурно пахнем, чешем, не стесняясь, у всех на виду седалищные щеки, но мы не воняем так трупно, как воняют внутри они. Никакой революции здесь быть не может. Всё зашло в тупик. Спасёт и

перестроит их только нашествие таких варваров, как мы...». Сие провинциальное мессианство, деревенский по сути гонор были бы просто смешными, когда бы мы не знали, чем это «нашествие варваров» стало для самой России...

Нетрудно заметить, что такие настроения Есенина живо перекликаются со «Скифами» А. Блока, уже звучавшими в начале нашего текста. Это стихотворение – настоящий культурно-политический манифест победившего нового варварства, обращённый *вовне*, к «Европе пригожей». Провинциальное мессианство, гордыня и гонор на сей раз отлиты в классические строфы, и в этом – особый гротеск. Отныне у России, как образно подчёркивает поэт, «азиатская рожа», «узкие глаза», и ими она смотрит на «старый мир», т.е. на Запад. Да, Блок ударил в гонг новых времён. Россия Петербургская никогда о себе так не заявляла, будучи частью европейского мира (достаточно хотя бы для наглядности этого тезиса сравнить фотопортреты Императора Николая Второго и Короля Георга Пятого). Стихотворение Блока – это декларация *разрыва* с двухсотлетней традицией. Это констатация взятия Петербурга «скифами».

Надо сказать, что угрозы в адрес Европы, её «Пестумов», прозвучавшие в блоковском стихе, вскоре были подкреплены конкретными военными деяниями большевиков: в 1920 году на Запад ураганом пошёл конный «скифский» вал, несший революцию в Германию «через труп буржуазной Польши». «– Даёшь Европу! – ревели будённовцы. Лозунг, родившийся случайно, был страшен тем, что подхватывался действительно широчайшими русскими солдатскими массами», – пишет Роман Гуль. Примечательно, что товарищ Троцкий (кстати, интересны его отношения с Есениным), обращаясь тогда «к массам», заговорил чуть ли не как Минин и Пожарский в одном лице, вспомнив про «русскость», «патриотизм» и «отечество»: «Вы не допустите, чтобы волю русского народа определял штык польских шляхтичей, которые со

свойственным им безстыдством неоднократно заявляли, что им безразлично, кто господствует в России, только бы Россия была беспомощна и слаба».

Будённый более национален, чем Врангель, считал умный Лев Давыдович, и был, как я теперь вижу, в чём-то прав. Ибо Будённый – это сама почва, хтонь, а Врангель – Петербург, «надстройка». Так что национал-большевизм придуман вовсе не Сталиным, а как раз его непримиримым политическим оппонентом, причём лет на двадцать раньше «отца и учителя». Однако не стоит отнимать авторство и у Ленина, который ещё в 1918 году публично произнёс такое: «Раньше западные народы рассматривали нас и всё наше революционное движение, как курьёз. Они говорили: пускай себе побалуется народ, а мы посмотрим, что из всего этого выйдет... Чудной русский народ!.. И вот этот “чудной русский народ” показал всему миру, что значит его “баловство”». Недаром друг и наставник Есенина сказал веско: **«Есть в Ленине керженский дух...»** (Клюев).

Однако вернёмся на песчаный берег Аральского моря, которое на самом деле – безысходное озеро. Поручик и его подруга-конвоир Марютка, силой нормальных человеческих чувств преображённая в Марию, греются на солнышке и весело разговаривают. В поручике обновилась и окрепла душа; узнав Марию-Марютку, он многое в себе понял заново, понял свою правоту, снова обрёл «варяжью» ясность разума. Вот-вот нежданно появится спасительный белый парус, обдаст надеждой, напомним о яхтовых парусах Балтийского взморья... «Поумнел, голубушка! Поумнел! – говорит синеглазый поручик подруге, которая через пару минут чётко исполнит свой революционный долг, – Спасибо – научила! Если мы за книги теперь сядем, а вам землю оставим в полное владение, вы на ней такого натворите, что пять поколений кровавыми слезами выть будут. Нет, дура ты моя дорогая. Раз культура против культуры, так тут уже до конца...».

Поздно, господин гвардии поручик. «Уж мы обогнули стену». Мы знаем финал.

xxx

От Февральского массового прорыва в центр Петербурга до прорыва польского фронта в 1920-м – это движение одной волны, набравшей силу. «Культура против культуры». Прорыв чуждой культурной обороны, сначала внутри страны, затем ударивший вовне.

Если бы речь шла только о массах, и о поэтах, вышедших из масс и выражавших их «скифство», это не столь бы поразало воображение. В низовом характере «нового варварства» – его сила и неодолимость, что не удивляет. Но «скифство» не ограничивается низами, вот в чём дело. Оно владело Блоком. И если лавренёвский гвардии поручик обрёл, как уже сказано, «варяжью» ясность разума, то другой гвардии поручик по фамилии Тухачевский, летом 1920 года ведший советский Западный фронт на Европу – всецело «скиф». Он говорит на том же языке, что и Сергей Есенин в письме из Германии, взывавший к новому нашествию «варваров» с востока. В книге Романа Гуля «Тухачевский» (1932) звучат весьма любопытные рассуждения будущего красного маршала во время его томительного пребывания в немецком плену, откуда он упорно сбегал, в том числе и с нарушением данного германцам честного слова, что характерно. Какие «честные слова» могут быть у настоящего «скифа»? Пусть их оставит себе прогнившая старая культура. Тухачевский ненавидит Европу, латынь, наследие греков, Ренессанс, христианство, которое «отдало нас во власть западной цивилизации»: «Мы должны были сохранить наше грубое язычество, наше варварство. И то и другое. Но постойте, и то и другое ещё вернется, я ведь в это верю!». Похоже, Тухачевский, как провозвестник неоязычества, в своей апелляции к «роди-

тому хаосу» был даже радикальнее Есенина и Клюева с их сектантским «народным христианством». Именно поэтому он, показывает Р. Гуль, и выбирает красных как новое очистительное варварство, сметающее «старый мир» с его моралью и культурой, силу, способную «освободить Россию от всех старых предрассудков и *деевропеизировать* её». Язык Ленина, его митинговый лексикон и терминология – это для Тухачевского только магия вызывания древних богов, адекватная времени и обстоятельствам.

Между Есениным и Тухачевским ничего общего (более того, первый второго, скорее всего, ненавидел как жестокого подавителя мужиков на Тамбовщине), но «скифский» дух, владевший ими – *один и тот же*, вот что поразительно. Значит, этот *дух* овладел Россией всецело, невзирая на происхождение, образование и внешние расхождения. Как им проникся Есенин, сын почвы, понятно. Но как им проникся Тухачевский, сын дворянской культуры, липовых аллей и т.д., гвардеец-семёновец, надменный и вовсе не народный по своему типу – непостижимо, удивительно. Дыхание почвенной «хтони» оказалось сильнее культурного кокона, окружавшего Тухачевского с рождения, её «радиация» проникла сквозь эту защиту. Бывший вахмистр Будённый во главе «скифов» – понятно. Но Тухачевский, не лаптем, а офицерским сапогом растаптывающий Россию Петербургскую, и на пару с Будённым таранящий Европу – это, казалось бы, невероятно. Очевидна общерусская, массовая одержимость духом «нового варварства», чем-то напоминающая исламскую революцию в Иране, покончившую с вестернизированной культурной надстройкой.

Ещё штрих. За два года до похода на Европу, в 1918 году, на советском Восточном фронте, на Волге, под одним кумачёвым знаменем встретились два бывших офицера: бывший поручик Тухачевский, начавший стремительную карьеру в РККА, и бывший подполковник Муравьёв, а теперь крас-

ный главком, вскоре поднявший известный мятеж. Один большевик, другой называл себя левым эсером. Один из дворян-помещиков, другой из крестьян. Люди разные, но при этом оба – «скифы», оба одержимы одним и тем же духом – «скифским» духом русской революции. Как пишет Р. Гуль, Муравьёв, пассионарный и кровожадный, на митингах обещал «сжечь Европу», вдохновлялся Пугачёвым и Разинным (вспоминается апология Пугачёва в знаменитой драме Есенина). И даже то, что Тухачевский и Муравьёв в какой-то момент стали врагами, не отменяет их главного родства и единения – **в духе**. И в смерти. Мятежник Муравьёв получил от большевиков пулю летом 1918-го, а Тухачевский на 19 лет позже, летом 1937-го, успев ненадолго стать красным маршлом.

Мы видим, что людей самых разных социальных слоёв, разных уровней и видов образования, разных характеров объединяло, тем не менее, нечто главное, некий **дух** новой, «варварской» культуры, объявившей войну культуре старой. Их объединяет и движет ими дух некоего «нового» (а в главном очень древнего, архаичного) «национализма», чьим прикладным, техническим языком стал язык мировой революции. «Древний хаос родимый» заговорил марксистскими формулами, но это не делало его менее «родимым», скорее – более жутким. А когда он переходил на левоэсеровский диалект, то звучал вполне себе напевно, особенно в трансляции крестьянских поэтов. Большевизм и левоэсерство – вот, собственно, и есть самый настоящий русский «национализм», скинувший гнёт культурно-государственной «неметчины», воплощённой в Петербурге и Доме Романовых, и повернувшийся к Европе огненным «скифским» ликом освобождённого «варварства»¹⁵.

¹⁵ Тут уместно упомянуть, что шевеление «хаоса родимого» с его древними сущностями, столь привлекавшими Тухачевского, прослеживается и в уральском царевубийстве, о чём подробно пишет С.В. Фомин в книге «Алапаевские мученики: убиты и забыты» (2023, стр. 215-314).

Очевидная, доказанная столетием устойчивость **советского** в массовом сознании показывает, что **красное** – это тот аутентичный «национализм», в котором русскость исторически нашла себя. Взгляните хотя бы на наших хоккейных болельщиков, весело восседающих на олимпийских трибунах в красных ушанках со звёздами в обществе болельщиц в кокошниках – вот зримый тому пример. Эти люди вполне органичны в своей самоидентификации. И разве далеки они – не во времени, а в духе – от того же Есенина, который, будучи на Западе, всячески подчёркивал свой революционный патриотизм, представив западной публике **красное** одним из главных **русских** «брендов»? Красное в итоге и стало таковым, наряду с водкой, икрой, балетом и старинными иконами.

Ещё до 1917 года русскому народу упорно пытались привить «правильный» национализм. Тут и известный правый политик В. Шульгин со своей газетой «Киевлянин», и публицист Михаил Меньшиков, и даже «Союз русского народа» (СРН), формально вполне себе массовый – но всё не впрок. Тот же СРН слинял с русских в считанные дни, сразу же после Февраля. А уж сколько раз прививали им «правильный», «нормальный» национализм в годы перестройки, в 90-е и в нулевые... Безуспешно. Это были и остались вкрапления, не больше. А всё потому, что русские уже однажды обрели свой, аутентичный «национализм» – красный, советско-мессианский. Именно он оказался созвучен и сроден русскому народу, и всё остальное, включая либеральную демократию, с него осыпается как шелуха загара. Советское по сей день вне конкуренции в массовом сознании. Красное, советское не было навязано, оно раскрылось **изнутри**, вот в чём суть. **Из глубин**, если угодно.

Именно в этом, красном, «национализме» воедино сплавлялись Есенин, Блок, Клюев, Тухачевский, Троцкий, Ленин, с выходом на Сталина – и далее. Русские обрели себя, рас-

крылись в левом мессианском «национализме», противопоставленном Западу как миру денег, лицемерия, эгоизма и духовного разложения. Это русское «скифство», как оно себя понимает, несёт земному шару очищение (спасение) или кару (погибель). Теперь-то я вижу: этот же дух владел журналами «Наш современник» и «Молодая гвардия», он породил газеты «День» и «Завтра», он гулял в народном «таборе» у «Белого дома» осенью 93-го... Да, там, у БД, клубилось натуральное «скифское» становище, готовое с букетом из красных и «имперских» флагов выступить в новый поход на Европу. Кстати, как сейчас помню, той осенью в некоторых особо «продвинутых» патриотических кругах был живой интерес к известной книге М. Агурского «Идеология национал-большевизма», осмыслявшейся, разумеется, в качестве источника вдохновения, что весьма показательно (хотя сама-то книга далека от апологетики предмета рассмотрения).

Итак. Русское массово самоидентифицировало себя как красное – в противном случае революция просто не победила бы. Знаю: очень неприятное и для кого-то скандальное заявление, но это факт. Стремясь противопоставить русское красному, отбелить русское, барон Врангель в 1920-м официально назвал Белую армию Русской. Но отбелить русское было уже невозможно: оно само не желало этого, оно противилось. Красное стало идентичным массово-русскому. Единственное, чего Врангель несомненно добился – в его контексте русское зазвучало в изначально-варяжском смысле, т.е. не как обозначение количества, а как имя дружинной *русси* (от шведского «родс», гребцы), имя качественного меньшинства, той «щепотки соли», призванной «осолить» целое. Другой вопрос, оказалась ли эта соль достаточно солона. Проще говоря, достаточно ли было тех, кто «бунт на борту обнаружив, из-за пояса рвёт пистолет, так, что сыпется золото с кружев, с розоватых брабантских манжет». Но проблема в том, что это был не просто бунт, а нечто *тектониче-*

ское, необратимое. Какой уж тут «из-за пояса пистолет»...

Русская армия барона Врангеля не смогла сдержать русскую массу. Крохотной альтернативной России не удалось зацепиться за историю. Перекопский **прорыв** состоялся, и «варяжьему» меньшинству пришлось снова садиться на корабли, но на сей раз – чтобы покинуть «славянские, печенужьи» просторы. И вот что примечательно. Решающую роль в крымском разгроме белых сыграла самая радикальная «фракция» великой «скифской» революции: мужицкая армия батьки Махно, вступившего тогда в очередной союз с большевиками (Номах – эдак хитро Есенин называл крестьянского атамана в своей драме «Страна негодяев»). Так вот, у Карповой балки, на перешейке, мчавшийся в атаку кавалерийский корпус генерала Барбовича попал под шквальный пулемётный огонь сотен махновских тачанок и был практически уничтожен, что и стало переломным моментом в борьбе за Белый Крым. «Скифские» колесницы разгромили «немца Врангеля», и, таким образом, сами же «селяне» обеспечили себе в будущем коллективизацию и голод начала 30-х годов...

Впрочем, сейчас мы мысленно видим на морском горизонте тающие дымы уплывших навеки кораблей, и наши размышления о великом и катастрофическом **Прорыве** на этом пора закончить.

Март 2024

НАДО ЛИ «ДОКРУЧИВАТЬ ВИНТ»? **(Письмо С.В. Фомину)**

Приветствую, дорогой Сергей. Хотел бы поделиться некоторыми соображениями в связи с твоей публикацией о Дугине. Как человек, несомненно, многоодарённый, он выражает собой очень характерную русскую черту, которая в словесном выражении звучит довольно банально – **доведе-**

ние до крайности. Но если «копнуть», за этой банальностью кроются настоящие бездны – и чем больше в них смотришь, тем неотвратимее они тебя поглощают. Что-то в этом есть от сектантской суицидальности. Самосожжения староверов – отсюда. И дугинские «апокалиптические» проповеди – они именно сектантские, ибо само староверие в какой-то момент стало по духу и стилю сектой. Что же это за проповедь? Превратить Россию в огромную тоталитарную секту и устроить супер-самосожжение – вот суть (**«Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем»** – не оттуда ли?).

Проблема в том, что сие ведь не просто личные умонастроения Александра Гельевича. Есть нечто, что откликается на это в душе народной. Взять те же «гари» – они же имели достаточно массовый характер. А низовое распространение изуверского сектантства, например, скопцов – оно стало немалой проблемой для властей Империи. Очевидно, была (и есть?) в народной душе некая струнка, отзывчивость к изуверской религиозности, к «докручиванию винта», выражаясь по Розанову. Мы, русские, почему-то считаем, что если есть некая «резьба» в том или ином вопросе (включая религию), то её непременно надо «докрутить» до предела, «до края», а то и дальше. Недаром у нас бытует такое выражение: сорвало резьбу. Причём это срывание резьбы почитается у нас чуть ли не за доблесть, как проявление истинной, «широкой» русскости и подлинно-духовной («огненной») жизни. Мы, дескать, не чета всяким там немцам-мещанам. Хотя на самом деле это признак отсутствия глубокой устоявшейся культуры: религиозной, политической, гражданской, бытовой... Ибо **культура есть способность вовремя останавливаться.**

Взять хотя бы относительно недавнее интервью Александра Гельевича Такеру Карлсону. В нём он громит либерализм, провозглашая, что тот непременно, как дважды два – четыре, ведёт к полной атомизации общества, к атеизму,

ЛГБТ+ и трансгуманизму, т.е. к окончательному расчеловечиванию. Мы и тут видим ту же самую мыслительную технологию «докручивания винта», только на сей раз обращённую не в себя, а против идеологических противников. Очевидно, Александр Гельевич убеждён, что если сам он считает самосожжение вершиной христианской веры, то либерал непременно должен в итоге прийти к отмене человека как творения Божьего.

Однако мне лично внутренняя логика либерализма в трактовке Дугина вовсе не представляется обязательной и непреложной. Мне совсем не очевидно, что либерализм должен неизбежно делать шаг к атеизму и далее, «пакетом». Да, этот шаг можно сделать, а можно его и НЕ делать. Скажем, Демпартия США такой шаг делает, а вот Республиканцы – не делают. Либеральная деградация влево возможна, и она есть, но она не фатальна. Далеко не все «докручивают» либеральный «винт», а уж тем паче – срывают «резьбу». Абсурд, до которого можно довести идею, вовсе не является её истинным выражением. В своём изначальном посыле либерализм исходит из христианской ценности личности, из необходимости личного пространства, защищённого от произвола государства и большинства (или меньшинства, что сегодня не менее актуально). Либерализм – это, если коротко, благородное **чувство дистанции**. Разумеется, либерализм можно извратить, превратить в монстра, например, в диктатуру «угнетённых меньшинств», в систему «отмен», исторической ревизии и борьбы с инакомыслием, что мы и наблюдаем. Ну так ведь и христианство можно, «докрутив винт», превратить в изуверскую секту самоубийц, считая себя при этом пророком истины... Я же предпочту сохранять «римскую» ясность разума. По крайней мере – попытаюсь, так точнее.

Ну вот, пожалуй, и всё. Обнимаю – **Алексей Широпаев**,
18-ое июня 2024, Москва.

КОММЕНТАРИИ К ВОСПОМИНАНИЯМ В. МАКЛАКОВА (Письмо С.В. Фомину)

...Хотел сказать пару слов по поводу замечательных воспоминаний кадета В. Маклакова в твоём ЖЖ:

<https://sergey-v-fomin.livejournal.com/768369.html>

<https://sergey-v-fomin.livejournal.com/768899.html>

<https://sergey-v-fomin.livejournal.com/769459.html>

Не так давно я открыл для себя писателя Пантелеймона Романова, точнее его рассказы, созданные в течение 1917 года. Они произвели на меня громадное впечатление, поскольку написаны с натуры. Это зарисовки, сделанные очевидцем тогдашней жизни, в основном деревенской.

Что меня поразило? Нам в советское время долго объясняли, что разруха – это следствие гражданской войны, развязанной «внутренней контрреволюцией и интервентами».

Так вот, Пантелеймон Романов показывает, откуда взялась разруха на самом деле. А началась она сразу после Февраля, задолго до гражданской войны. Взять Питер. Тут же заплевали улицы семечками, перестали убирать снег, тут и там начались проблемы с канализацией, остановились трамваи – всё это до гражданской войны и даже до Октября.

Поезда перестали нормально ходить ещё до гражданской войны. Железнодорожные вокзалы превратились в скотные дворы ещё до гражданской войны. Темень в подъездах наступила до гражданской войны. А уж картины опустошения в деревне! Усадьбы, «экономии», мельницы и целые заводы, леса и сады были превращены в руины и пни до гражданской войны – мужицким грабежом. Дикое, тупое, муравьиное разграбление, гибель старинной мебели, картин, библиотек, изуродованные статуи в парках.

Нашествие варваров – вот только, оказывается, эти варвары всегда жили тут же, рядом, целую тысячу лет. Разруха началась сразу после Февраля – потому что она случилась в головах, как точно сказал профессор Преображенский. А ско-

рее всего она, разруха, была там, в головах, всегда. И только ждала часа, чтобы выпереть наружу.

И вот такому населению, только что вылезшему из крепостничества, начисто лишённому цивилизованных представлений о праве и собственности, наши интеллигенты и профессора-конституционалисты хотели немедленно вручить всеобщее избирательное право! Чистое безумие. Так ведь и вручили. Я про выборы в Учредительное Собрание, получившееся почти поголовно левым по своему составу и отменившее частную собственность на землю.

Кстати, чуть ли не первыми жертвами красного террора стали кадеты Кокошкин и Шингарёв, зверски убитые как раз в дни Учредительного Собрания... Увы, наши либералы страдали какой-то незрелостью, инфантилизмом (беседа с Клемансо показательна).

Им бы в деревню съездить и посмотреть на тот самый народ. Бунин и Чехов знали его намного лучше. Кадеты всё время боялись показаться недостаточно красными и старались дружить с социалистами, а ведь блокироваться надо было с властью. Аграрная реформа, постепенное приучение к парламентаризму (на цензовой основе), и ни в коем случае не трогать монархию – вот что требовалось. А вместо этого Милюков 1-ю Думу превратил в безумный революционный конвент, а трибуну последней Думы в 16-м использовал для того, чтобы брякнуть на всю страну: «Глупость или измена?» и дать отмашку смуте.

К осени 1917-го и особенно в ходе гражданской войны кадеты, конечно, сильно поправили, протрезвели, даже заслужили от большевиков кличку «партия врагов народа», но, как говорится, поезд-то уже ушёл: Россия и нормальная жизнь уже рухнули...

Меня вот интересует: а насколько изменилось наше население со времён рассказов Пантелеймона Романова? И изменилось ли?

Обнимаю, дружище, твой **Алексей ШИРОПАЕВ**,

март 2024.

ГОСУДАРСТВО

Известно высказывание Виктора Цоя: «Я считаю, что человек живёт на планете, а не в государстве». Слова, сказанные «через губу», но человеком молодым и поэтическим, и посему – простительные. Однако большинство людей ежедневно руководствуются законами, используют воду, электричество, канализацию, ездят в метро и на трамваях, водят детей в школы, ходят в поликлиники и лежат в больницах, рожают и хоронят, получают пенсии и пособия, пользуются безопасностью и много чего ещё. Короче, живут в государстве, а не просто в пейзаже.

Для русского народа в настоящий момент наиболее актуальной является не идея свободы, а идея Государства. Прежде, чем осмыслить ценность свободы, необходимо осмыслить ценность Государства. Русские – по историческому результату – государственники, это их узнаваемый «бренд», как иконы и Пушкин, но у нас сильна и традиция брезгливого отношения к Государству, вспомним хотя бы Льва Толстого, считавшего государство антихристианским установлением – недаром анархо-нигилистический вклад Л.Н. высоко оценил Ленин. С этой традицией надо порвать, пока не поздно: ещё одна катастрофа может оказаться для нас последней.

Русский народ окружён сложным и опасным миром. Многие видят в этом мире катастрофические признаки. Чтобы уцелеть, русскому народу и другим народам России необходим надёжный аппарат выживания, защиты права и собственности в виде сильного и целостного государства. Империи, если угодно. Это во-первых.

Во-вторых. Сильное государство необходимо и как гарантия от внутреннего хаоса, источник которого – в самом человеке. Вспомним, какое безобразие накрыло Россию сразу после падения Монархии. И дело тут не в «русских особенностях», как нас уверяют русофобы, а в особенностях чело-

веческой массы как таковой (скажем, французы в пору своей «великой» революции вели себя не лучше, если не хуже, вообще-то). Кто-то скажет: времена и люди меняются, но я так не думаю: оттого, что сейчас человек бойко бегаёт по кнопкам своего гаджета, природа его не изменилась. Напротив: гаджеты сделали эту природу даже взрывоопаснее, поскольку люди теперь беспрепятственно и самоуверенно (а часто и агрессивно) делятся своим бредом, домыслами, клеветой, некомпетентностью, безответственностью. Сейчас толпа (масса) более, чем когда-либо незащищена перед влиянием сил хаоса. Поэтому ещё раз повторяю: приоритет – государство, свобода – после, поскольку как конструктивный, здоровый фактор она может существовать только в сильном государстве, в его параметрах. Вне государства свобода – анархия и разрушение. Во всяком случае, русская традиция, такова. Можно сколь угодно называть это этатизмом, но это так. Такова генетика НАШЕГО трудного исторического опыта. Скажем, у американцев он иной. Но это ИХ опыт, а не наш. Мы не можем его использовать.

Нет, я не за тоталитарное государство. За авторитарное (в идеале – монархическое) – да. Частная собственность, развитие малого и среднего бизнеса, социальность – всё это вполне вписывается в модель сильного авторитарного государства. Разумеется, муниципальное и земское самоуправление, определённая, разумная степень свобод, обусловленная нашей культурой и историей – должны быть, но сие, как воду, необходимо облачать в крепкую государственную форму, в надёжный сосуд – иначе будет лужа, разлив, потоп.

Исчезновение, коллапс государства можно сравнить с тотальным обрывом сети, влекущим крах всей системы современного жизнеобеспечения. Но исчезновение государства – намного страшнее обрыва сети, который можно устранить как раз-то государственными силами. Несколько раз в своей

истории русский народ переживал исчезновение государства. Это страшный опыт. Это как остаться без кожи. Надеюсь, пережитый ужас отсутствия государства впечатался в наши гены и остановит, отрезвит нас, когда, упаси Бог, соловьи очередной перестройки запоят свои «антиимперские» арии о «свободе», о новом Учредительном собрании и новом федеративном договоре, призывая устроить «как в Швейцарии» и обещая на месте России («после России»!) сто (или больше) уютных шведий. По пословице: сладко стелят, да жёстко спать. Хватит уже верить тем, кто хочет разобрать и собрать заново (а собрать-то, может, и не сумеет, или не захочет). Россия – не игрушка-трансформер, а сложная живая ткань, организм. Ещё одной революционной катастрофы наш и без того чудовищно подорванный национальный генофонд не выдержит. И не стоит «в случае чего» рассчитывать на ружья в личных шкафчиках, которых не так уж и много – они не спасут всю Россию. Большинство будет звать полицию, армию, а их не станет, как в Феврале 17-го. Пока не поздно, надо учиться ценить Государство – как бы ни пытались либералы свести его к роли лишённой всяких сакральных смыслов машины или «незаметной прислуги». Повторяю, не дай нам Бог однажды снова оказаться без государства, просто – в пейзаже, который быстро заполнят руины, крысы и «полевые командиры».

Начало 2022-го

ОБ УГРОЗЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ФЕВРАЛЯ

Когда-то Розанов в «Опавших листьях» подметил, как «прогрессивная общественность» и её печать ликовали по поводу происшествия с русским миноносцем, налетевшим на камни, а до этого случая эти же «печать и общество» радовались Цусиме и Мукдену. А разве в наши дни мы не видим то же самое? Разве не ликовала оппозиция, когда тур-

ки сбили наш истребитель над Сирией осенью 2015-го? Или вспомним злорадные комментарии, когда во время одного из походов сильно дымил авианосец «Адмирал Кузнецов». Таких примеров можно привести множество. О чём они говорят? О том, что прошло более ста лет, а матрица нашей «передовой общественности» не изменилась. А значит и те рецепты счастья, которые она предлагает России и русскому народу, не изменились.

Как и сто лет назад, нам опять предлагают Февраль. Но если сто лет назад Февраль был скрыт романтической дымкой будущего, то теперь-то мы знаем, что он собой представляет. Это Хаос и Распад. Но, тем не менее, нынешняя «прогрессивная общественность» продолжает грезить новым Февралём. Это говорит о том, что по сравнению со своими предшественниками столетней давности нынешние демократы, во-первых, намного хуже умственно, а во-вторых, они более злонамеренные, нигилистические, более русофобские, антиправославные, антигосударственные. То есть мы видим гораздо более злокачественное, гораздо более жестоковое и демоническое явление.

Нынешняя «прогрессивная общественность» намного озлобленнее прежней, и вывод из катастрофического Февральского опыта она сделала лишь один: во всём виновата Россия и русский народ, а не прекрасные идеи либерализма. Ясно, что с этой заведомой русофобией новые февралисты ничего хорошего нам дать не могут, они могут дать только новый Февраль, но ещё более страшный и катастрофический, Февраль, перемалывающий в труху российское пространство вместе с людьми. По их мнению, во всём виноваты Россия и русский народ, а не либеральное начётничество и головотяпство. Поэтому Россию и русских нынешние «прогрессисты» вообще щадить не будут. Эти два фактора подлежат исторической ликвидации на благо прогресса и прогрессивного человечества. За провал Февраля-1 «прогрессивная

общественность» отомстит России и русским апокалиптическим Февралём-2, Последним, Окончательным Февралём.

И это может у неё получиться, ибо за последние сто лет изменились не только «прогрессисты», ставшие более лютыми, но и русский народ, ставший намного более беззащитным, необоронённым традициями, культурой, скрепами. Русский народ ослаблен и духовно, и генетически, замусорен ментально. Положение сейчас спасает лишь какое-то его инстинктивное, биологическое, «ватническое» недоверие к революционерам всех мастей, выработанное за сто лет (за которое нынешние революционеры ненавидят его ещё больше). Этот народ нуждается в сильном, охранительном, отеческом Государстве. Русских сейчас отделяет от Хаоса латанная-перелатанная стенка государственности, которую многие хотят окончательно издырывать и обрушить. Нельзя допустить новый «антиимперский» Февраль. Стойкость и здравомыслие – вот основы, с которых начинается наше великое Возрождение.

Начало 2022-го

МАНИФЕСТ 17 ОКТЯБРЯ И ОКТЯБРЬ СЕМНАДЦАТОГО (Письмо С.В. Фомину)

Здравствуй, Сергей!

Посмотрел тут новый фильм Феликса Разумовского **«Забывтые уроки русского консерватизма»** в 4-х частях на канале «Культура». Первые три части – с огромным интересом и симпатией, с нетерпеливым ожиданием продолжения. Автор прекрасно рассказал о Н.Я. Данилевском и К.Н. Леонтьеве, что есть уже великое дело в наше время, поведал о встрече Константина Николаевича с Львом Николаевичем, приводя убийственную по точности леонтьевскую характеристику религиозных взглядов великого писателя: такое «христианство» есть *пошлость*.

А вот 4-я часть меня разочаровала и даже расстроила, как та самая пресловутая ложка дёгтя. Тут Ф. Разумовский с большим почтением говорит о Столыпине, но при этом отзывается об Императоре Николае Втором как о человеке якобы невеликого ума, забывая, что Петра Аркадьевича, сумев его выделить и оценить по достоинству, назначил на высокие государственные посты именно Государь. Он сделал Столыпина Столыпиным.

По сути, в вину Императору Николаю Второму ставит Ф. Разумовский и трагические события 9-го января 1905 года. Дескать, Царю следовало бы встретиться с шедшим к нему народом, принять петицию, поговорить по душам – и всё, мол, было бы хорошо. То есть последовать примеру отца, Александра Третьего, принявшего депутацию из народа и угостивших её чаем или обедом, точно не помню.

Однако историк Ф. Разумовский должен бы знать, что ситуация 9-го января 1905-го была совершенно иной, чем при Государе-отце. К Зимнему дворцу двигалась не «депутация», а огромная масса тысяч эдак в 150, ведомая тёмными личностями. Есть свидетельства, что Гапон отлично понимал: дело, скорее всего, кончится кровопролитием, однако сознательно шёл на это, как и на контакты с революционными партиями, и даже запасался револьверами. Эсер Пинхас Рутенберг, ближайший соратник Гапона, а впоследствии – его убийца, твёрдо знал о «предстоявшей бойне», хотя власть совсем не была настроена на кровопролитие. Кстати, по словам начальника петербургского охранного отделения Герасимова, сославшегося на Гапона, Рутенберг собирался при первой же возможности стрелять в Императора, если бы тот появился перед народом. Мог ли Царь выйти навстречу такой «депутации» и принять (как теперь задним числом советует Ф. Разумовский) петицию, нашпигованную **политическими требованиями**, например, требованием **созыва Учредительного Собрания, отделения Церкви от государства**

и т.д.? Налицо революционная провокация, декорированная иконами и царскими портретами. Рабочую массу просто использовали «втьмную», чтобы потом радостно потирать руки: мол, расстреляна вековая вера в Бога и монархию!

Фактически это была не петиция, а **ультиматум**, и в случае его неприятия властью Гапон готовился поднять восстание – в союзе с революционными партиями. Однако принять (даже к рассмотрению!) такую крамольную «петицию» было невозможно, ибо этот шаг означал бы капитуляцию Самодержавия и всего государства. Странно, что историк Ф. Разумовский не знает (?) таких важнейших «нюансов» и судит столь поверхностно о «кровавом воскресеньи», которое являлось **мАстерской** и, по сути, **бесприогрышной** революционной провокацией.

Странно, что автор фильма ничего не говорит и о весьма значимых событиях **накануне** 9-го января, 6-го января, на Крещение, когда во время праздничного артиллерийского салюта одно из орудий выстрелило боевой картечью, просвистевшей над головой Государя, присутствовавшего на Крещенском водосвятии на Неве. Погиб городской по фамилии **Романов**... До сих пор не ясно, что это было – случайность или теракт? Рабочие окраины бурлили недовольством, Гапон развивал там бешеную деятельность. А на следующий день, 7-го января, правительство узнало о революционном содержании гапоновской «петиции». Логично было предположить, что готовится серьёзная смута в столице и обезопасить Государя, выехавшего в Царское Село.

Правительство попало в патовую ситуацию: что бы оно ни сделало, всё срабатывало на революцию. Принять «петицию» (т.е. революционный манифест) – плохо, государство упраздняет само себя. Не принять – опять плохо, Гапон поднимает мятеж. Разгонять шествие (что и произошло) – тоже плохо, ибо это кровь, демонизирующая историческую власть и, опять-таки, толкающая к революции, к баррикадам, к ме-

сти, к новой крови (что и получилось). Над созданием такой ситуации, думаю, поработали **очень серьёзные мастера**, не чета Гапону, которого потом убрали, ибо он мог знать лишнее, а скорее всего – знал.

В общем, взгляд Ф. Разумовского на 9-ое января как-то странно близорук – и это удивительно, ибо в других случаях, например, в оценке исторической роли института Государственной Думы, автор фильма вполне точен. И тут я с ним всецело согласен: русский парламент, увы, был фактором дезорганизации и разрушения, и совершенно неслучайно, что в первые же дни Февраля Таврический дворец стал, по сути, штабом смуты, её «точкой сборки» и очагом распространения хаоса. «Первая русская революция», как её называют, была разгромлена, но сохранила два своих главных завоевания: манифест от 17-го октября 1905 года и Государственную думу, и они продолжали делать революционное дело. Связь между вырванным у Государя манифестом 17-го октября и октябрём Семнадцатого, окончательно обнулившим Историческую Россию – прямая, тут более чем очевидная нумерология. А ворота к этому обнулению распахнуло 9-ое января...

Впрочем, я что-то слишком расписался, пора и закругляться. Обнимаю, **Алексей ШИРОПАЕВ**.

Февраль 2025, Москва

РОССИЯ И КОНСЕРВАТИЗМ (Письмо С.В. Фомину)

Здравствуй, Сергей! Хотелось бы немного продолжить тему моего предыдущего письма.

Продолжая размышлять над фильмом Феликса Разумовского **«Забывтые уроки русского консерватизма»**, задаюсь вопросом: а консервативная ли страна Россия? Очень интересный вопрос, на который, впрочем, уже ответил Ф.

Разумовский, указывая на, по существу, безвестность того же К.Н. Леонтьева среди современников и громовую популярность Льва Толстого, причём не в его писательской, а в религиозно-сектантской, *пошлой*, по выражению Леонтьева, ипостаси. С этим наблюдением трудно не согласиться. Действительно, о каком консерватизме России можно говорить, если два её самых узнаваемых поныне бренда – Толстой и Ленин?! Один – столп религиозной реформации и анархизма, другой – тотального разрушения. Два великих утописта, делавшие – каждый по-своему – дело антиутопии. Неслучайно Ленин удостоил Толстого своей знаменитой статьёй. Вклад Толстого-сектанта, Толстого-анархиста в дело революции огромен. Толстой громко, на всю Россию объяснил, что Церковь и государство – это пустое место, вредная придумка эксплуататоров народа. Ну, так ведь и Ленин проповедовал то же самое, только его слышно было намного меньше. Не Ленин, а Толстой своим колоссальным авторитетом революционизировал русское общество, настроил его антигосударственно и антицерковно. Ленину лишь оставалось сделать техническую работу...

Кстати, в нашей новейшей истории есть фигура, в которой Ленин и Толстой как бы соединились воедино, в нечто термоядерное. Я имею в виду Михаила Сергеевича Горбачёва. В нём сошлись упёртый ленинский федерализм, аннигилирующий Россию-империю, плюс толстовский утопизм и «гуманизм». В плоскости нового, конфедеративного Союзного договора Горбачёв дожимал ленинскую линию распыления России в ничто, а в плоскости розово-гуманистической и морализаторской продолжал толстовскую линию борьбы с «царством кесаря»...

Впрочем, вернёмся в Императорскую Россию. Спросят: а как же Достоевский? Разве он не был популярен – а ведь консерватор же! Но ведь Достоевский, как «реакционер», принимался далеко не всем обществом. Всеобщее приятие

вызвал отнюдь не роман «Бесы», а совсем не консервативная Пушкинская речь, в которой Фёдор Михайлович призвал к «братскому окончательному согласию всех племён по Христовому евангельскому закону». То есть к «розовой» утопии. Пушкинская речь была с восторгом и воодушевлением принята всеми – аж Тургенев полез к оратору с объятиями – да, всеми, кроме практически никому не известного Леонтьева, что зорко подмечено в фильме Ф. Разумовского.

О консерватизме в Императорской России, точнее – о степени укоренённости русских в своей традиции можно судить по результатам творческих усилий Достоевского – с одной стороны, и Толстого – с другой. Достоевский хотел защитить Церковь и государство – и не защитил. Его не услышали. Толстой, напротив, стремился дискредитировать и разрушить Церковь и государство – и ведь добился своего. ***Его услышали.*** Услышали то, что ***хотели услышать.***

Поэтому когда сейчас говорят о России как оплоте традиционных ценностей, я вспоминаю вышесказанное. Ни одна страна в мире не прошла через такой опыт тотального государственного атеизма. То есть через опыт массовой антирелигии. Нигде не было столь сокрушительной революции, бульдозером сдирающей с земли «старый мир». Как так получилось? И после этого говорить о наших традиционных ценностях... Мавзолей, странное культовое сооружение на Красной площади – вот это действительно наша прочная, устойчивая традиционная константа на протяжении ста лет. Вроде бы и церкви полны, но и с ленинским зиккуратом расставаться не хотим. Вроде бы и Царя-мученика чтим, но и станция метро «Войковская» никак не переименовывается. И так далее, этот наш дуализм, это «двоеверие» можно описывать бесконечно...

Леонтьев когда-то правильно подметил: всё, что в России есть консервативного, это Церковь и Самодержавие, Царизм – так он именовал Русскую монархию. Остальное всё зыб-

ко, плавает, шатается; всё неустойчиво. Семья, аристократические начала (Розанов добавлял ещё и представления о собственности) – не очень сильны. Церковь и Царизм – вот и весь наш русский консерватизм. И как раз-то от них Россия однажды и отказалась. Причём от Царизма отрелась и немалая часть церковных иерархов...

Ф. Разумовский правильно подмечает: за отречением в Псков поехали именно консерваторы: октябрист Гучков и националист Шульгин. От себя добавлю: и в убийстве Г.Е. Распутина, ставшем прологом революции, принял активное участие крайне правый Пуришкевич. Очевидно, что с нашим консерватизмом было что-то не так...

Если уж рассуждать до конца последовательно, ВСЁ, включая и господствующее положение Православия, держалось на Самодержавии. Это очевидно, если помнить, чем стала для России победа Февраля, то есть свержение Царизма – ВСЁ рухнуло. **Царизм** – вот была главная скрепа России, не только государственная, но и церковная: Царь, по византийской традиции – «внешний епископ» Церкви, защитник Веры. Послефевральская история Церкви, оставшейся без Царя, говорит о многом. Вообще Февраль с сокрушительной силой подтвердил позицию Леонтьева: Россия держится Царизмом. Поразительно, до какой степени сразу же после Февраля ВСЁ расселось, распалось, разложилось – от управления страной до частного быта. Будто из тела ушла душа, жизнь...

Консерватизм... После всего, что было, нам надо собирать его по косточкам, надеясь не столько на себя, сколько на чудесное воскресение Лазаря. Если это произойдёт, то мы увидим обновлённый русский консерватизм, обогащённый катастрофическим опытом последних ста с лишком лет. И не только русским опытом. Остаётся верить, что почва наша жива и ещё способна родить.

Обнимаю, **Алексей ШИРОПАЕВ.**

Февраль 2025, Москва

ПЕСНИ И ПЛЯСКИ (заметки из дневника)

...Мне никогда не нравился фильм «Волга-Волга».

Единственный светлый, живой луч в нём – Игорь Ильинский в роли бюрократа и карьериста. В нём есть что-то тёплое, старорежимное, настоящее. Ну ещё, пожалуй, усатый водовоз, любитель заглянуть на минутку в чайную... А так, фильм в целом – какая-то надрывно-истеричная весёлость, будто персонажи песнями и плясками хотят заглушить в себе память о каком-то своём страшном преступлении. И вот наянивают вприсядку – и молодые, и старые, и бородатые мужики-лесорубы, и безбородые комсомольцы, наянивают как одержимые, как заводные куклы или зомби, вставшие из могил по воле заклинателя. Пляшут, поют – лишь бы не помнить, забыть ужас содеянного, залепить в душе свистящую дыру греха.

Смотря «Волгу-Волгу», нужно постоянно держать в уме залитый кровью Ипатьевский подвал. Слушая звонкую Орлову и басовито подпевающих ей кустодиевских волгарей с окладистыми бородами, надо сознавать, что они старательно изображают нам, насколько им хорошо и счастливо живётся без Бога. Надо помнить, что они своими руками валили кресты с куполов, превращали храмы в клубы, складские помещения и, кстати, в кинотеатры. И тогда фильм «Волга-Волга» – кино про осчастливленный русский народ – предстанет чудовищным, страшным. Станет совсем не до смеха. Явственно проступит закадровое глухое inferнальное звучание.

Герои фильма, как известно, плывут в Москву, где тогда уже закладывался фундамент циклопического Дворца Советов, новой Вавилонской башни, которую должна была увенчать гигантская статуя Ленина, указующего планете путь, а по сути – бросающего вызов Небу. На месте взорванного храма Христа Спасителя, на месте уничтоженного Православно-

го Царства возводилась атеистическая Утопия... Если помнить об этом, то сквозь комедию явно проступит бредово-фантазмагорический контекст эпохи: вообразите воздвигнутый Дворец Советов с заоблачным Лениным на вершине, а внизу, на колоссальных парадных ступенях, пляшут вприсядку, вращая балалайками, крошечные бородатые русские мужики, и Орлова поёт про Волгу...

Печатающий штрих из истории создания «Волги-Волги». Ещё до окончания съёмок был арестован и расстрелян главный оператор, отснявший львиную долю материала. Интересно, каково киностудии было завершать работу над музыкальной комедией, живописующей бурное и неподдельное веселье освобождённого народа? В кадре – песни и пляски, за кадром – выстрелы в затылок. И это тоже придавало фантастичности на экране радости отчётливый оттенок безумия...

XXX

Каким же образом Святая Русь в одночасье превратилась в страну безбожников? Вспомним Шмелёва: Москва, Великий пост, тихие покаянные службы... Как же так получилось, что этот дух, этот строй жизни, укоренённый, выработанный веками, величавый, размеренный, древний, сердечный – вдруг разом сгинул, обратился в ничто и сменился уродством и мертвечиной, массово затверженной мантрой «Бога нет»? Как самый религиозный, по мнению многих, народ вдруг **переключился**, перезагрузился и превратился в «новое историческое сообщество», способное жить без Бога? Как деревни, покои веку ходившие в церковь, потом спокойно жили рядом с этой церковью, превращённой в склад, или разбирали её на кирпич? Как мир, в центре которого стояла вера в Бога, стал миром, где Бога упоминать нельзя, где верующие превратились в странных малочисленных чудаков, в социальных изгоев, в сумасшедших, коим при соблюдении ими

определённых условий дозволено жить «на воле»; в низшую касту эдаких шудр, неприкасаемых, общение с которыми зазорно и небезопасно? Как стал возможен разворот огромной страны на 180 градусов? Это что, Емельян Ярославский-Губельман так поработал? Или всё-таки имел место некий народный процесс, метаморфоза, антипреображение? От прославления Серафима Саровского – к массовым первомайским демонстрациям с огромными карикатурными куклами, изображавшими «попов». От икон – к иконописному прославлению «Третьего интернационала» (я о Палехе 20-х годов и далее; причём речь идёт о трансформации **одних и тех же** мастеров). Почему так? Почему в то самое время (1919 год!), когда иудейка Мария Юдина, впоследствии знаменитая пианистка, во всех смыслах пошла против течения и исповеднически, на всю жизнь приняла Православие, коренной русский Сергей Есенин размалёвывал похабными стихами стены Страстного монастыря? Царь и его Семья убиты, и могилы их нет, а к гробу Ленина текла река народная, а потом долгие годы – и к мавзолею, стоящему поныне...

Помните сценку на Патриарших в известном романе, когда Берлиоз, этот мыслитель новой формации, вся сознательная жизнь коего прошла при «старом режиме», спокойно объясняет приезжему «профессору»: у нас тут, мол, почти все атеисты. И не врёт. А ведь речь идёт о городе, который Шмелёв запомнил совсем другим. И в нём **ничего** не осталось от «Лета Господня», хотя прошло совсем немного лет, в историческом плане – мгновение, секунда.

Да что там литература... Вот калужская деревня моих предков по отцу, куда меня родители привозили на каникулы. Это 60-70-е годы. Я помню, как там относились к очень немногим верующим, ходившим в уцелевшую церковь конца 19-го века. Как к неким сектантам, с лёгкой иронией и шутливым сарказмом. Если в досоветские времена юродивые – это были особо, истово верующие, то в советские времена – в

глазах большинства – юродивыми стали просто верующие как таковые. Юродивыми, разумеется, в смысле – чокнутые, малохольные, «со сдвигом». Именно таким был жизненный крест Марии Юдиной... Кстати, о крестах. Помню, в моём детском восприятии не то что «попы», а даже кресты на могилах нашего деревенского кладбища были чем-то чуждым, враждебным, мрачным, почти антисоветским. Какие уж там нательные кресты – я их не видел ни на ком, а вот Мария Юдина в такой стране проходила всю свою христианскую жизнь с большим крестом поверх одежды...

Невольно спросишь себя: а вообще был ли когда-нибудь наш народ таким уж религиозным? Может, в чём-то правы господа Белинские, считавшие нас народом-атеистом? Ведь действительно присущее, глубоко укоренённое не может в одночасье осыпаться, как сухая листва. Произошла чудовищная метаморфоза: Москва Шмелёва и Москва Булгакова – это разные миры. Тут можно умом тронуться...

Разве такое происходило с другими странами? Вы скажете: Франция, из христианской и монархической превратилась в атеистическую и республиканскую. Да, но для этого потребовался не один век, а у нас, считай, один миг. И в нём – переход от «Лета Господня» к мавзолею Ленина и проекту Дворца Советов. От народа, где крест на груди был абсолютной нормой – скачок к народу, в котором этот крест стал чем-то одиозным, знаком социальной непригодности (и так вплоть до 1988 года). Невероятно.

Честно – голова пухнет. «Но ключик от этой шкатулки найти не хватает ума...» (Евг. Рейн).

А сам-то я? Чем лучше тех палехских живописцев и несчастного Сергея Есенина? Мало ли у меня скачков?

Да, сейчас у нас в Коптево на покаянном каноне – полон храм. Но ведь и популярность Ленина, говорят, в стране идёт вверх, особенно среди молодёжи... И что в итоге перевесит?

Март 2025

ЗАЩИТА ГЛЕБОВА

«Дом на набережной» Трифонова (1976) – это, конечно, великолепная, можно сказать великая проза, и по мастерству, и по глубине смыслов. Собственно, ничего супер-страшного (учитывая то, что мы уже знаем теперь о «совке») в книге не происходит, но атмосфера там – сгущённо-инфернальная. Серо-бетонная, давящая, подавляющая, как сам дом, похожий на тюрьму.

Всё, конечно, держит, как магический кристалл, и заставляет работать образ Глебова. Если коротко, в чём суть повести? Что в центре? Взаимоотношения детей из советской элиты – кушающих, что угодно, читающих, что угодно, хорошо одетых, спортивных, идейных, тренирующих волю – и мальчика из городских русских низов, живущего рядом с домом-крепостью для избранных в двухэтажной халупе, в коммуналке, где опасные уголовные соседи и воняет керосином, дохлыми крысами и щами. Элитные мальчики не очень любят Глебова, а у него непростое отношение к ним, этим новым дворянам, нередко заносчивым и снобливым, надёжно защищённым своим положением (вспомним, как некий человек в фуражке и чёрном кожаном пальто чётко разобрался с местной уличной шпаной, посягнувшей на детей высокого начальства). На улице и в школе Глебов наблюдает своих элитных ровесников, у которых есть всё, а у него почему-то нет ничего – и это в условиях строя, кричащего на каждом углу о равенстве и социальной справедливости. Показателен совет, который даёт Глебову его неглупый и осторожный отец: не сближайся с этими мальчиками, у них своя жизнь. Отец был прав. Дом на набережной не принёс Глебову счастья.

Глебова, конечно, проще всего представить эдакой мелкой и слабой душонкой, завистником, приспособленцем и карьеристом, в решающий момент готовым слить своего ин-

ститутского мэтра, профессора Ганчука (в 70-е критики придумали даже такой ярлык – «глебовщина»). Однако справедливо ли Глебова, выходца из простых смертных, делать сгустком зла? Да, он слабovolен, да, им владеет страх, хребет его легко гнётся, но суть не в этом – героев тогда вообще было мало. Сам же автор повести начинал с вполне советского романа «Студенты», удостоенного Сталинской премии. В Глебове ли всё дело?

Литературовед Ганчук, напомним, попадает под каток разборок в советской науке конца 40-х. Однако сам он, Ганчук, в своё время идеологически укатал довольно многих, а ещё ранее, в годы гражданской войны – и просто поставил к стенке. Расстреливал. А потом пошёл по части литературоведения. Типичный советский образованец. То есть, получается, в конце 40-х Ганчук оказался жертвой той самой системы, которую сам же и создал. И вот как быть в такой ситуации Глебову, который вхож в дом Ганчука, близок с его дочерью и, разумеется, имеет соответствующие моральные обязательства, и при этом видит, поскольку не дурак, что расправа над Ганчуком – по существу, разборка среди своих? Глебов не хочет быть в ней разменной монетой. Он видит, что профессора неизбежно закопают, утопят в любом случае, и что, кроме того, Ганчук такой же марксистский долбодятел, начётчик, автор скучных книг, как и его оппоненты. Глебов жестоко страдает, мечется, тянет до последнего, доходит чуть ли не до бреда, но в то же время не хочет сгнуться, погубить свою жизнь в общем-то чуждой ему схватке. Отчуждённость Глебова от Дома на набережной – именно этим объясняется та ненависть, которую жена Ганчука, коммунистка Юлия Михайловна, испытывает к Глебову: он ЧУЖОЙ, НЕ НАШ. Юлия Михайловна сие называет – «буржуазный». Она не доверяет мальчику из нищих низов, который так зорко подмечает роскошь советско-элитной жизни, все эти хорошо пахнущие лифты с зеркалами, строгих вахтёров в картузах, американ-

ские куртки на молниях. Чтобы как-то объяснить себе чуждость, *посторонность* Глебова, Юлия Михайловна решает считать его подонком, подлецом. Наклеивает ярлык. Так ей, высокоидейной и обеспеченной советской интеллигентке, понятнее.

Но Глебов не подонок, не урод, он способный, но не героический мальчик из народа, попавший в жернова уродливой советской жизни, неумолимо зажёвывающей и ломающей людей. И он попросту выживает в этой жизни, пытается в ней состояться, он сел не в свои сани, не послушав отца, и платит за это очень большую моральную и психологическую цену. Не Глебов зло, не в нём зло, хоть он и не святой, конечно. Не в «глебовщине» дело, а в укладе. Не Глебов – исчадие ада, а дом на набережной, воплощающий тиранию. Трифонов – хотел он сам того или нет – написал вещь не о «глебовщине», он создал драму о маленьком человеке в условиях тирании. Как бы ни стремился автор, сам – выходец из Дома на набережной, морально уничтожить своего антигероя и вызвать у читателя чуть ли не физическое отвращение к нему, мне очевидно: Глебов и, конечно, Сонечка, дочь Ганчука – вот подлинные жертвы во всей этой истории. И я берусь защищать Глебова.

Интересная деталь: как мне видится, добившись положения, Глебов всё же не стал – на каком-то клеточном уровне – в элитарном советском слое СВОИМ. Он так и остался выскочкой, человеком «не их круга». Показательна та дистанция, которую держит в общении с ним мать Лёвки Шулепникова, когда она и эссеист Глебов в одном поезде по разным делам едут в Париж. Да и сам Лёвка, хоть и спившийся до уровня грузчика в магазине и сторожа на кладбище, тем не менее сохраняет связь со своим изначальным социальным слоем – он без труда раздобыл глебовский телефон через каких-то своих мидовских знакомых. И в финале повести он, проезжая в троллейбусе мимо Дома на набережной и раз-

глядывая окна своей бывшей квартиры, питает надежду на «чудо» и «перемены в своей судьбе». И так ли уж безосновательно? Ведь он – из СВОИХ.

Устойчивость элитного слоя, созданного большевизмом, известна. В частности, как это нетрудно заметить, горбачёвская перестройка во многом определялась борьбой между различными группами советской элиты. Многие её представители (или же потомки представителей) перешли в бизнес, в политику, в госаппарат постсоветской России. Вообще, постсоветский элитарно-клановый слой – это повторение, новое издание советского дворянства, очередной «Дом на набережной», разумеется, на качественно новом «феодалном» уровне. Но «Дом» этот по-прежнему, как и подростку Глебову, загораживает солнце непричастным, живущим где-то там, в зяблых нижних слоях. Кстати, и так считают многие, нынешние отношения власти и оппозиции нередко развиваются в контексте борьбы внутри всё того же элитного многоэтажия, когда-то заложенного большевистской тиранией, и никогда не исчезавшего, а только «перестраивавшегося». А простым смертным, как некогда Глебову, опять предлагается очередной «судьбоносный выбор».

2020 (2021?)

ЦВЕТЫ НА МОГИЛЫ

1. Коренной

Александр Николаевич Стрижёв. В самом его облике и внутренней сущности было нечто не просто русское, а подчёркнуто-русское, настойчиво-русское, но не лубочное, а глубокое и природное, если угодно – охотнорядское, напоминавшее о таких названиях как «Союз истинно-русских людей» и «Союз русского народа», СРН. В нашем кругу относительно молодых правых Александра Николаевича с теплом душевным и уважением называли доктором Дубровиным (лидер

СРН, расстрелянный чекой). Бородка с усами, очки, умные внимательные глаза, высокий лоб и при этом крестьянская подвижная крепкость невысокой фигуры – от самой внешности А.Н. веяло чем-то коренным, по-русски антисоветским, дореволюционным. Его почитание Царя-Мученика, Государя (так он произносил неизменно) являлось не плодом некой московской субкультуры, а глубоко-подлинным опытом, свободным от всякой надрывной интеллигентщины. Родившийся в деревне на Рязанщине уже при Советах, в 1934-ом, Стрижёв был дореволюционным человеком, он нёс в себе закваску ТОЙ, настоящей России, я думаю, даже дышал её воздухом.

Я уверен, именно эта закваска свела и сблизила Александра Николаевича с А.И. Солженицыным, у них были родственные натуры, родственное чувство слова, вкус к его русской наваристости и меткости. Конечно, в сравнении со Стрижёвым мы, молодые, выглядели эдакими странными городскими цветами на ниве новой русской правой. Александр Николаевич, чья хлебосольная старомосковская квартира стала одной из точек чёрно-золото-белой «сборки», был нам послан как ориентир, высокая мерка подлинной живой уцелевшей русскости – умной, смелой, здоровой, бескомпромиссно антибольшевицкой и православно-монархической.

Опять же, вот таким же – уцелевшим! – был и Солженицын, и, повторяю, встреча их, знакомство и сотрудничество глубоко неслучайны. Когда Стрижёв говорил о революции и её бесах, смачно, махрово называя их «пятиконечниками», перед нами стоял живой черносотенец, так и не закатанный в асфальт столетием советчины. Этот стрижёвский антибольшевизм, как я теперь вижу, отшелушил с моей натуры много мусора. Притом Александр Николаевич никогда не представлял никаким мрачным, насупленным фанатиком, ему совершенно чужда была «фундаменталистская» зашоренность бывших пионеров-комсомольцев, свойственная нам, молодым. Православие было его дыханием, а не формой идео-

логии; своего любимого святого, Преподобного Серафима Саровского, он называл тепло и по-домашнему: Батюшка Серафим. В его вере жила правильная, действительно святая, крестьянская простота, совершенно недоступная нам, неофитам. Его православие светилось жизнелюбием, оно освящало и благословляло землю.

Стрижёв по-крестьянски любил и знал природу, все её неисчислимыe травы-муравки, мастерски их описывал. В его понимании простых радостей бытия таилось нечто глубоко настоящее, подлинное, уходящее корнями в русскость натуры. Помню, как он звал нас с Сергеем Фоминым к себе на дачу, в Подмосковье, вкусно и веско приговаривая: «Наварим картошки, чтобы, знаешь, так – вволю...». Вволю – это он ёмко и хорошо, очень по-нашему сказал. Слава Богу, эта поездка состоялась (год 92-й, наверное, осень): была и картошка, и всё то, что к ней непременно в России полагается, и беседы... Общение со Стрижёвым всегда было целительным, укрепляющим, как припадание к почве. Ко мне Александр Николаевич относился душевно, и, зная про мою склонность ко всяким поискам-заворотам, называл меня ласково «забурный» - так мне рассказывал Серёжа Крюков, глава Братства во имя Преподобного Серафима Саровского, где на протяжении многих лет состоял Стрижёв, его основатель (А.Н. и Дивеево, знаменитые Серафимо-Дивеевские чтения, в коих и мне довелось поучаствовать – отдельная тема). В конце 2020-го Серёжа Крюков ушёл... А теперь – и Александр Николаевич, замечательный и плодовитый русский писатель, чей вклад в дело Русской Правой огромен. Встреча и общение с ним – это был щедрый подарок судьбы, и очень жаль, что этим подарком я, по глупости своей и нерадению, не смог в полной мере воспользоваться – во вразумление и в укрепление мира душевного. И теперь остаётся надеяться только на грядущую встречу.

Апрель 2022

2. Памяти С.В. Скоробогатова

Сергей Владимирович Скоробогатов. Для нас, тех, кого дороги судьбы свели с ним близко, на протяжении многих лет – Сергей. Рослый, статный, высоколобый. Улыбчивый и спокойный, внимательные серые глаза, прямой взгляд. Настоящая русская натура, вносящая в окружающий раздёрганный и мелочный мир умиротворение и надёжность, размеренность и широту.

Сергей обладал удивительным душевным даром оказывать целительное воздействие на людей. Рядом с ним было хорошо, дразги и проблемы становились нестрашными, жизнь теряла свою угловатую жёсткость, душа перенастраивалась, светлела, преисполнялась миром. Это был именно дар, свойство природы Сергея, делавшее его одним из тех, кого знающие называют *Sonnenmensch* – солнечный человек. Таких мало...

И это сочеталось в нём с очевидной военной, офицерской косточкой потомственного военного. Выпускник Института военных переводчиков, офицер, начавший вполне успешную служебную карьеру, он мог бы её и продолжить, если бы захотел. Но отказался, не сойдясь душой, принципами с новой эпохой, наступившей после 1991 года...

И, тем не менее, в летопись этой новой истории России Сергей, несомненно, вписал своё имя. Говоря о возрождении русской монархической идеи, невозможно не видеть статную, шалепинскую фигуру Скоробогатова, с начала 90-х принимавшего в этом процессе активнейшее организационное участие. За уверенной, русской мягкостью манер и искренней доброжелательностью Сергея жил некий нерушимый внутренний стержень, составлявший суть личности Скоробогатова. Сергей был и остался до конца православным христианином и русским монархистом, сумевшим – что

особенно важно! – уберечь тот самый внутренний стержень от порчи духовного конформизма и политической пошлости – в отличие от многих...

Сергей был из тех, кто видит, что мы живём во времена, когда извращается и подменяется всё. В своей известной картине «Христос и антихрист» Глазунов попытался создать зримый образ этой подмены: на зрителя смотрят два лика, очень схожих внешне, как «близнецы». Но только один лик источает безусловный свет, а в другом проступает внутренняя тьма, скверна, которую не сразу и заметишь... Мир ловил Сергея Скоробогатова, но так и не поймал.

Вспоминаю незабвенную осень 1999 года. В Москве прогремели взрывы, ставшие знамением новой эпохи, в воздухе будто носилась их горькая пыль, с юга доносилась канонада Второй Чеченской войны. Разворачивалась эпопея феерических выборов в Госдуму, в телевизоре Доренко спокойно дробил в зубах политических конкурентов «Медведя», время стремительно катилось к новогоднему ельцинскому «Я ухожу». Решили показать себя и русские правые. Той осенью мы с Сергеем выступили в головной тройке предвыборного списка Движения «За Веру и Отечество», окормляемого нашим общим другом иеромонахом Никоном. Первым в тройке шёл Александр Кузьмич Иванов-Сухаревский, лидер Народной Национальной партии, с зимы находившийся в заключении в Бутырской тюрьме по 282-й статье. Сергей приветствовал такой порядок в списке и без колебаний поставил своё имя рядом с именем политического заключённого. Вскоре Александр Кузьмич вышел на свободу – возможно, в какой-то мере тот предвыборный список и сопутствовавшая ему публичность этому поспособствовали...

Уходят люди, с которыми меня соединяло Братство Преподобного Серафима Саровского. Александр Николаевич

Стрижёв, Сергей Фёдорович Крюков... Теперь вот ушёл и Сергей Владимирович Скоробогатов. Ушёл рано, скоропостижно, всего-то на шестом десятке жизни... Ко мне он относился всегда сердечно, с любовью и терпением, извиняя многое, будто зная, что, покружив-помаявшись, я вернусь всё-таки на наш общий путь...

Помню далёкую Пасхальную ночь в старинном подмошковском храме Успения в Валищево, куда нас с женой пригласил Сергей. Это рядом с дачей Скоробогатовых, где Серёжа скончался минувшей осенью. А в ту Светлую ночь никто не мог знать, что вот под этими церковными сводами Сергея отпоёт отец Никон...

Стоял апрель, начало «нулевых». В храме, поначалу печально-сумеречном, а потом – разом – светлом и радостном, было многолюдно, даже тесно. Я, переполненный тогда своими «языческими» заморочками, не совпадал душой с этой радостью, с даром этой ночи, который стал возможен благодаря Сергею. Но службу выстоял, вместе с народом отвечал: «Воистину Воскресе!» – не от сердца, конечно, но всё же чувствуя некую глубинную печаль не до конца христианской души... Потом было ночное застолье у Скоробогатовых на даче, с красными яйцами и куличом, с вином и закусками. Сергей снова и снова – будто хотел достучаться до моего сердца – провозглашал: «Христос Воскресе!», и я, вместе с нашими жёнами, отвечал: «Воистину Воскресе!». И снова было чего-то жаль. Что-то хотело снова проклюнуться во мне, прорасти, вернуться...

И ведь вернулось – хоть и многие годы спустя.

Спасибо тебе, Серёжа, за ту Пасху.

Христос Воскресе!

Февраль 2025

МОЯ ИМПЕРИЯ

Манифест-покаяние

Российская Империя. Предмет моей первой любви и моей же ненависти. И вот снова – любви. Вот только теперь я понимаю её подлинную великую ценность – ценность Империи Царей.

Для этого надо было прожить долго. Только теперь я понял, что Российская Империя была – при всех драматических сложностях и издержках русской судьбы, о которых правильно писал тот же Меньшиков – НЕ тюрьма русского народа, а форма его исторического существования, его тело и броня.

Нет, множество Русей, множество русских народов, о которых я много пел – это красивый соблазн, который обернётся безобразием хаоса и нашим изничтожением, истоптанием. Русским надо памятно держаться за свою империю, и не стыдится её.

Российская Империя – это не средоточие зла. Во-первых, её не надо ставить на одну доску с совком. Во-вторых – да, она ничем не хуже других европо-империй. Ничем. Как и другие империи европейского корня, Россия несла ту же великую цивилизационную миссию. Да, у России несравненно более сложная судьба. Несравненно! Да, Орда здорово эту судьбу изломала. Это признавали и Алексей Константинович Толстой, и Иван Ильин. Однако при этом и Марк Алданов, и даже Александр Янов **не** отказывают России в европеизме.

Да, Москва, как Париж – Бургундию, раздавила европейский Новгород (и это несомненная, увы, потеря), но при этом, по Янову, сама же, она, Москва, в это же время, находилась в контексте европейского Возрождения. Наш Кремль – европейский. Миланский – и это неспроста. Новгород никуда не делся, а синтетически пророс Петербургом и Серебряным

веком. Ибо Россия – европейская (по корню) страна, несмотря ни на что.

Либеральное морализаторство, критикуя Российскую Империю, тычет нам в нос Польшу и Среднюю Азию – ну так ведь и у Британской империи были Ирландия, где британцы творили чёрт-те что, а ещё и Индия. Как бы то ни было, согласно демократу Георгию Федотову, исторический баланс Российской империи положителен, и она занимает абсолютно достойное место в ряду империй, творивших «Белый мир», начиная с Римской.

Да, Россия – Рим, изживавший в себе Орду, Рим – и по стати, и по смыслу. Великий римский смысл несл в себе Российская Империя с её могучим русским замесом. Эти смыслы размывали солидарно Лев Толстой, либералы и большевики – и в итоге мы, русские, вместо Империи Столыпина и Дягилева получили вавилонскую империю ГУЛАГа и проказу ленинского федерализма, которую неизвестно как лечить. Наши либералы-западники активно работали на азиатский Вавилон!

Спасибо, к 62-м годам я разобрался и расставил балансы. Я теперь знаю, где настоящий европеизм. Он не в мельчании и дроблении, а в мощи и шири. В духе Рима, солнечном и грозном. Все эти нео-революционные корчи БЛМ и Антифа показали мне, где правда. Спасибо, хорошо вразумили и отрезвили. Правда – не в регионалистских играх с их большевицко-либеральным душком, а в РИМЕ. **Вечном и неотменяемом.** Единственном, дающим свободу, развитие и безопасность. Культуру и мощь. То, чем жива земля до сих пор. Правда – в нашей вере в возвращение РИМА. В веру в РИМ.

2022

МОЙ ЦАРЬ

Царь Николай Второй в стильном старо-русском облачении. Пресветлый последний Король Гондора: щемящее фото с костюмированного бала 1903 года. Этот бал должен был стать знаковой акцией: Русская Монархия стремилась совместить традицию и развитие. Этот бал, как стиль, как бы ложился в основу будущих реформ Столыпина. Царизм – а мне снова нравится это веское, звучное слово, придуманное врагами Русского Царя – нащупывал свой новый стиль, свою эстетику эпохи модерна с проекцией в политику.

Для меня данный текст – глубоко принципиальный. Царь Николай – этот его портрет при совке стал концентрированным образом антисоветчины. В глухие застойные времена это фото, подпольно распространяясь по национально-мыслящей, антисоветской, русской Москве, было зримым образом Утраченного. По сути апокалиптическая, обрывная фотография стала напоминанием о нашей преступно упущенной Возможности. Возможности Блага и Мощи.

На переломе Девяностых ведь я сам воздымал на тогда ещё советских улицах Москвы портрет убитого Царя. Простите меня, Ваше Величество – я был молодой и незрелый дурак, я не понимал до конца сугубого смысла того, что делаю. Потом меня крепко помотало. Простите меня!

Если рассуждать трезво, весь Русский Европеизм, столь для меня драгоценный, держался на Вашем Русском Троне с его нордическим варяго-германским каркасом. Вы, Ваше Величество, были подлинным русским европейцем, Вы, а не пошляк Милюков и прочие болтуны-либералишки.

«Понял теперь я: наша свобода только оттуда бьющий свет» –, писал верный Вам до смерти Николай Гумилёв. И вот, наконец, и я постиг сию строку, проникся ею. В Вашем лице мы, русские, потеряли шанс, который уже не вернуть.

Мир вступил в фазу Апокалипсиса, окончательного распада, когда нужно просто с достоинством выстоять, остаться человеком – это всё, что нам остаётся. Встретить лицом к лицу антихриста, и не посрамиться пред ликом Христа.

Западу предстоит пофазно, по глоточку пережить всё то, что прошла Россия с Февраля по Октябрь и далее. Дональд Трамп был последним шансом Запада, шансом его нормальных людей, не желающих терять образ Божий, не желающих транс-расчеловечиваться.

Вы, Ваше Величество, и поныне остаётесь воплощённым достоинством Белой цивилизации и её великих, основополагающих смыслов. Все смыслы рухнули и потеряли цену после катастрофического крушения Русского Трона.

Вы, мой Царь, воплощали русское начало и Русское государство. Ничего лучшего, ничего более национального, благородного, свободного, благодатного и благополучного, ничего более русского, чем представленная Вами монархия у русских не было, и, наверное, не будет уже никогда.

Именно после Вашего отречения мир вступил в окончательную, отчётливо-катастрофическую фазу. На Вас, как теперь понятно, держалась Европа и ценности европейского благородства.

Вы были милостивы, Ваше Величество, и не утопили в крови мятежную, наглую мразь. Наверное – зря! Ваша милость не пошла впрок. Мы даже не видим мерзости, в которой живём.

Простите нас – однако мы не достойны Вашего прощения. Но Вы – милостивы, Государь. Мой Царь.

2021

«ПАЧЕ СНЕГА УБЕЛЮСЯ» (Письмо С.В. Фомину)

Приветствую, дорогой мой Сергей!

Хочу поделиться даже не мыслями, а, скорее, чувствами. Да, это именно чувства, интуиции. Дух, Он, как известно, дышит, где хочет. Не оставлял Он нас и в атеистические времена... Вот, скажем, Евтушенко – и про Кубу писал, и антисеми-

тов клеймил, а вот коснулся Снега – и какой тон... Глубинные «коды» заговорили. Стихотворение само – да, возможно, неровное, но ВСЁ искупается одной первой строфой:

***Идут белые снеги,
Как по нитке скользя.
Жить и жить бы на свете,
Но, наверно, нельзя...***

Бриллиантовая строфа – и форме, и по смыслам. Как нас учили преподаватели соцреализма? Единство формы и содержания? Вот тут-то оно как раз и есть. Повторяю, само стихотворение, возможно, неровное, но вот эта строфа – бриллиант. «Как по нитке скользя» – так прочувствовать падающий снег не смог до Евгения Александровича никто. Абсолютная русская лирическая пронзительность и точность.

Но главный шедевр – дальше: «Жить и жить бы на свете, да, наверно, нельзя». Да, как бы ни хотелось нам жить и жить – но «НАВЕРНО нельзя». НАВЕРНО. Гениальная по своей деликатности и точности метафизика. Ну, конечно же – НЕЛЬЗЯ, именно в этой нашей конечности и вся соль. Наша ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ. В этом робком подсоветском «НЕЛЬЗЯ», в этой догадке напрочь опрокидывается весь нынешний трансгуманизм. Мы конечны и смертны, но чаем бессмертного и нескончаемого. Это в высшей степени религиозная строфа. Абсолютная чистота русского религиозного чувства. «Если грехи ваши багряные – как снег убелю...».

И всё это соединено с гениальной метафорой замедленно скользящего за окном снега. «Как по нитке скользя...». Ход времени.. Милость Божия... Покров... «Если грехи ваши как багряные...».

Это русское Православие в четырёх строках. Это русский «символ веры». Русскость проверяется на этой строфе. Любовь к Великому нашему Снегу – покоящемуся и вечно идущему – вот оселок русскости...

Обнимаю тебя – **Алексей ШИРОПАЕВ.**

18 декабря 2024.

РЕПЛИКА О ТРАНСГУМАНИЗМЕ (Из записных книжек)

В проекте – постчеловек вне пола, расы и, возможно, вообще вне биологии, «человек» вне звериного и Божеского в себе. Этому существу будет чужд весь опыт мировой культуры. Возможно, оно обретёт материальное бессмертие, но, скажем, чеховская «Чайка» или «Гамлет» станут для него чем-то вроде птичьего языка. Опять на повестке дня – строительство «нового человека» и «нового мира». И я лично выбираю Старый, замшелый, несовершенный и роскошный мир, тот, который пока ещё теплится, шевелится и дышит, наш мир, где есть зло и святость, счастье и несчастье, неизбежная смерть (часто нелепая) и бессмертие души. Мир, где гниющий труп лошади рождает великую поэзию, а безумие невпадет сопровождается гениальностью. Лично я остаюсь человеком и с человеком. Неполиткорректным и опасным. Да, сложным. С Ницше. С Вагнером. С Чарльзом Буковски и Мисимой – несть им числа. Один из леволиберальных поклонников «эволюции» пишет, что человек сегодня – это уже не Раскольников и не Мышкин, а некая «Великая Жизнь». Предпочитаю остаться с топором Раскольникова и эпилепсией Мышкина, нежели с этой очередной пустой выхолощенной абстракцией. Нас, русских, ими уже достаточно пичкали в XX веке. Транс-комиссары в кибер-шлемах спешат склониться над поверженным человеком, но он, «сволочь фашистская», ещё поборется. Ещё не раз он, реакционный, тленный и непредсказуемый, уродливый и прекрасный, внесёт сбой в стройное нарастание inferнальной «эволюции» расчеловечивания. Ещё не раз оскал его ветхого адамова черепа оскорбит и напугает политкорректность, заставив её лепетать: «У нас проблема». Ибо он прав, Человек Проблемный, Божий человек: земля завещана людям, а не постлюдям, которых в древности именовали просто и коротко: **нелюдь**.

2022?

ВЕРА И ЗНАНИЕ (1987)
О романе М. Булгакова «Роковые яйца»

Не претендуя на звание первооткрывателя, хочу предложить свою трактовку идеи романа.

По своему *идейному* значению «Роковые яйца», может быть, выше, чем даже «Мастер и Маргарита», ибо в первом произведении дано бескомпромиссное противостояние добра и зла, тогда как во втором сквозит идея их относительности, столь соблазнительная для слабых душ, не умеющих Верить. Выражаясь прямолинейно, «Роковые яйца», несомненно, гораздо более, чем «Мастер...», христианское произведение, в то же время лишённое всякого ханжества и примитивной назидательности.

Говоря кратко, «Роковые яйца» – роман-обличение, обличение Идеи ложного развития человечества, пути земного прогресса в ущерб пути Царства Божьего, т.е., выражаясь словами Н. Бердяева, обличение *пути Змия*. Я уже говорил, что роман мне представляется ценным в силу содержащегося в нём бескомпромиссного разделения добра и зла, в силу их противопоставления. Это противопоставление пронизывает всю образную систему романа: Храм Христа Спасителя (Вера) и улица Герцена, на которой расположен институт зоологии (Знание). Причём интересно отметить противопоставление друг другу самих архитектурных характеров Храма и улицы, т.е. некоего обрётённого, исполненного объёма и протяжённости, перспективы. Храм – это нечто вечное, вневременное, это – обретение. Улица – это путь в принципе, «путь ради пути», в котором ценности чередуются как окна, как дома. Это то, что Флоренский называл «перспективизмом», это образ атеистической эскалации в пустоту. Храм устремлён в высь, Улица ползёт во прахе.

Христос противостоит Герцену, т.е. Богочеловек противостоит человеку, вставшему на «змеиный» путь самообо-

жествления, человекобогу. Истина Христа противостоит пути Герцена, ведущему в пустоту. Чтобы обрести Истину Христа, надо свободно уверовать. На пути Герцена во имя достижения истины, конечное обретение которой отвергается в принципе, режут лягушек, расстреливают людей, делают революции; т.е. на этом пути принципиально требуется насилие, кровь, **заклание**.

Булгаков, великолепно продолжая Достоевского, даёт художественный образ пути Змия. Как очевидец, Булгаков художественно засвидетельствовал, что пророчества Достоевского вполне сбылись. Он показывает, как ложная идея, ложная вера, ложный пророк, ложно знающий, порождают ложное жизнеустройство; как рабство духовное порождает рабство общественное. Ложная вера – это атеизм и науковение, рождающие общественную ложь, царство хама. На первых страницах романа Булгаков рисует, как, потрясённый открытием Красного Луча, Профессор «машинально» смотрит на золотую шапку Храма Христа Спасителя и шепчет: «Как же я раньше не видел его!». Сначала читатель думает, что речь идёт о куполе Храма, но потом выясняется, что Профессор имеет в виду зловещий Красный Луч, вызывающий невиданные мутации организмов; Красный Луч, а не золотой свет купола Христова храма. На купол Профессор смотрит, что называется, «в упор его не видя». Это слепота тех интеллигентно-теоретиков, которые вольно или невольно вызвали к жизни Комиссара-практика.

Профессор и Комиссар, хотя, разумеется, и не любят друг друга, составляют то единое целое, которое толкает человечество в пресловутую пустоту, лишая его всего святого, присутствующего: Бога, личности, национальности, культуры. Профессор и Комиссар относятся друг к другу приблизительно так же, как Верховенский-старший относится к Верховенскому-младшему («Бесы»). И сына, и его духовного отца объединяет Красный Луч – ложный свет, ложное учение, Люцифер.

Красный Луч – это сатанинская сила мутации, эксперимента, соблазн магического могущества, перед которым не устояли алхимики, творцы гомункулов и прочие масонские мудрецы. Профессор – это маг. Магия – это продолжение науки, «расширенный натурализм» (Бердяев). Таким образом, противостояние Храма и Улицы есть, пользуясь понятием Бердяева, противостояние Мистики (т.е. внутреннего откровения, свободы, Веры) и Магии, т.е. необходимости, рабства Знания.

Красный Луч – это «исправление» Творения, насилие над природой и естеством, это соблазн знания и власти, за которыми стоит адское ничто. Продолжающие служить Красному Лучу, ныне покрывают планету сетью атомных станций, осваивают в целях власти парапсихологию и ставят изуверские опыты в генной инженерии.

Революция – это тоже мутация, гомункул истории. (В этой связи, мутация 1917 г. есть лишь продолжение мутации более ранней – петровской, когда у русского ампутировали бороду и приращивали к его голове французский парик. Немца в комзале продолжил Комиссар в кожанке.) И не случайно, что именно служитель Революции берёт в руки аппарат Красного Луча, дабы продемонстрировать миру невиданные результаты в птицеводстве, и вся природа в окрестностях лаборатории, такая родная, наша, русская, замирает в ужасном предчувствии. Это напоминает пришествие марсиан из «Войны миров» Г. Уэллса. Надвинулось что-то нелюдское! И вступившим на путь Змия, Змий является, так сказать, во плоти. Важно отметить, что вызвавшие Змия, соблазнённые им, становятся его же жертвами. Как тут не вспомнить революцию, пожиравшую своих детей (и отцов!). И, конечно, невинных.

В мерзком змеином шквале, захлестнувшем страну, Булгаков выразил сущность того, что произошло с Россией и чему он был свидетель. Причём интересно, что в романе нарисован «фантастический», облагороженный СССР, напоминаю-

щий утопии футуристов, явно имеющий черты, которые мы хотели бы видеть у нас после нынешней перестройки. Тут и высокий технический уровень, и нэп, и т.д. и т.п. В этом явно читается мысль, что никакие реформы в рамках совсистемы не меняют её сущности, и нет никаких гарантий, что наша перестройка не сменится очередным периодом «застоя», а то и ещё чего-нибудь похуже. В любую минуту может явиться допотопный Комиссар, который опять вызовет Змия.

Змиинное нашествие в романе случается в результате более или менее объяснимых научных манипуляций. Избавление же от Змия происходит необъяснимым, надприродным, чудесным образом. Мороз, погубивший рептилий, случился в **августе** (как тут не вспомнить избавление от марсиан в «Войне миров»), и этим Булгаков подчёркивает чудесность избавления. Россию спасла не армия, не правительство; Россию спас всенародный Храм, образ которого проходит через весь роман и чья золотая шапка сияет над умиротворённой Москвой в финале. То, насколько верно Булгаков обозначил силу, противостоящую Змию, подтвердила история ещё при жизни автора «Роковых яиц»: ведь спустя всего несколько лет после создания книги храм Христа Спасителя был взорван функционерами Змииной системы. Видимо, они не были спокойны, пока золотая шапка сияла в небе Москвы, а значит и над всей Россией. Видимо, знали они, что при свете этой шапки не смогут они вколачивать в сознание народа свою атеистическую и космополитическую псевдоверу, не смогут они заставить Россию забыть свою сущность. Уничтожая храм Христа Спасителя, материальное выражение народного духа, змиинные функционеры сознательно выступали против России и её народа как поработители. И не случайно, что уничтожитель храма Лазарь Каганович, нажавший кнопку взрывного устройства со словами, достойными оккупанта: «Мы задерём подол матушки России!», был главным действующим лицом «коллективизации», обернувшейся физическим и культурным геноцидом русского народа.

В своё время Достоевский, с гениальной прозорливостью предвидевший Змииное нашествие, указывал, что нигилисты, революционеры, рядясь в одежды благодетелей народа, на деле выступают как враги народа, стремясь навязать ему свои догмы, свою псевдоверу, и разрушить храм веры народной. Началось с того, что студенты (эпоха Достоевского) курили в Казанском соборе. Началось с подленького глумления над иконой (роман «Бесы»). Кончилось разрушением Храма Народного. Точно так же и нигилисты от естествознания, науковеры стремятся навязать свою порочную волю природе, сделав из нее подобие управляемого механизма.

И то, и другое есть путь человекобожеский, путь Знания, противоположный пути богочеловеческому, пути Веры. И может наступить момент, когда нигилисты-правители (комиссары) дадут определённое задание нигилистам-учёным (профессорам), и человекобог явится уже не как абстракция, символ, понятие, а как конкретный биологический объект, человек-мутант, *нелюдь*.

Но вернёмся в финал романа, к картине тихой московской ночи, в синеве которой светится купол Христова Храма. Эта картина – надежда. Надо надеяться, ибо Древо Церкви всё-таки не вырвано из Русской земли. Наш дух жив, и придёт пора, когда там, где сейчас, подобно бредовым миражам нигилизма, вьются испарения бассейна «Москва», вновь встанет златоглавый великан. Верую!

Москва, август 1987 года

«А ФЛАГ СССР... СНОВА ПОДНЯТ... В СЕРДЦАХ...»

(Письмо С.В. Фомину)

Здравствуй, Серёжа! Вот, хочу поделиться с тобой некоторыми сумбурными мыслями, которые «давят череп»...

Да, времена смутные, как бы банально сие ни звучало. И смуте этой больше ста лет... «Ненастье» Урсуляка пока не

видел, надо ознакомиться, спасибо... Я тут посмотрел «Хроники русской революции» А. Кончаловского – сразу скажу: это совсем не «Красное Колесо», хотя по охвату исторического времени как бы перекликается с великой эпопеей А.И. Солженицына. Да, сделано профессионально, но остаётся весьма мутный осадок. Продукт советско-интеллигентского сознания, гордого и якобы всезнающего.

С какого-то момента чётко повеяло эдакой «Агонией-2»... Дикие обвинения в адрес Государыни (по части коррупции, а ведь должен ведать маститый и начитанный режиссёр, что февралистская «чрезвычайная комиссия», копавшая весьма рьяно, НИЧЕГО так и не смогла предъявить Царской Семье), знакомая картина маслом «прогнившего царского режима»: «безвольный Николай Второй» (спасибо, что хотя бы не «кровавый»), развал промышленности, снарядный голод (и ни слова о том, что это была проблема всех воюющих сторон, решённая Россией столь успешно, что потом пришлось сдерживать производство снарядов), жандармский генерал Курлов, выведенный под именем Курловского, и изображённый лютым, бессовестным коррупционером, пускающим себе пулю в висок (реальный Курлов, убеждённый монархист, как известно, умер в эмиграции, оставив воспоминания)... А образ Г.Е. Распутина – даже в сравнении с тем, что уже сделал в этом плане Машков (при всей неоднозначности его работы), у Кончаловского явный откат назад, к Элему Климову...

Наконец, фигура Ленина (талантливо сыгранного Ткачуком), постепенно, от серии к серии, превращающегося в единственную силу, спасающую Россию от распада, в эдакого патриота, противостоящего злостным британским козням («англичанка гадит»!) и дающего народу «образ будущего», представленного в финале мозаикой из соответствующих кадров советской кинохроники...

Фильм заканчивается пафосным закадровым чтением известного панегирика Ленину, написанного Маяковским...

Короче, сериал Кончаловского – это очередная констатация неизжитости всего того, что с нами когда-то произошло...

xxx

Пока писал, начал смотреть «Ненастье» Урсуляка. Безусловно, талантливый фильм, полное погружение в эпоху и материал, щемящая музыка Артемьева... Помнишь сцену, когда ветераны-афганцы наблюдают по телеку спуск советского флага над Кремлём и замену его на триколор? Что они вынесли из этого зрелища? Смутную горечь и полное освобождение от всех общественно-моральных норм, осознание, что отныне нормы существуют только между своими (и то – до известных пор). Поднимающийся бело-сине-красный флаг не вызывает в них никаких эмоций, никакого отклика, он непонятен им. Он для них – флаг начинающегося беспредела и только, а не «обретения исторических основ».

Триколор стал не флагом преодоления столетней смуты, а флагом её продолжения... А флаг СССР окутался дымкой ностальгии, дымкой утраченного рая... По сути, он снова поднят... в сердцах... Помнится, Шульгин, казнимый долголетьем, проживая под надзором КГБ в своей владимирской пятиэтажке, надеялся, что смута будет постепенно изжита самим народом, но мы сейчас видим: он ошибался. Смута проросла в душе народной, и негодующая реакция многих на фильм «Мумия» – тому свидетельство...

Где-то читал недавно: распад Византийской империи продолжался не одно столетие – а разве с нами не может происходить примерно то же самое? В течение этих веков распада Византия переживала и моменты побед, периоды подъёма, «вставания с колен», реваншей, казалось бы, возрождения – но общая историческая тенденция при этом оставалась неизменной. С этой точки зрения, скажем, советская эпоха с её достижениями, триумфами и победами – это лишь эпизод

в процессе распада, начавшегося в треклятом Феврале 1917 года. С Февраля мы живём в состоянии длящегося распада. Долгая агония, то ослабевающая, то снова усиливающаяся, но никогда не уходящая, постоянно длящаяся даже в победах...

И нынешняя роскошная, как никогда, Москва вполне вписывается в картину этой исторической имперской агонии... Которая может продлиться ещё столетие... А возможно – подходит к своей развязке... И та же проблема миграции, т.е., по сути, замены населения – часть этого процесса исчезновения...

Замечу, что Византия до самого конца пребывала под властью Православных Императоров и не была поражена язвой массового безбожия. У нас всё иначе. Так что наш закат может оказаться не столь долгим, как у ромеев...

Конечно, очень не хочу радовать своими рассуждениями тех, кто мечтает о нашем исчезновении... Возможно ли «восстановление попорванного»? Для Бога нет ничего невозможного, хотя бесы, видимые и невидимые, сделали всё, чтобы это не произошло. Чудо возможно, но Господь ждёт нашего покаяния и молитвы. Нашего нового обращения в **ромейство**. А мы продолжаем коснеть в смуте, влача и дальше наследие безбожия и предательства, и приумножая его...

Обнимаю, твой **Алексей ШИРОПАЕВ**,

14 ноября 2025, Москва

Содержание